

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 1 (65)

Нижний Новгород

2024

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова. Вып. 1 (65). — Н. Новгород: НГЛУ, 2024. — 194 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), М. А. Ариян, О. В. Байкова (Киров),
К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев,
В. И. Карасик (Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина,
Н. В. Макшанцева, М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск),
О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева, Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова,
В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2024

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

LINGUISTICS UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

LUNN BULLETIN

Issue 1 (65)

Nizhny Novgorod

2024

LUNN Bulletin. Issue 1 (65). — Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2024. — 194 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© LUNN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.....	9
Тезисы vs. аннотация: сопоставление с использованием корпусного подхода <i>Анашкина И. А., Конькова И. И.</i>	9
О видах импликации в семантической структуре косвенных репрезентативов (на материале английского языка) <i>Бугрова С. Е., Лисенкова Н. Н.</i>	25
Образно-ценностный компонент лингвокультурного концепта РОДСТВО в русской языковой картине мира <i>Марфина Ж. В.</i>	37
Интердискурсивное развертывание рекламной информации в форме намека <i>Миндияхметова Р. М.</i>	53
Лингвистическая безопасность как особый объект языкознания <i>Никонова Ж. В., Попова Т. Г.</i>	73
Коммуникативные тактики сравнения и противопоставления в интериоризованном критическом дискурсе (на материале британской художественной литературы XXI в.) <i>Новикова Н. Д.</i>	86
Языковые средства перлокутивности в рецензии (на материале текстов Т. Москвиной) <i>Сергань Д. О.</i>	99
Обзор судебного перевода: термины, особенности, прагматика <i>Стародубов С. В.</i>	116
Социолингвистические категории «языковая ситуация» и «языковая политика» в медийном отражении <i>Усенко Н. М.</i>	131
Фразеологизмы со значением внешнего признака в английском и русском языке <i>Цаллаева Л. Г., Федуленкова Т. Н.</i>	146

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	161
Использование сценарной технологии при обучении иностранным языкам в средней школе <i>Ариян М. А.</i>	161
Обучение устному медицинскому переводу: проблемы, дидактика <i>Мощанская Е. Ю.</i>	171
РЕЦЕНЗИИ.....	187
Фоновые знания о языке — основа успеха межкультурной коммуникации <i>Федуленкова Т. Н.</i>	187
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	192

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Presentation Summary vs. Abstract: A Comparative Corpus-Based Analysis <i>Irina A. Anashkina, Inna I. Konkova</i>	9
Types of Implication in the Semantic Structure of Indirect Representatives <i>Svetlana Ye. Bugrova, Nadezhda N. Lisenkova</i>	25
The Evaluative Metaphoric Component of the Linguocultural Concept <i>Kinship</i> in the Russian Linguistic World-Image <i>Zhanna V. Marfina</i>	37
Interdiscursive Development of Advertising Information in the Form of Hints <i>Rimma M. Mindiakhmetova</i>	53
Language Security as a Special Object of Linguistics <i>Zhanna V. Nikonova, Tat'yana G. Popova</i>	73
Communicative Tactics of Comparison and Contrast in Interiorized Critical Discourse (Based on 21 st Century British Fiction) <i>Nataliia D. Novikova.....</i>	86
Linguistic Means of Perlocution in Reviews (Based on Reviews by T. Moskvina) <i>Daria O. Sergan'</i>	99
An Overview of Court Interpreting: Terms, Features, and Pragmatics <i>Stanislav V. Starodubov</i>	116
Sociolinguistic Categories “Language Situation” and “Language Policy” as Reflected in the Media <i>Natalia M. Usenko</i>	131
Phraseological Units Denoting External Characteristics of a Person in English and Russian <i>Luiza G. Tsallaeva, Tatiana N. Fedulenkova</i>	146

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION.	
TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	161
Using Scenario Technology in Teaching Foreign Languages in Secondary School <i>Margarita A. Ariyan</i>	161
Training Medical Interpreters: Problems and Didactics <i>Elena Yu. Moschanskaya</i>	171
REVIEWS	187
Background Knowledge about Language as a Basis for Successful Intercultural Communication <i>Tatiana N. Fedulenkova</i>	187
CONTRIBUTORS' INFORMATION	192

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81-2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-9-24

ТЕЗИСЫ VS. АННОТАЦИЯ: СОПОСТАВЛЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОРПУСНОГО ПОДХОДА

И. А. Анашкина, И. И. Конькова

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет, Саранск, Республика Мордовия, Россия

Жанры научной литературы представляют собой исторически сложившиеся и устойчивые типы научных произведений, которые могут быть классифицированы по разным признакам.

Особый интерес представляют такие жанры, как аннотация и тезисы, на материале которых проводится анализ метаструктур современного англоязычного научно-технического дискурса. Цель статьи — сравнение метаструктур указанных жанров в отношении следующих функций: толкование, сокращение подробностей, диалогизация, подтверждение сказанного визуальным рядом, текстообразование, оценка, комментарий, признание, привлечение внимания, обособление автора, подчеркивание достижений, перспективы исследования и предоставление дополнительной информации. Актуальность статьи обусловлена рядом факторов:

- необходимостью функционального подхода к метаструктурам тезисов и аннотации как жанров научно-технического дискурса;
- в общетеоретическом плане — необходимостью разработки теории разных видов дискурсивной практики;
- в типолого-сопоставительном аспекте — необходимостью выявления универсальных и специфических характеристик дискурсных метаструктур на примере исследуемых жанров.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится сравнительно-сопоставительный анализ жанров «тезисы» и «аннотация» с применением корпус-менеджера *AntConc* с целью выявления особенностей функционирования метаструктур, что дает возможность показать конструирование дискурса сквозь призму категории метадискурсивности.

Материал исследования представлен текстами современных аннотаций и тезисов. В статье используется метод критического дискурс-анализа, корпусно-ориентированного дискурс анализа и метод сплошной выборки материала исследования на начальном этапе исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что для теории дискурса расширяются знания о структуре метаструктур и средствах их языковой манифестации в научно-техническом дискурсе (жанры тезисов и аннотации), наиболее интенсивно развивающемся в условиях информатизации и цифровизации общества в целом. Практическая ценность статьи определяется возможностью использования результатов исследования при изучении жанров научно-технического дискурса и написании аннотации и тезисов для достижения эффективной коммуникации.

По результатам сравнительно-сопоставительного анализа жанров тезисов и аннотации делаются выводы о частотности употребляемых в них метаструктур; степени метадискурсивности обоих жанров; отмечаются общие функции метаструктур и функции, характерные только для жанра тезисов; выделяются самые распространенные и менее популярные функции метаструктур в обоих жанрах; описываются вероятные причины такого статистического распределения.

Ключевые слова: жанр; тезисы; аннотация; метаструктуры; корпус; метод корпусного анализа.

Цитирование: Анашкина И. А., Конькова И. И. Тезисы vs. аннотация: сопоставление с использованием корпусного подхода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 9–24. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-9-24.

Presentation Summary vs. Abstract: A Comparative Corpus-Based Analysis

Irina A. Anashkina, Inna I. Konkova

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation

Genres of research literature are historically established types of scientific and scholarly literature which can be classified according to different criteria. The article focuses on two such genres, abstract and presentation summary, with the goal of providing a comparative analysis of the metastructures of these two genres in terms of the following functions: interpretation, reduction of details, dialogization, confirmation of what has been said by means of visuals, text formation, evaluation, commentary, recognition, attracting attention, author's individualization, achievements emphasizing, research prospects, and providing additional information. The relevance of the article is established by a number of factors:

- the need for a functional approach to the metastructures of presentation summary and abstracts as genres of scientific and technical discourse;
- in terms of general theory, the need to develop a theory of different types of discursive practice;
- in terms of the typological and comparative aspects, the need to identify universal and specific characteristics of discourse metastructures.

The scientific novelty of this research lies in the fact that this is the first comparative analysis of the genres in question, conducted with the help of the AntConc corpus manager. The goal was to examine the specific functions of the respective metastructures and to show the construction of discourse through the prism of metadiscursivity.

The research material comprises texts of modern abstracts and presentation summaries, and the methods employed in the study include critical discourse analysis, corpus-oriented discourse analysis, and the method of continuous sampling of research material at the initial stage of the study.

The study makes a meaningful contribution to the theory of discourse and expands our knowledge of the structure of metastructures and the means of their linguistic manifestation in scientific and technical discourse (with a specific focus on presentation summaries and abstracts), which has added significance in the current context of informatization and digitalization of global society. Practically, the research results may be used for further study of genres of scientific and technical discourse as well as in writing abstracts and presentation summaries for more effective communication. Based on the results of the comparative analysis of presentation summaries and abstracts, the authors draw conclusions about the frequency of metastructures used in these genres and the degree of their metadiscursiveness, and identify both the common functions of the two metastructures and the functions characteristic specifically of each of the two genres, highlighting the most common and less popular functions of metastructures in the both genres, and describing probable reasons for this statistical distribution.

Key words: genre; presentation summary; abstract; metastructures; corpus; corpus-oriented discourse analysis method.

Citation: Anashkina, Irina A., Konkova, Inna I. (2024) Presentation Summary vs. Abstract: A Comparative Corpus-Based Analysis. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 9–24. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-9-24.

1. Введение

Вопрос номенклатуры жанров интересует многих исследователей. Обобщая их исследования, можно сделать вывод о том, что изучение жанра проводилось в четырех основных направлениях: стилистический подход (Виноградов 1963; Бахтин 1996), Сиднейская школа (Cope, Kalantzis 1993; Christie 2002; Martin, Rose 2008), Северно-американская риторическая школа (Miller 1984; Freedman, Medway 1994; Schryer 1994; Devitt 1997; Russel 1997; Bawarshi 2003) и лингвокультурологический подход (Гайда 1999; Китайгородская, Розанова 1999; Слышкин 2004). В данной статье авторы придерживаются трактовки жанра, предложенной в рамках стилистического подхода, при котором жанр понимается как класс текстов, объединенных устойчивыми и повторяемыми содержательно-формальными признаками, представляющими собой разновидность функционального стиля по трем факторам: композиционная структура, характер содержащейся информации и ее эмоциональная окраска (Шерстяных 2014).

В центре внимания данной статьи находятся жанры аннотации (А) и тезисов (Т). Впервые проводится сопоставительно-сравнительное исследование указанных жанров с акцентом на используемые в них метаструктуры с применением метода корпусно-ориентированного дискурс-анализа. Цель статьи состоит в выявлении универсальных функций метаструктур в обоих

жанрах, установлении самых частотных и наименее распространенных функций, что позволит определить оптимальную модель построения текстов рассматриваемых жанров.

Тезисы представляют собой краткое отражение научного исследования в форме его основных положений и создаются с целью поддержания научно-делового общения во время различных конференций и форумов, также они предназначены для заочных участников конференций и специалистов, для которых информация такого характера является необходимой. Внимание заслуживает тот факт, что отличительная особенность тезисов заключается в том, что к ним предъявляются особо строгие требования, касаемые стилистики и речевого стиля их автора (Васильева, Алексеева 1979: 94).

В свою очередь, аннотация представляет собой краткую характеристику документа, его части или группы текстов с точки зрения назначения, содержания, формы и других особенностей (Павлючук 2013: 16). Основное назначение аннотации — предоставить в сжатом виде информацию и дать общее представление о содержании текста с целью определения читателем, является ли полный текст интересным для знакомства.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования выступают два созданных вручную англоязычных корпуса: корпус тезисов (COMEFIM 10 2011; Program and Book of 2013; A2IC 2018; Malarz et al. 2018; AIR 2019; FCC Week 2021) и корпус аннотаций (Schenkel et al. 2020; Alizade et al. 2021; Altobelli et al. 2021; Hoorn et al. 2021; Lim et al. 2021; Scalera et al. 2021; Smakman et al. 2021; Zaki et al. 2021) общим объемом 360 тыс. слов каждый. Объектом исследования являются метаструктуры, а предметом — их функциональные особенности в указанных жанрах. Были применены следующие методы: сравнительно-сопоставительный, метод критического дискурс-анализа, метод сплошной выборки (на начальном этапе работы с примерами) и метод корпусно-ориентированного дискурс-анализа (инструмент *AntConc* для выявления информации статистического характера). Общее число выявленных метаструктур в жанре аннотации — 9612 употреблений, в тезисах — 5022 употреблений (см. Рис. 1).

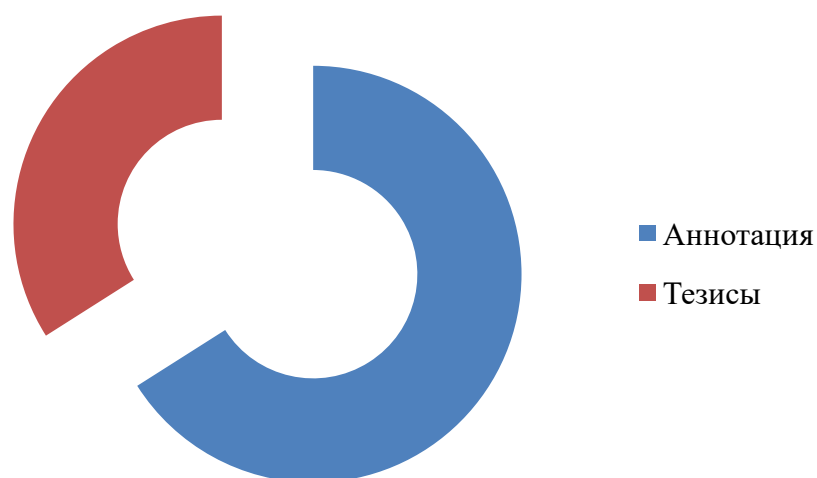

Рис. 1. Частотность употребления метаструктур в жанрах аннотации и тезисов

Такое превалирование в жанре аннотации может быть связано со стремлением автора аннотации заинтересовать читателя в ознакомлении с полным текстом статьи. Что касается тезисов, то они могут быть опубликованы как до представления автором доклада на конференции, так и после, поэтому у их автора не возникает такой необходимости в мотивации читателя.

Метаструктуры получили широкое освещение у многих исследователей-лингвистов (Ляпон 1986; Вепрева 2000; Шаймиев 2001; Перфирьева 2006; Лукина 2009; Ярыгина 2014 и др.), также много внимания было уделено анализируемому типу дискурса и корпус-менеджерам (Терентий 2016; Шамова 2021; Ягенич 2017 и др.). В данной статье под метаструктурами понимаются несущие дополнительное значение лексические единицы, облегчающие читателю процесс восприятия текста. Наибольший акцент в данной работе делается на выявлении и анализе функций метаструктур, которые выступают предметом исследования.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В ходе анализа было установлено, что метаструктуры выполняют следующие общие для жанров тезисов и аннотации функции: толкование, диалогизация, текстообразование, оценка, комментарий, обособление автора, подчеркивание достижений и освещение перспектив исследования. Были выявлены функции метаструктур, характерные только для жанра тезисов, а именно сокращение подробностей, подтверждение сказанного введением

иллюстрации, признание и предоставление дополнительной информации. Метаструктур, характерных только для жанра аннотации, обнаружено не было. Данная информация наглядно представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Функциональные характеристики метаструктур в жанрах тезисов и аннотации

	Т	А
Толкование	+	+
Сокращение подробностей	+	—
Диалогизация	+	+
Иллюстрация	+	—
Текстообразование	+	+
Оценка	+	+
Комментарий	+	+
Признание	+	—
Привлечение внимания	+	—
Обособление автора	+	+
Достижения	+	+
Перспективы	+	+
Дополнительная информация	+	—

Остановимся подробнее на каждой из перечисленных функций.

Толкование (А — 2 %, Т — 6 %)

(1) **А:** *Our framework is built based upon two well-established failure analysis methodologies, **namely**, fault tree analysis (FTA) and failure mode and effects analysis (FMEA)* (Schenkel et al. 2020).

(2) **Т:** ***In other words** at some temperature some of the ‘free’ *p* fermions are sharply localized* (Malarz et al. 2018: 19).

Функция толкования не получила широкого распространения ни в жанре тезисов, ни в аннотации, что напрямую связано с прагматикой жанров — научно-технический текст рассчитан на подготовленного читателя, которому не требуется словарная справка. Тем не менее авторы прибегают к метаструктурам в данной функции, желая пояснить понятия, которые могут иметь несколько вариантов трактовки. Так, в примере (1) автор использует наречие *namely* «а именно», а в примере (2) — словосочетание *in other words* «другими словами».

Сокращение подробностей (А — 0, Т — 2 %)

(3) **Т:** ***In general**, they control the purely linear movements. A special case occurs when the mobile / guided item is flexible and moves on a winding path* (COMEFIM 10 2011: 73).

В силу того, что оба исследуемых жанра (и аннотация и тезисы) являются малыми жанрами научно-технического дискурса, они вмещают в себя только самую важную информацию, которая сама, по сути, является сокращением более крупного текста (статьи). По этой причине метаструктуры в функции сокращения подробностей не встречаются в аннотации, а в жанре тезисов представлены в небольшом объеме (2 %) и содержат повторное обобщение наиболее значимого момента. С этой целью автор тезисов использует наречие *in general* «в общем». Также в этой функции встречаются такие лексические единицы, как *thus*, *to sum up*, *in total* и др.

Диалогизация (А — 26 %, Т — 28 %)

(4) **A:** *In the last few decades, **several approaches have been presented** to accomplish tasks with robots or autonomous systems in a glovebox; nevertheless, in nuclear facilities, risky operations are still executed by humans that guarantee a high manipulation capability and dexterity* (Altobelli et al. 2021).

(5) **T:** *As we know from earlier results [3], noise can kick the system from one metastable state to the next* (Malatz et al. 2018: 83).

Метаструктуры в функции диалогизации получили равное широкое распространение в обоих жанрах. Их использование позволяет автору осветить степень изученности исследуемой научной проблемы, тем самым обозначив новизну и актуальность исследования. Как видно из примеров (4) и (5), в данной функции используются такие лексические единицы, как *several approaches have been presented* «несколько подходов было представлено» и *as we know from earlier results* «как мы знаем из ранних результатов (исследований)». При этом стоит отметить, что если в жанре тезисов возможно использование ссылок и сносок, то жанр аннотации этого не предполагает, так как подробное раскрытие темы содержится в тексте статьи.

Иллюстрация (А — 0, Т — 2 %)

(6) **T:** *The bass player's range of motion generally increased which is shown in Figure 1* (Program and Book of Abstract 2013: 58).

Что касается метаструктур, отсылающих к иллюстрации (график, схема, таблица), то такие не представлены в жанре аннотации и крайне редко используются в жанре тезисов, что происходит только в случае, если иллюстрация необходима для верной трактовки передаваемой автором информации. В примере (6) использована конструкция в пассивном залоге Present Simple Passive (*is shown*). Также в жанре тезисов могут использоваться такие метаструктуры, как *is / are presented / illustrated*.

Текстообразование (А — 22 %, Т — 17 %)

(7) **A:** *Further, kinematic structures and physical models of overconstrained robot manipulators are presented in the research* (Alizade et al. 2021).

(8) **T:** *On the other hand*, it has been shown empirically that often behavior determines attitudes (Malarz et al. 2018: 102).

Метаструктуры в функции текстообразования имеют большое значение для исследуемых жанров, так как от того, насколько эффективно организованы тексты этих жанров, зависит желание читателя ознакомиться с полным текстом доклада или статьи. Данные метаструктуры организуют текст, образуя его каркас, тем самым облегчая читателю восприятие и направляя его по тексту. Так, в примере (7) используется наречие *further* «далее», а в примере 8 — словосочетание *on the other hand* «с другой стороны», вводящее противоположное описанному ранее мнение.

Оценка (А — 10 %, Т — 23 %)

(9) **A:** *When developing such guidelines, it is important* to include different stakeholder perspectives (Smakman et al. 2021).

(10) **T:** *Interestingly*, when the network dynamics includes an heterogeneous fitness of the faces, the statistical properties of simplicies of different dimension are described by quantum Bose–Einstein and Fermi–Dirac statistics (Malarz et al. 2018: 9).

Метаструктуры в функции оценки получили наибольшее распространение в жанре тезисов, где автор чаще имеет возможность описать историю научного вопроса и дать свою оценку проведенным ранее исследованиям. Что касается жанра аннотации, то необходимость включать историческую справку напрямую связана с требованиями журнала, поэтому автор использует метаструктуры в функции оценки, чтобы подчеркнуть значимость собственного исследования. В примере (9) автор оценки использует конструкцию с именем прилагательным *it is important* «важно», в то время как в примере (10) (жанр тезисов) употреблено наречие *interestingly* «интересно».

Комментарий (А — 18 %, Т — 4 %)

(11) **A:** *Nonetheless*, 5 min of robot tutoring improved their scores by about 30 %, while performance dropped only for a few challenged children (Hoorn et al. 2021).

(12) **T:** *More detailed information about the properties of the studied object together with multi-dimensional presentation of the results allows interpreters to better understand* properties of the fluid in the reservoir and get more reliable information about the potential of production in difficult geological conditions (AIR 2019: 48).

Метаструктуры в функции комментария в четыре раза больше распространены в жанре аннотации, чем в тезисах. Такое распределение может быть связано с тем, что автор тезисов рассчитывает предоставить все необ-

ходимые комментарии и пояснения в ходе своего доклада. Если пример (12) полностью является комментарием, в нем не представляется возможным выделить отдельный значимый смысловой элемент, то в примере (11) автор вводит комментарий, используя наречие *nonetheless* «тем не менее».

Признание (А — 0, Т — 8 %)

(13) **T:** *This work was sponsored by the Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA) MTO under the auspices of Dr. Jack Judy through the Space and Naval Warfare Systems Center, Pacific Grant/Contract No. N66001-12-1-4026 - Biocompatibility of Advanced Materials for Brain Machine Interfaces (Program and Book of Abstract 2013: 64).*

В жанре аннотации не представлены метаструктуры в функции признания, в отличие от жанра статьи, предисловием к которой выступает аннотация, где существует специально посвященный этому раздел. В тезисах же, напротив, автор стремится выразить благодарность спонсору проводимого исследования, тем самым указав источник финансирования. В примере (13) признание передается через метаструктуру в пассивном залоге *this work was sponsored by* («эта работа была проспонсирована»).

Привлечение внимания (А — 0, Т — 1,4 %)

(14) **T:** *Notably, theoretical results regarding Ps exceed the current experimental precision, which is why new fundamental precision experiments on Ps are very interesting (FCC Week 2021).*

Метаструктуры в функции привлечения внимания расставляют дополнительные акценты на наиболее значимой, по мнению автора, информации, что достигается за счет использования лексической единицы *to note* в различных ее деривациях и формах. В данном случае это наречие *notably* «примечательно», используемое в жанре тезисов. Метаструктуры в данной функции нехарактерны для жанра аннотации, так как вся информация, содержащаяся в указанном малом жанре, является значимой и отсутствует необходимость в расставлении дополнительных акцентов.

Обособление автора (А — 0,5 %, Т — 0,9 %)

(15) **A:** *In this paper, authors present a novel architecture for controlling an industrial robot via an eye tracking interface for artistic purposes (Scalera et al. 2021).*

(16) **T:** *I will discuss recent developments of the resetting paradigm to long-tailed resetting time distributions and to resetting to a randomly chosen time from the diffusive process's history (Malarz et al. 2018: 12)*

Метаструктуры в функции обособления автора крайне редки во всех жанрах научно-технического дискурса, не только в жанрах тезисов и аннотации. Это связано с такой особенностью данного типа дискурса, как

максимальная обезличенность текста. Авторы прибегают к использованию личного местоимения 1-го лица единственного числа *I* (16) или имени существительного *authors* (15), желая подчеркнуть свои особые заслуги в проведенном исследовании.

Достижения (А — 20 %, Т — 6 %)

(17) **A:** ***Our findings provide** evidence of the applicability of our approach for the significant challenge of run-time safety compliance and reliability in autonomous systems* (Zaki et al. 2021).

(18) **T:** ***We have done extensive work on** ruthenium oxide 'RuO₂' — graphene composite materials for supercapacitor applications* (Program and Book of Abstract 2013: 23).

Задача обоих жанров (как тезисов, так и аннотации) — заинтересовать читателя в ознакомлении с текстом доклада или статьи соответственно. Для этого авторы прибегают к использованию метаструктур, подчеркивающих самые главные выводы и результаты исследования. В жанре аннотации такие метаструктуры значительно преобладают, что может быть связано с требованиями, предъявляемыми к содержанию аннотации. Достижения подчеркиваются через использование временной формы Present Perfect (18) или имен существительных, обозначающих результаты (*our findings* «наши выводы» (17) или *our conclusions, the results of our research*).

Перспективы (А — 1,5 %, Т — 10 %)

(19) **A:** *To improve the performance of the system, **future work will investigate** the use of alternative machine learning techniques, additional neurophysiological input features, and a more extensive training stage* (Lim et al. 2021).

(20) **T:** ***In the future, we propose** to develop an autonomous mobile robot for mechanical weed control, which must be able to follow rows, recognize plants and remove weeds* (COMEFIM 10 2011).

Описание перспектив исследования не является обязательным компонентом исследуемых жанров, но, прибегая к описанию данного аспекта, автор аннотации и тезисов подчеркивает значимость и актуальность своего исследования. Метаструктуры в данной функции значительно преобладают в жанре тезисов относительно аннотации. Обобщая, можно отметить, что в данных метаструктурах используются конструкции будущего (*will investigate*) и настоящего времени (*propose*), а также существительное *future* в функции обстоятельства времени (*in the future*).

Дополнительная информация (А — 0, Т — 0,1 %)

(21) **T:** ***For more information**, visit www.cien.ai or follow @robertkall* (A2IC 2018).

Метаструктуры в функции предоставления дополнительной информации не отличаются высокой степенью частотности и используются только в жанре тезисов. С их помощью автор отсылает читателя к дополнительному источнику информации, используя словосочетание *for more information* «для получения большей информации».

4. Заключение

Таким образом, в результате сравнительно-сопоставительного анализа жанров тезисов и аннотации в аспекте употребляемых в них метаструктур были сделаны следующие выводы:

1) оба жанра отличаются высокой степенью метадискурсивности, однако при этом число метаструктур, используемых в жанре аннотации, почти в два раза превышает число метаструктур в жанре тезисов, что связано со стремлением автора аннотации максимально замотивировать читателя на ознакомление с полным текстом, статьей;

2) метаструктуры выполняют восемь общих для обоих исследуемых жанров функций, а именно: толкование (То), диалогизация (Д), текстообразование (Те), оценка (О), комментарий (К), обособление автора (ОА), подчеркивание достижений (ПД) и описание перспектив исследования (ПИ);

3) существует пять функций метаструктур, характерных только для жанра тезисов, в частности сокращение подробностей (СП), подтверждение сказанного иллюстрацией (И), выражение признания (П), привлечение внимания (ПВ) и предоставление дополнительной информации (ДИ) (см. Рис. 2);

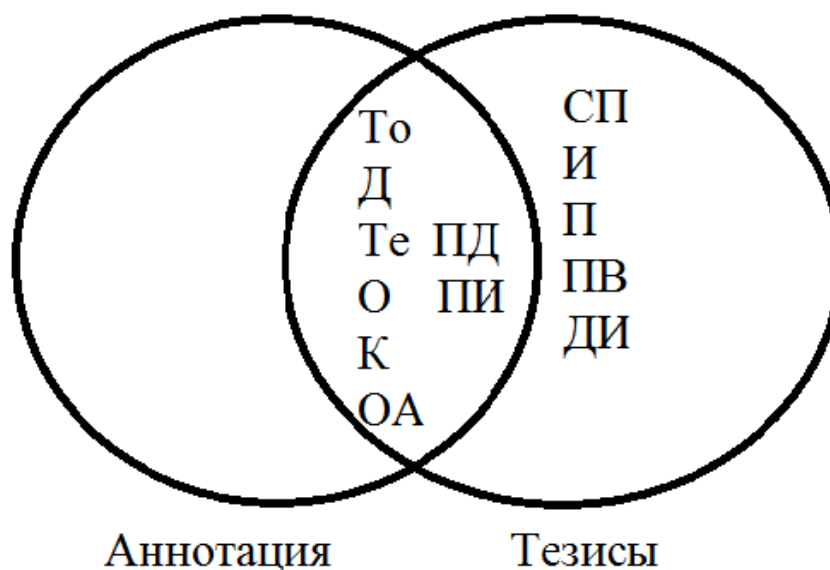

Рис. 2. Модели жанров аннотации и тезисов

4) как видно из диаграммы (см. Рис. 3), самые частотные функции метаструктур в обоих жанрах:

- а) диалогизация (А — 26 %, Т — 28 %);
- б) текстообразование (А — 22 %, Т — 17 %);
- в) оценка (А — 10 %, Т — 23 %);

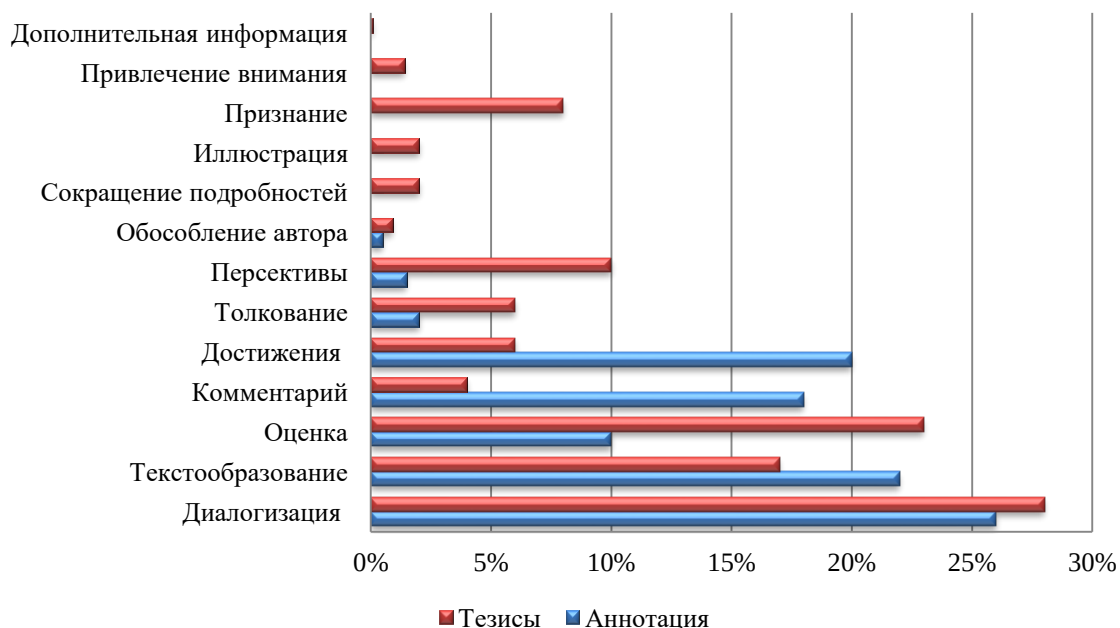

Рис. 3. Частотность употребления метаструктур в жанрах аннотации и тезисов

5) в жанре аннотации метаструктуры в функции текстообразования преобладают незначительно, так как они имеют большое значение для любого жанра в силу того, что они составляют каркас текста и организуют информацию; примерно в три раза преобладают метаструктуры в функциях комментария и подчеркивания достижений, что связано со стремлением автора максимально точно передать необходимые научные сведения, сопроводив их пояснениями и особо подчеркнув сделанные в ходе исследования выводы. Такая авторская прагматика связана с тем фактом, что, в отличие от автора тезисов, у него не будет возможности устно представить свою научную работу;

6) в жанре тезисов в два раза преобладают метаструктуры в функциях оценки и толкования, что связано с возможностью автора тезисов дать больший научный обзор написанным ранее работам (с целью выражения собственного мнения) в силу более крупного объема данного жанра; в три раза превышают метаструктуры, описывающие перспективы исследования,

тем самым подчеркивая его актуальность; незначительно превалируют метаструктуры в функциях диалогизации и обособления автора.

Список литературы / References

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Собрание сочинений: в 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206. [Bahtin, Mihail M. (1996) Problema rechevyh zhanrov. Iz arhivnyh zapisej k rabote «Problema rechevyh zhanrov». Problema teksta (The Problem of Speech Genres. From Archival Notes to epy Paper “The Problem of Speech Genres”. Text Problem). In *Sobranie sochinenij: v 5 tomah* (Collected Works in 5 Volumes). Moscow: Yazyki russkoj kultury, Vol. 5. Works of 1940-s – the beginning of 1960-s., 159–206. (In Russian)].
- Васильева А. Н., Алексеева Г. С. Тезисы как жанр научной речи // Русский язык за рубежом. 1979. № 1. С. 93–97. [Vasil’eva, Anna N., & Alekseeva, Galina S. (1979) Tezisy kak zhanr nauchnoj rechi (Theses as Genre of Scientific Speech). *Russian Language Abroad*, 1, 93–97. (In Russian)].
- Вепрева И. Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века. Тез. докл. междуна-родн. конф. Шмелевские чтения, 23–25 февр. 2000 г. М.: Институт русского язы-ка им. В. В. Виноградова РАН, 2000. С. 26–28. [Vepreva, Irina T. (2000) Metayazykovaya orientaciya yazykovoj lichnosti v usloviyah yazykovoj perestrojki (Metalinguistic Orientation of Linguistic Identity in the Language Reconstruction Conditions). *Aktivnye yazykovye processy konca XX veka. Tez. dokl. mezhdunarodn. konf. Shmelevskie chteniya, 23–25 fevr. 2000 g.* (Active Linguistic Processes of the end of the 20th Century. Theses of International Conference Shmelevskie chteniya). Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 26–28. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. [Vinogradov, Viktor V. (1963) *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* (Stylistics. The Theory of Poetic Speech. Poetics). Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ. (In Russian)].
- Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. 1999. № 2. С. 103–112. [Gajda, Stanislav. (1999) Zhanry razgovornyh vyskazyvanij (Genres of Speaking Ex-pressions). *Speech Genres*, 2, 103–112. (In Russian)].
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Рус. словари, 1999. [Kitajgorodskaya, Margarita V., & Rozanova, Nina N. (1999) *Rech’ moskvichej. Kommunikativno-kul’turologicheskij aspect* (Speech of Muscovites Communicative and Cultural Aspect). Moscow: Rus. Sloviri. (In Russian)].
- Лукина Н. В. Проблема выделения метатекста в художественном тексте // Русистика. 2009. № 3. С. 35–41. [Lukina, Natal’ya V. (2009) Problema vydeleniya metateksta v hudozhestvennom tekste (The Problem of Detaching Metatext in Artistic Text). *Rus-sian Language Studies*, 3, 35–41. (In Russian)].

- Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. М.: Наука, 1986. [Lyapon, Majya V. (1986) *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst* (Semantic Structure of Complex Sentence and Text). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Павлючук В. А. Подготовка научно-технических публикаций. Саратов: СГУ, 2013. [Pavlyuchuk, Vyacheslav A. (2013) *Podgotovka nauchno-tekhnicheskikh publikacij* (Preparation of Scientific and Technical Publications). Saratov: SSU. (In Russian)].
- Перфирьева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во НЕПУ, 2006. [Perfir'eva, Nataliya P. (2006) *Metatekst v aspekte tekstovykh kategorij* (Metatext in the Aspect of Text Categories). Novosibirsk: Izd-vo NEPU. (In Russian)].
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. [Slyshkin, Gennadij G. (2004) *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty* (Linguistic and Cultural Concepts and Metaconcepts). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Терентий Л. М. Основные подходы к исследованию дискурса в современной лингвистике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. № 35. С. 74–80. [Terentiy, Liviu M. (2016) *Osnovnye podhody k issledovaniyu diskursa v sovremennoj lingvistike* (The Main Approaches to Discourse Research in Contemporary Linguistics). *LUNN Bulletin*, 35, 74–80. (In Russian)].
- Шаймиев В. А. Понятие о метадискурсивности научного текста // Лингвистический семинар: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. Санкт-Петербург; Бирск: БирГПИ, 2001. С. 144–148. [Shajmiev, Vadim A. (2001) *Ponyatie o metadiskursivnosti nauchnogo teksta* (The Concept of the Metadiscursivity of Scientific Text). *Lingvisticheskiy seminar: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey*. Vyp. 2 (Linguistic Seminar: Interuniversity Collection of Scientific Articles. Vol. 2). Saint-Petersburg; Birsk: BirGPI, 2, 144–148. (In Russian)].
- Шамова Н. А. Сравнительно-сопоставительный анализ корпусных инструментов (на примере работы с корпусами кинодискурса) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. № 53. С. 82–95. [Shamova, Nadezhda A. (2021) *Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz korpusnykh instrumentov (na primere raboty s korpusami kinodiskursa)* (A Comparative-Contrastive Analysis of Corpus Tools (Case Study: Working with Corpora of Cinematic Discourse)). *LUNN Bulletin*, 53, 82–95. (In Russian)].
- Шерстяных И. В. Теория речевых жанров. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. [Sherstyanyh, Inna. V. (2014) *Teoriya rechevykh zhanrov* (Speech Genres Theory). Moscow: FLINTA; Nauka. (In Russian)].
- Ягенич Л. В. Актуализация письменного дискурса в научной деятельности врача // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. № 38. С. 126–141. [Yagenich, Larisa V. (2017) *Aktualizaciya pis'mennogo diskursa v nauchnoj deyatel'nosti vracha* (Actualization of Written Discourse in Medical Research). *LUNN Bulletin*, 38, 126–141. (In Russian)].
- Ярыгина З. А. Способы и средства репрезентации метаструктуры современного учебного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1 (20). С. 26–33. [Yarygina, Zoya A. (2014) *Sposoby i sredstva reprezentacii metastruktury sovremennogo uchebnogo teksta* (Methods and Means of Metasructure Representation in Modern Educational Text). *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 1 (20), 26–33. (In Russian)].

- Bawarshi, Anis. (2003) *Genre and the Invention of the Writer*. Lognan, Utah: Utah State University Press.
- Christie, Frances. (2002) *Classroom Discourse Analysis: A Functional Perspective*. L.: Continuum.
- Cope, Will, & Kalantzis, Mary. (1993) *The Powers of Literacy: A Genre Approach to Teaching Literacy*. L.: University of Pittsburgh Press.
- Devitt, Amy. (1997) Genre as Language Standard. *Genre and Writing: Issues, Arguments, Alternatives*. Portsmouth, NH: Boynton/Cook, 45–55.
- Freedman, Aviva, & Medway, Peter. (1994) Locating genre studies: Antecedents and prospects. *Genre and the New Rhetoric*. L.: Taylor & Francis, 1–20.
- Martin, Jim R., & Rose, David. (2008) *Genre relations: Mapping culture*. L.: Equino.
- Miller, Carolyn R. (1984) Genre as Social Action. *Quarterly Journal of Speech*, 70, 2, 151–167.
- Russell, David R. (1997) Rethinking Genre in School and Society: An Activity Theory Analysis. *Written Communication*, 14, 4, 504–554.
- Schryer, Catherine F. (1994) The Lab vs. the Clinic: Sites of Competing Genres. *Genre and the New Rhetoric*, 105–124.

Источники языкового материала / Language material resources

- A2IC 2018. Artificial Intelligence International Conference. Book of Abstracts. (2018) Barcelona, November 21–23, 2018.
- Advances in Robotics (AIR 2019). 4th International Conference of The Robotics Society 2nd to 6th July 2019. Indian Institute of Technology Madras, Chennai, India.
- Alizade, Rasim, Soltanov, Suleyman, & Hamidov, Abusalat. (2021) Structural Synthesis of Lower-Class Robot Manipulators with General Constraint One. *Robotics*, 10, 14. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/348411500_Structural_Synthesis_of_Lower-Class_Robot_Manipulators_with_General_Constraint_One. DOI: 10.3390/robotics10010014.
- Altobelli, Alessandro, Tokatli, Ozan, Burroughes, Guy, & Skilton, Robert. (2021) Optimal Grasping Pose Synthesis in a Constrained Environment. *Robotics*, 10, 4. Retrieved from <https://www.ozantokatli.com/publication/altobelli-2021-a/>. DOI: 10.3390/robotics10010004.
- COMEFIM 10. The 10th International Conference on Mechatronics and Precision Engineering. (2011).
- FCC Week 2021 Monday, 28 June 2021 – Friday, 2 July 2021 Book of Abstracts.
- Hoon, Johan F., Huang, I. Shimming., Konijn, Elly A., & van Buuren, Lars. (2021) Robot Tutoring of Multiplication: Over One-Third Learning Gain for Most, Learning Loss for Some. *Robotics*, 10, 16. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/348513226_Robot_Tutoring_of_Multiplication_Over_One-Third_Learning_Gain_for_Most_Learning_Loss_for_Some. DOI: 10.3390/robotics10010016.
- Lim, Yixiang, Pongsakornsathien, Nichakorn, Gardi, Alessandro, Sabatini, Roberto, Kistan, Trevor, Ezer, Neta, & Bursch, Daniel J. (2021) Adaptive Human-Robot Interactions for Multiple Unmanned Aerial Vehicles. *Robotics*, 10, 12. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/348299619_Adaptive_Human-Robot_Interactions_for_Multiple_Unmanned_Aerial_Vehicles. DOI: 10.3390/robotics10010012.

- Malarz, K., Krawczyk, M. J., & Gawroński, P. (2018) *43rd Conferences of the Middle European Cooperation in Statistical Physics MECO43 Book of Abstracts Kraków, May 1–4, 2018*.
- Program and Book of Abstract Research Day. (2013) University of South Florida's 6th Annual College of Engineering Research Day Interdisciplinary Research Building (IDRB) Wednesday, November 6, 2013.
- Scalera, Lorenzo, Seriani, Stefano, Gallina, Paolo, Lentini, Mattia, & Gasparetto, Alessandro. (2021) Human–Robot Interaction through Eye Tracking for Artistic Drawing. *Robotics*, 10, 54. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/350416843_Human-Robot_Interaction_through_Eye_Tracking_for_Artistic_Drawing. DOI: 10.3390/robotics10020054.
- Schenkel, Jared, Taele, Paul, Goldberg, Daniel, Horney, Jennifer, & Hammond, Tracy. (2020). Identifying Potential Mosquito Breeding Grounds: Assessing the Efficiency of UAV Technology in Public Health. *Robotics*, 9, 4. Retrieved from <https://doi.org/10.3390/robotics9040091>.
- Smakman, Matthijs H.J., Konijn, Elly A., Vogt, Paul, & Pankowska, Paulina. (2021) Attitudes towards Social Robots in Education: Enthusiast, Practical, Troubled, Sceptic, and Mindfully Positive. *Robotics*, 10, 24. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/348779514_Attitudes_towards_Social_Robots_in_Education_Enthusiast_Practical_Troubled_Sceptic_and_Mindfully_Positive. doi:10.3390/robotics10010024.
- Zaki, Osama, Dunnigan, Matthew, Robu, Valentin, & Flynn, D. (2021) Reliability and Safety of Autonomous Systems Based on Semantic Modelling for Self-Certification. *Robotics*, 10, 10. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/348202085_Reliability_and_Safety_of_Autonomous_Systems_Based_on_Semantic_Modelling_for_Self-Certification. DOI: 10.3390/robotics10010010.

УДК 81-119

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-25-36

О ВИДАХ ИМПЛИКАЦИИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КОСВЕННЫХ РЕПРЕЗЕНТАТИВОВ (на материале английского языка)

С. Е. Бугрова, Н. Н. Лисенкова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается явление импликации, понимаемое как набор дополнительных, подразумеваемых смыслов, формально не представленных в высказывании, но вытекающих из эксплицитно выраженных средств либо обусловленных прагматическими факторами. Импликация является обязательным компонентом семантики косвенного речевого акта, в том числе косвенного репрезентатива. Форма практически любого косвенного высказывания, являющегося результатом транспонированного употребления синтаксической структуры, посредством его трансформации может быть приведена в соответствие с передаваемым им значением. Косвенные репрезентативы, имеющие обычно форму вопросительного предложения, демонстрируют различные потенции к трансформационным преобразованиям: наряду со случаями полного параллелизма вопросительной структуры и ее трансформации имеют место случаи отклонения от стандартного порядка трансформации. Это позволяет говорить о различных видах импликации в семантической структуре косвенных репрезентативов: конвенциональной, выводимой из составляющих предложения, и усложненной, для адекватной интерпретации которой требуется обширный языковой и ситуативный контекст. В исследовании обосновывается возможность градации объема имплицитной информации в зависимости от способности косвенного репрезентатива к трансформации в соответствии с имплицитным суждением. Минимальной степенью имплицитности характеризуются речевые клише, конвенционально употребляющиеся в значениях, отличных от значения синтаксической структуры высказывания. Нестандартные высказывания, для адекватной интерпретации которых требуется широкий языковой и ситуативный контекст, содержат больший объем имплицитной информации, то есть характеризуются более высокой степенью имплицитности. На основании проанализированных примеров делается вывод о том, что степень имплицитности обратно пропорциональна степени конвенциональности речевого акта. Простейшая импликация свойственна косвенным репрезентативам, в которых исходное высказывание и его трансформация различаются только структурно. В других случаях наблюдаются более значительные расхождения в структуре и лексическом составе вопросительного предложения и его трансформации. К наиболее сложным относятся ситуации, когда имплицитное суждение вообще не поддается вербальной интерпретации, хотя в целом адекватно воспринимается слушателем.

Ключевые слова: косвенные высказывания; репрезентативы; импликация; вопросительное предложение; английский язык.

Цитирование: Бугрова С. Е., Лисенкова Н. Н. О видах импликации в семантической структуре косвенных репрезентативов (на материале английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 25–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-25-36.

Types of Implication in the Semantic Structure of Indirect Representatives

Svetlana Ye. Bugrova, Nadezhda N. Lisenkova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article deals with the phenomenon of implication which is regarded as a number of additional implied meanings, not formally represented in the utterance but resulting from explicitly expressed language units or accounted for by pragmatic factors. Implication is supposed to be the obligatory component of the semantic structure of indirect speech acts, indirect representatives included. The form of any indirect speech act which is the result of transposition of syntactic structure can be transformed according to its actual meaning, or implication. However, indirect representatives which generally have the syntactic structure of an interrogative sentence demonstrate various abilities for transformation. The interrogative construction may be syntactically parallel to its declarative transform; in many cases, though, there are considerable deviations from the original. It suggests that there may be different types of implication in the semantic structure of indirect representatives: conventional, where the meaning of the utterance is the mere sum of the words employed, and complicated, which can be only understood in a wider context. It is stated that implication can be represented in different degrees depending on the ability of the sentence structure to be transformed according to its actual meaning. Conventional utterances are characterized by the minimal degree of implicitness; the ones that realize their adequate communicative purpose only in certain contexts contain larger amount of implicit information. The most complicated cases are those where the implied statement cannot be represented verbally though in general it is perceived by the listener in accordance with its illocution.

Key words: indirect speech acts; representatives; implication; interrogative sentences; the English language.

Citation: Bugrova, Svetlana Ye., Lisenkova, Nadezhda N. (2024) Types of Implication in the Semantic Structure of Indirect Representatives. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 25–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-25-36.

1. Введение

Имплицитность (импликация, имплицитная информация) — одно из самых сложных и противоречивых явлений, исследуемых лингвистами, логиками, философами, психологами. Существует множество определений имплицитности; также наблюдается некоторое разнообразие терминологии, а именно — использование терминов «имплицитность», «импликация»,

«имплицитная информация», «импликатура», которые зачастую употребляются как синонимичные, хотя обозначаемые ими явления не обязательно рассматриваются как тождественные.

В зависимости от области исследования предлагаются различные трактовки данного понятия. В ряде научных дисциплин, таких как философия, информатика, логика, импликация трактуется в узком смысле как логическая связка, соответствующая грамматической конструкции «если..., то...», с помощью которой из двух простых высказываний образуется сложное высказывание (Философский энциклопедический словарь 1983). В лингвистике распространено более широкое понимание импликации, согласно которому импликация представляет собой реализацию дополнительных, подразумеваемых смыслов, формально не представленных в высказывании, но вытекающих из эксплицитно выраженных средств либо обусловленных ситуацией общения, фоновыми знаниями коммуникантов и другими прагматическими факторами (Sadock 1978; Karttunen, Peters 1979; Арнольд 1982; Alston 2000; Пирогова 2001; Abbot 2006; Bach 2006; Blome-Tillmann 2013; Радбиль, Юматов 2014; Allott 2018; Антошина 2018; Иссерс 2020; Иванова, Голубева 2023 и др.).

Одно из наиболее распространенных определений имплицитности трактует это явление как информацию, для получения которой требуются усилия слушателя, не сводимые к сопоставлению языковых единиц и их значений (Борисова, Мартемьянов 1999: 10). Иными словами, это «та информация, которая не составляет непосредственного значения компонентов текста (слов, грамем и т. п.), зафиксированных в словаре, и, однако, воспринимается слушателем этого текста» (там же: 9).

И. В. Арнольд использует термин «импликация» в значении «дополнительного подразумеваемого смысла, основанного на синтагматических связях элементов антецедента» (Арнольд 2010: 88).

Ю. М. Скребнев понимает импликацию как «переоценку содержания используемой языковой единицы, приписывание ей узואльно не свойственного ей содержания», «приписывание данной форме новой функции» (Скребнев 1985: 66).

Как видим, рассматриваемое явление может пониматься как свойство, как процесс и как результат. В сущности, приведенные определения (одни из многих, существующих в лингвистике) не противоречат друг другу; лингвисты акцентируют различные стороны явления в зависимости от своих установок и целей исследования. Остановимся на том, что имплицитность — свойство, которое может быть присуще языковой единице при определенных условиях, в то время как импликация — конкретный набор

дополнительных, формально не выраженных смыслов, реализуемых в процессе функционирования высказывания, что соответствует принятому в прагматике термину «импликатура», предложенному П. Грайсом для обозначения коммуникативной импликации (Грайс 1985). «Термин “импликация” может использоваться для обозначения компонента семантической структуры предложения. Данный компонент семантики предложения также носит название “имплицитив”» (Антошина 2019: 87). Такое понимание отвечает целям нашего исследования, поэтому в дальнейшем будем пользоваться термином «импликация» именно в этом значении.

Как принято считать, любое косвенное высказывание, помимо буквального значения, вытекающего из значения составляющих его языковых единиц, содержит некоторый набор имплицитных смыслов, реализация которых зависит от целого ряда прагматических факторов, таких как коммуникативная ситуация, общие знания собеседников, отношения между ними (официальные, приятельские, родственные) и т. п. Логично предположить, что объем имплицитной информации, реализуемой в высказывании, может быть различным, что позволяет говорить о степени имплицитности в семантической структуре косвенного высказывания.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом статьи послужили произведения англоязычной художественной прозы, где речь персонажей, как предполагается, отражает реальный процесс речевой коммуникации. Для исследования использовались такие методы, как лингвопрагматическая интерпретация, метод лингвистического описания, методика семного анализа, а также элементы трансформационного метода, что позволяет установить место той или иной структуры в синтаксической парадигме базовых типов речевых актов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Согласно известной классификации Дж. Серля, репрезентативы представляют собой речевые акты, фиксирующие «ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения» (Серль 1986а: 181). Основным критерием, позволяющим отнести речевой акт к классу репрезентативов, Дж. Серль считает возможность квалифицировать содержащееся в нем суждение как истинное или ложное.

Как и другие типы речевых актов, репрезентатив может быть выражен прямым или косвенным способом. Это означает, что суждение, выражаемое данным типом речевого акта, может либо выводиться из буквального значения составляющих его единиц, либо подразумевать нечто большее,

причем вторичное, не присущее языковой структуре узуальное значение в ряде случаев становится более очевидным для собеседника, чем буквальное, вследствие, во-первых, способности слушающего делать умозаключения об истинном намерении говорящего, а во-вторых, конвенционального употребления некоторых конструкций в несвойственных им функциях.

Для того чтобы квалифицировать тот или иной речевой акт как косвенный репрезентатив, необходимо в первую очередь определить языковую модель прямого репрезентатива. Таким образом, любые высказывания, не отвечающие структурным характеристикам данной модели, но реализующие соответствующую иллокуцию, логично отнести к косвенным репрезентативам. Сказанное применимо не только к данному виду речевого акта, но и к любым другим, исходя из серлевского понимания косвенности, которое за последние несколько десятилетий принято большинством исследователей и стало фактически традиционным. «Зарубежные и отечественные лингвисты едины в понимании косвенного речевого акта как акта, в поверхностной структуре которого отсутствуют иллокутивные индикаторы, соответствующие коммуникативному намерению говорящего, и присутствуют индикаторы, маркирующие другую иллокутивную цель» (Мидова 2017: 88).

Сложность, однако, состоит в том, что не существует, по-видимому, определенной синтаксической модели построения прямого репрезентатива. Из всех выделяемых Дж. Серлем типов речевых актов репрезентатив характеризуется наибольшим разнообразием перформативных глаголов, которые могут предварять суждение, содержащееся в данном типе высказывания. Можно лишь утверждать, что в рамках традиционной структурно-функциональной классификации прямой репрезентатив будет иметь форму повествовательного предложения, как утвердительного, так и отрицательного; при этом в качестве основных (обязательных) компонентов предложения могут использоваться любые лексические единицы, в отличие, например, от класса деклараций или экспрессивов, которым присущи значительные лексические ограничения.

Пропозициональное содержание репрезентативов, по Дж. Серлю, ничем не ограничено. К ним относятся все повествовательные предложения с предикатами в форме изъявительного и сослагательного наклонения (констатации, описания, утверждения, объяснения), за исключением предложений, в которых направление приспособления «слова > мир» (Серль 1986b). Если в качестве исходного примем положение, согласно которому прямой репрезентатив выражен повествовательным предложением, то суждение, имеющее, например, вопросительную форму, следует считать косвенным репрезентативом.

Использование вопросительной структуры для выражения невопросительных значений — констатации и побуждения — весьма распространенное и хорошо изученное явление (Валимова 1975; Бердник 1978; Fauconnier 1980; Kiefer 1980; Баранов, Кобозева 1983; Почепцов 1984; Конрад 1985; Hintikka 1985 и др.). Переносное употребление синтаксических структур в несвойственных им узуально значениях, или синтаксическая транспозиция, имеет место во всех сферах коммуникации и рассматривается обычно как косвенный способ выражения интенции говорящего. Это не означает, однако, что косвенное высказывание обязательно представляет собой транспонированную конструкцию.

В лингвистических работах, посвященных проблеме косвенного способа выражения, неоднократно отмечалась нетождественность понятий косвенности и транспозиции. Хрестоматийный пример косвенного речевого акта отказа *I have to study for an exam* (Серль 1986b: 198) формально представляет собой повествовательное предложение; имплицитное при этом суждение также может быть облечено в форму повествовательного предложения (*I can't go to the movies*). Аналогичным образом вопрос об осведомленности адресата относительно некоторого факта, интересующего говорящего, может быть направлен на получение информации, касающейся данного факта, а не знаний о нем собеседника, как, например, в реплике *Вы (не) знаете, который час?*. В обоих случаях налицо косвенный способ выражения иллокуции, но отсутствует транспозиция как употребление синтаксической структуры в несвойственной ей функции.

Понятие косвенности, таким образом, шире понятия транспозиции: использование транспонированной формы представляет собой лишь один из способов непрямого выражения коммуникативной интенции. Вместе с тем имеют место случаи употребления транспонированных структур, которые многие исследователи не причисляют к косвенным речевым актам в их традиционном понимании. Имеются в виду конвенционализированные формулы речевого этикета, например выражение просьбы посредством вопросительной структуры, а также многочисленные клишированные реплики, имеющие форму вопроса, но употребляющиеся в качестве экспрессивных констатаций, как правило, в условиях неофициального общения: *How should I know?*; *What's the use?*; *Who cares?* и т. п.

Исходя из сказанного, можно предположить, что косвенный репрезентатив, как и прямой, может иметь форму повествовательного предложения. Однако если речь идет о репрезентативах в общем смысле, а не об их разновидностях (таких как описание, информирование, признание, предположение, вывод и т. п.), представляется весьма затруднительным,

при отсутствии перформативного глагола, разграничить прямые и косвенные высказывания в случае совпадения их синтаксической структуры, если это вообще возможно.

Следовательно, однозначно говорить о косвенном способе выражения репрезентатива возможно лишь в случае несоответствия синтаксической структуры имплицитуемому суждению. Другими словами, если репрезентатив представляет собой суждение, носящее информативный характер, то возможным способом его косвенного выражения, в соответствии с традиционным делением предложений на повествовательные, вопросительные и побудительные, будет либо вопросительная, либо императивная форма. Последнее применительно к английскому языку носит крайне ограниченный характер и сводится фактически к единственной структуре типа *Catch her marry me!* (Shaw 1959) в значении *She won't marry me*. Таким образом, представляется правомерным рассматривать в качестве основного косвенного способа выражения репрезентатива вопросительные структуры, используемые с целью сообщения информации, то есть выражения некоторого суждения, которое может быть квалифицировано как истинное или ложное.

В отличие от побудительных (в терминологии Дж. Серля — директивных) речевых актов структурно вопросительные реплики информативного характера (то есть косвенные репрезентативы) не могут быть сведены к определенному набору языковых моделей: практически любое вопросительное предложение способно при некоторых условиях функционировать в качестве сообщения без каких-либо формальных ограничений. Констатирующий характер таких реплик может как выводиться из значения составляющих реплику единиц, так и обуславливаться широким языковым и ситуативным контекстом.

В первом случае имплицитуемое суждение может быть облечено в языковую форму путем простой трансформации вопросительной структуры в повествовательную; при этом, как неоднократно указывалось исследователями, имеет место обратное соотношение утвердительности и отрицательности вопросительной реплики и ее трансформации: *Isn't it awful?* = *It is awful*; *Is it fair?* = *It is not fair*. Нередко такая расшифровка следует немедленно за имплицитуемой ее вопросительной структурой, в речи либо самого говорящего, либо собеседника, образуя вопросно-ответное единство, где вторая часть структурно состоит из тех же элементов, что и предшествующая; различие состоит лишь в наличии или отсутствии маркеров вопроса / отрицания.

(1) *What's different about it? Nothing's different about it* (Salinger 1979: 98).

(2) *"What can I say?"*

"Nothing, I agree" (Fowles 2004: 104) = *You can say nothing*.

Механизм подобного переосмысления подобен механизму такого тропа, как ирония, который, как известно, представляет собой перенос по контрасту.

В других случаях языковая репрезентация суждения, содержащегося в вопросе, не выводится из составляющих вопросительную реплику единиц и не может представлять собой результат простой трансформации вопросительной структуры в повествовательную; тогда правомерно говорить о более сложном характере импликации косвенного репрезентатива.

Исходя из высказанного ранее предположения, согласно которому импликация может быть представлена в различной степени, можно сделать вывод, что минимальной степенью имплицитности характеризуются, по-видимому, упоминавшиеся выше речевые клише, стереотипно употребляющиеся в значениях, отличных от значения синтаксической структуры высказывания. Нестандартные высказывания, для адекватной интерпретации которых требуется широкий языковой и ситуативный контекст, содержат большой объем имплицитной информации, хотя установить какой-либо предел в этом плане не представляется возможным. Степень имплицитности, таким образом, обратно пропорциональна степени конвенциональности речевого акта.

Выше уже отмечалось различие в объеме имплицитруемой информации в различных типах косвенных репрезентативов, обладающих формальными характеристиками вопросительного предложения. Рассмотрим три группы примеров, представляющих собой достаточно типичные случаи употребления структурно вопросительных высказываний, констатирующий смысл которых очевиден для участников акта коммуникации.

(3) I. ***How can I quit? There won't be a job open anywhere else for a good six months*** (Wilson 1949: 299).

II. ***How can you be such a foolish ignorant girl as to think you could afford to pay Mr. Higgins?*** (Shaw 1959: 37)

(4) I. *“Well, what did you do about it?”*

“Nothing. What was there to do? What was the evidence?” (Maugham 1976: 150)

II. ***What are the police for?*** (Shaw 1959: 58)

(5) I. ***When did I lie to you?*** (Hemingway 1981: 161)

II. ***Oh, John Joe, when will you wake up?*** (O'Casey 1994: 101)

Вопросительные предложения в приведенных примерах, несомненно, носят информативный характер, то есть представляют собой косвенные репрезентативы. Их структурная общность, однако, не влечет за собой структурной общности их трансформов. В отношении первого высказыва-

ния в каждой из приведенных групп возможен лишь один, традиционный вариант трансформации при полном параллелизме вопросительной и повествовательной форм суждения (*I can't quit; There was nothing to do; I never lied to you*). Во второй реплике форма и лексический состав имплицитного суждения допускают несколько вариантов. Так, второй пример из группы (3) может быть интерпретирован как *You are a foolish ignorant girl...* или *You can't afford to pay Mr. Higgins*, но не *You can't be such a foolish ignorant girl*, что предполагалось бы по аналогии с предшествующим примером. Еще более сложные случаи представлены в группах примеров (4) и (5). Содержащиеся в них суждения не могут быть получены путем замены утвердительной формы на отрицательную и изменения порядка слов. Для адекватной передачи истинного значения такого высказывания требуется, как правило, привлечение дополнительных лексических единиц, не входящих в структуру вопросительной реплики; зачастую имплицитный смысл не может быть передан одним предложением и в целом с трудом поддается вербальной экспликации вследствие высокой степени контекстуальной и ситуативной обусловленности, как в следующем примере, где отец пытается понять поступки своего сына-подростка.

(6) *God Almighty! What's wrong with these guys? What do they want?*
(Brand 1965: 98)

Данное высказывание, несомненно, направлено не на запрос информации, а на ее передачу, однако адекватно выразить соответствующее содержание посредством повествовательного предложения не представляется возможным.

4. Заключение

Таким образом, степень сложности импликации можно соотнести с большим или меньшим потенциалом структурно вопросительного высказывания к трансформационным преобразованиям в соответствии с имплицитным им суждением. Чем сложнее импликация, тем большие расхождения наблюдаются между исходной структурой и ее трансформом. Иными словами, импликация (в том смысле, в каком этот термин употребляется в данной статье) подвержена градации. Простейшей импликацией характеризуются косвенные репрезентативы, в которых исходное высказывание и его трансформ различаются только структурно. В других случаях наблюдаются более значительные расхождения в структуре и лексическом составе вопросительного предложения и его трансформа. К наиболее сложным относятся ситуации, когда имплицитное суждение вообще не поддается вербальной интерпретации, хотя смысл его интуитивно очевиден (как в рассмотренном

выше примере), о чем могут свидетельствовать как вербальная реакция собеседника, так и его действия, адекватные соответствующей ситуации общения.

Список литературы / References

- Антошина Д. В. Термин «импликация» и его аналоги в прагматике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 1. С. 97–102. [Antoshina, Diana V. (2018) Termin «implikaciya» i ego analogi v pragmatike (The Term “Implication” and Its Equivalents in Pragmatics). *Philology. Theory & Practice*, 7 (85), 97–102. (In Russian)].
- Антошина Д. В. Использование понятия импликации для обозначения логико-семантических отношений в семантике и прагматике // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 83–89. [Antoshina, Diana V. (2019) Ispol'zovanie ponyatiya implikacii dlya oboznacheniya logiko-semanticheskikh odnoshenij v semantike i pragmatike (The Use of the Notion of Implication for the Designation of Logical-Semantic Relations in Semantics and Pragmatics). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 83–89. (In Russian)].
- Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–90. [Arnold, Irina V. (1982) Implikaciya kak priem postroeniya teksta i predmet filologicheskogo izucheniya (Implication as a Way to Build a Text and the Subject of Philological Study). *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 83–90 (In Russian)].
- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. / Науч. ред. П. Е. Бухаркин. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. [Arnold, Irina V. (2010) *Semantika. Stilistika. Inretekstual'nost'* (Semantics. Stylistics. Intertextuality). Moscow: Librocom. (In Russian)].
- Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1983. Т. 42. № 3. С. 263–274. [Baranov, Anatoly N., & Kobozeva, Irina M. (1983) Semantika obshchih voprosov v russkom yazyke. *Izv. AN SSSR. Seriya lit-ry i yazyka*. Vol. 42, 3, 263–274. (In Russian)].
- Бердник Л. Ф. О семантике вопросительного предложения // Проблемы грамматической семантики. Ростов н/Д.: Ростов н/Д. гос. пед. ин-т, 1978. С. 32–35. [Berdnik, Lyudmila F. (1978). O semantike voprositelnogo predlozheniya (On the Semantics of an Interrogative Sentence). In *Problemy grammaticheskoy semantiki* (Problems of Grammatical Semantics). Rostov on Don: Rostov n/D. gos. ped. in-t, 32–35 (In Russian)].
- Борисова Е. Г., Мартемьянов Ю. С. Предисловие // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 9–14. [Borisova, Elena G., & Martemjanov, Yuri S. (1999) Predisloviye (Preface). In Borisova, Elena G., & Martemjanov, Yuri S. (eds.) *Implitsitnost' v yazyke i rechi* (Implication in Language and Speech). Moscow: Yazyki russkoy kultury, 9–14. (In Russian)].
- Валимова Г. В. О взаимодействии формальной и семантической структуры вопросительного предложения // Русский язык: Сборник трудов МГПИ им. В. И. Ленина. Москва: МГПИ, 1975. С. 62–70. [Valimova, Galina V. (1975) O vzaimodejstvii formal'noj i semanticheskoy struktury voprositel'nogo predlozheniya (On the Interaction

- of the Formal and Semantic Structure of the Interrogative Sentence) In *Russkij yazyk: Sbornik trudov MGPI im. V. I. Lenina* (Russian language: Collection of Scientific Papers of the V. I. Lenin Moscow State Pedagogical Institute). Moscow: MGPI, 62–70.
- Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. 1985. Вып. 16. С. 276–302. [Grice, Paul. (1991) Logika i rechevoe obshenie (Logic and Conversation). In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* (New in Foreign Linguistics). Moscow: Progress, Vol. 16, 276–302. (In Russian)].
- Иванова Р. А., Голубева К. Г. Имплицитные средства речевого воздействия в современных англоязычных медиа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 72–81. [Ivanova, Rimma A., & Golubeva, Kristina G. (2023) Implicitnye sredstva rechevogo vozdeystviya v sovremennyh angloyazychnyh media (Implicit Means of Linguistic Manipulation and Persuasion in Modern English-Language Media Texts). *LUNN Bulletin*, Vol. 3 (63), 72–81. (In Russian)].
- Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2020. [Issers, Oksana S. (2020) *Rechevoe vozdeystvie* (Speech Influence). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 349–383. [Konrad, Rudi. (1985) Voprositel'nye predlozheniya kak kosvennye rechevye akty. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow: Progress, Vol. 16, 349–383.
- Мидова Е. О. К понятию косвенного речевого акта в современной лингвистической прагматике // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 38. С. 84–95. [Midova, Ekaterina O. (2017) K ponyatiyu kosvennogo rechevogo akta v sovremennoj lingvisticheskoy pragmatike (The Concept of the Indirect Speech Act in Modern Linguistic Pragmatics). *LUNN Bulletin*, Vol. 38, 84–95. (In Russian)].
- Пирогова Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. М.: Азбуковник, 2001. С. 209–227. [Pirogova, Yulia K. (2001) Implicitnaya informaciya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeystviya i manipulirovaniya (na materiale reklamnyh i PR-soobshchenij). In *Issues of Applied Linguistics*. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].
- Почепцов Г. Г. Коммуникативно-прагматические аспекты семантики // Филологические науки. 1984. № 4. С. 29–36. [Pochepcov, Georgy G. (1984). Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty semantiki (Communicative and Pragmatic Aspects of Semantics). In *Filologicheskie nauki*. Vol. 4. 29–36. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 18–21. [Ratbil', Timur B., & Yumatov, Vasilij A. (2014) Sposoby vyyavleniya implicitnoj informacii v lingvisticheskoy ekspertize (The Methods for Detection OF Implicit Information in Linguistic Expertise) In *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 3-2, 18–21. (In Russian)].
- Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986а. С. 170–194. [Searle, John R. (1986) Klassifikatsia illokutivnih aktov (A Classification of Illocutionary Acts) In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* (New in Foreign Linguistics). Moscow: Progress, Vol. 17, 170–194. (In Russian)].
- Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.:

- Прорпец, 1986b. С. 195–222. [Searle, John R. (1986). Kosvennie rechevie akti (Indirect Speech Acts). In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* (New in Foreign Linguistics). Moscow: Progress, Vol. 17, 195–222. (In Russian)].
- Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1985. [Skrebnev, Yuri M. (1985) *Vvedenie v kollokvialistiku* (Introduction into Colloquialistics). Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian)].
- Abbott, Barbara. (2006) Where Have Some of the Presuppositions Gone? In Birner, Betty J., & Ward, Gregory. (eds.) *Drawing the Boundaries of Meaning: Neo-Gricean Studies in Pragmatics and Semantics in Honor of Laurence R. Horn*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1–20.
- Allott, Nicholas. (2018) Conversational Implicature. In *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780199384655.013.205.
- Alston, William P. (2000) *Illocutionary Acts and Sentence Meaning*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Bach, Kent. (2006) The Top 10 Misconceptions about Implicature. In Birner, Betty J., & Ward, Gregory. (eds.) *Drawing the Boundaries of Meaning: Neo-Gricean Studies in Pragmatics and Semantics in Honor of Laurence R. Horn*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 21–30.
- Blome-Tillmann, Michael. (2013) Conversational Implicatures (and How to Spot Them). *Philosophy Compass*, 8, 170–85. DOI: 10.1111/phc3.12003.
- Fauconnier, Gilles. (1980) Pragmatic Entailment and Questions. In Searl, John R. (ed.) *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht etc.: Reidel.
- Hintikka, Jaakko. (1985) *The Semantics of Questions and the Questions of Semantics*. New York etc: Garland Publishing.
- Karttunen, Lauri, & Peters, Stanley. (1979) Conversational implicature, in Oh & Dinneen. 1–56.
- Kiefer, Ferenc. (1980) Yes-No Questions and Wh-Questions. In Searl, John R. (ed.) *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht etc.: Reidel.
- Sadock, Jerrold M. (1978) On Testing for Conversational Implicature. In *Syntax and Semantics*, Vol. 9. Pragmatics. New York: Academic Press.

Словари / Dictionaries

- Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. [*Filosofskij enciklopedicheskij slovar'*. (1983) Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Brand, Mona. (1965) *Plays*. Moscow: Progress.
- Fowels, John R. (2004) *The Collector*. London: Vintage.
- Hemingway, Ernest. (1981) *For Whom the Bell Tolls*. Moscow: Progress Publishers.
- Maugham, Somerset. (1976) Footprints in the Jungle. In *Stories*. Leningrad: Prosveshchenie.
- O'Casey, Sean. (1994) *Bedtime Story*. New York: Grove Press.
- Salinger, Jerome D. (1979) *The Catcher in the Rye*. Bantam.
- Shaw, Bernard. (1959) *Pygmalion*. Moscow: Foreign Languages Publishing House.
- Wilson, Mitchell A. (1949) *Live with Lightning*. Boston: Little, Brown.

УДК 811.161.1'37'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-37-52

ОБРАЗНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА *РОДСТВО* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ж. В. Марфина

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

В многомерной структуре концептов основополагающей с точки зрения лингвокультурологии является образно-ценностная составляющая. Оценочность находит выражение в оценочной составляющей языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой единицы с различного рода определениями. В имени лингвокультурного концепта РОДСТВО отсутствуют словообразовательные средства, содержащие оценку. Интерпретация текстов (состоящих как из одного, так и из нескольких предложений), приводимых в словарях разных типов (академических, фразеологических, лингвокультурологических и пр.) в качестве иллюстративного материала к устойчивым выражениям образного характера с номинацией «родство», осуществленная преимущественно методами контекстуального и лексико-семантического анализа, позволила выявить образно-оценочный компонент лингвокультурного концепта РОДСТВО. Данный компонент актуализируется путем сочетаемости имени анализируемого концепта — номинации «родство» — в результате сформировавшихся в этих структурах контекстуальных и ассоциативных связей. Число определений, традиционно сочетаемых с номинацией РОДСТВО, включая содержащие в своей семантике оценочные элементы, невелико, что в значительной степени объясняется спецификой атрибутируемого феномена — отвлеченного понятия с достаточно высокой степенью абстракции: близкое (ближнее) родство — дальнее (отдаленное) родство; законное родство — незаконное родство и т. п. Образная составляющая концепта РОДСТВО реализуется в тех его компонентах, которые заключают в себе наглядно-чувственное представление: это паремии с компонентом «родство»; разного рода речевые штампы, прецедентные тексты и т. п. Наиболее распространенной идиомой с номинацией «родство» является выражение «Иван, не помнящий родства» («не помнящий родства»), которое приводится словарями разных типов с некоторой нюансировкой в толковании, однако при этом с весьма сходной образно-оценочной трактовкой: ‘о человеке, порвавшем связь с воспитавшей его средой’, — что в подавляющем большинстве случаев оценивается социумом негативно. В немногочисленных паремиях, включенных в существующие источники, подчеркивается особая значимость духовного родства, иронично оценивается желание человека быть в родстве с кем-то, не имея на то оснований.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт; номинация «родство»; образный компонент концепта; ценностный компонент концепта; словарь.

Цитирование: Марфина Ж. В. Образно-ценностный компонент лингвокультурного концепта РОДСТВО в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского

государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 37–52. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-37-52.

The Evaluative Metaphoric Component of the Linguocultural Concept *Kinship* in the Russian Linguistic World-Image

Zhanna V. Marfina

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

From the linguoculturological point of view, the evaluative metaphoric component is fundamental in the multidimensional structure of concepts. Evaluativity finds expression in the evaluative component of the linguistic unit (concept name) as well as in the combination of this unit with various attributes. There are no word-formation means containing evaluation in the name of the linguocultural concept *KINSHIP*. The interpretation of texts (consisting of one or several sentences) presented as illustrative material for idiomatic expressions with the term “kinship” in various dictionaries (academic, phraseological, linguocultural, etc.), carried out mainly by the methods of contextual and lexical-semantic analyses, allowed us to identify the evaluative metaphoric component of the linguocultural concept *KINSHIP*. This component is actualized through co-occurrence of the concept name in question — the term “kinship” — with specific attributes as a result of contextual and associative connections formed in such structures. The number of attributes traditionally collocated with the term “kinship”, including evaluative elements in their semantics, is small, which, to a large extent, can be explained by the specifics of the attributed phenomenon: an abstract concept with a sufficiently high degree of generality which can denote close relations (kinship), distant relations (kinship), a legal relationship (kinship), an illegitimate relationship (kinship), etc. The metaphoric component of the *KINSHIP* concept is actualized through elements that contain a visual and perceptually-based representation: these are paroemias with the “kinship” component, various kinds of clichés, precedent texts, etc. The most common idiomatic expression with the term “kinship” is the expression “Ivan, who denies his own roots” (or, literally, “Ivan who does not remember his origin/kinship”), and even though various dictionaries give this idiom a relatively nuanced definition, all of them agree on its evaluative metaphoric interpretation: “about a person who has broken with the environment in which he was raised”, which, in the vast majority of cases, is seen as something negative. The few paroemias included in the existing sources emphasize a special significance of spiritual kinship, treating the desire to be related to someone without any reason with notable irony.

Key words: linguocultural concept; “kinship” term; concept figurative component; concept evaluative component; dictionary.

Citation: Marfina, Zhanna V. (2024) The Evaluative Metaphoric Component of the Linguocultural Concept *Kinship* in the Russian Linguistic World-Image. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 37–52. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-37-52.

1. Введение

На рубеже XX–XXI вв. в рамках лингвистики оформилось новое исследовательское направление — лингвокультурная (лингвокультурологи-

ческая) концептология, — обусловленное, с одной стороны, утверждением в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы, следствием чего стала активизация культурологических исследований, с другой — усилением тенденции к междисциплинарности в сфере как гуманитарного знания, так и в науке в целом. Будучи одним из ответвлений лингвокультурологии, это направление специализируется на изучении природы концепта как конструкта национального сознания, которое, по выражению Г. Г. Слышкина, формируется трихотомией «язык — сознание — культура» (Слышкин 2004: 8) и закономерно находится в отношениях взаимодействия и взаимодополнения с параллельно развивающейся когнитивной концептологией.

Центральной категорией этой новой отрасли знания является лингвокультурный концепт (далее — ЛК) — «комплексная ментальная единица, фиксирующая своеобразие культуры и объективирующаяся в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов социума» (Кононова 2010: 8).

ЛК отличается от других обозначений ментальных единиц, которые используются в различных областях науки (например, от когнитивного концепта) акцентуацией ценностного элемента. Определяя концепты как духовные ценности, ученые выделяют в их структуре понятийную, образную и ценностную составляющие (Карасик 1996; Воркачёв 2004), при этом доминантной определяют именно ценностный компонент (Ковшова 2017: 50) — в связи с тем, что в основе культуры лежит ценностный принцип.

В работах ученых-лингвистов (Степанов 1997; Попова, Стернин 1999; Карасик 2000; Кононова 2012) представлены различные подходы к определению ЛК, однако общим является мнение о многомерности и сложной структурированности этого феномена: «многослойность лингвоконцепта проявляется в наличии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих (слоев, измерений, компонентов, уровней и пр.), мнения исследователей расходятся здесь лишь относительно количества и характера последних» (Кононова 2012: 50–51).

К базовым концептам русской лингвокультуры, отражающим как общечеловеческие, так и национально-специфические представления человека о роде и родовых отношениях, относится ЛК РОДСТВО (Пименова 2013), одним из основных репрезентантов которого является его имя (номинация «родство»). Цель нашего исследования — определить условия и способы реализации образно-ценностного компонента лингвокультурного концепта РОДСТВО в русской языковой картине мира.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили словарные статьи и иллюстративный материал лексикографических источников разных типов, а также контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка. Основные методы, используемые в исследовании, — методы контекстуального и лексико-семантического анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Первостепенность образно-ценностного компонента является одной из особенностей ЛК, отличающих его от концептуальных образований других типов (когнитивного концепта, гештальта, фрейма и т. п.), о чем неоднократно писали исследователи (Телия 1990; Маслова 2010).

Анализ иллюстративного материала, сопровождающего в толковых словарях (ТСЖВЯ; ТСРЯ; ЭС) описание номинации «родство», позволяет утверждать, что данная номинация употребляется преимущественно с понятийными определениями. В основном эти определения выражаются относительными именами прилагательными, легко трансформирующимися в сочетания имен существительных с предлогами — ср., например: *кровное родство — родство по крови*. Система понятийных определений к номинации «родство» включает следующие компоненты:

кровное родство (родство по крови) — родство на основе брачных отношений (родство по браку, свойство);

близкое (ближнее) родство — дальнее (отдаленное) родство (заключенный в приведенных выражениях смысл может также быть передан словосочетаниями *близкий по родству* и *дальний по родству*, где формально в роли определяемого компонента выступает атрибутив, указывающий на признак (*близкий* и *дальний*), а номинация «родство» занимает позицию грамматически зависимого компонента, несогласованного определения).

Синонимичными являются словосочетания *близость родства — дальность родства*, где номинация «родство» также формально является грамматически зависимой от номинаций со значением признака: «близость» и «дальность»; *родство по отцу — родство по матери; восходящее родство — нисходящее родство; родство по прямой линии — боковое родство; родство первой (второй, третьей и т. д.) степени; законное родство — незаконное родство*.

В приведенных выше определениях в номинации «родство» оценочность в некоторой степени присутствует (так, словосочетание *законное родство*, как правило, имеет положительную коннотацию, тогда как

незаконное родство — отрицательную); все же оценочный компонент является в данном случае периферийным семантическим компонентом, к тому же не имеющим формального выражения.

Однако оценочный компонент, потенциально присутствующий в понятийных определениях, может актуализироваться контекстуально — ср., в частности, один из примеров, приводимых в толковых академических словарях русского языка (ССРЛЯ; БАС) для иллюстрации основного значения толкуемой номинации «родство» ('отношение между лицами, имеющими общих предков'): *Из других лиц, близких по родству, особенно много обязан был Пушкин своей бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал* (Н. Чернышевский) (БАС: 1397; ССРЛЯ: 719). В приведенном тексте близость по родству оценивается, безусловно, положительно. Дальность же родства оценивается если и не отрицательно, то — чаще всего — как не имеющая особого значения (а нередко — и вообще никакого) для отношений между находящимися в таких связях людей, как, например, в иллюстративном материале толковых академических словарей: *Я прихожусь им четвероюродным дедушкой, а в этой степени родства самая память об узах невольно исчезает* (М. Салтыков-Щедрин) (ССРЛЯ: 1397; БАС: 719).

Иногда влияние контекста как на определение, характеризующее номинацию «родство», так и в целом на выражение, в которое это определение включено, оказывается столь существенным, что наряду с оценочными компонентами в его семантике формируются и элементы *образного* и / или *символического* свойства, как, например: *Чувство кровного родства является благоприятной почвой для воспитания и развития отзывчивости, участливости, сердечности* (В. Сухомлинский) (БАС: 719). В данном контексте за счет включенности словосочетания *кровное родство* в развернутую метафору (*чувство кровного родства является благоприятной почвой*) используемое по отношению к понятию «родство» определение *кровное* приобретает не только позитивно оценочный, но и образно-символический смысл.

Особо следует остановиться на виде родства, конкретизируемом в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля определением *духовное*: той разновидности родства, которая, по свидетельству энциклопедических источников, с эпохи принятия и распространения христианства характерна для славянского мира, представляя собой, по определению исследователей, главный и наиболее почитаемый вид ритуального родства (Толстая 2009). В. И. Даль, лаконично характеризуя эту разновидность родства ('родство по восприятию от купели'), в то же время приводит в своем словаре синонимы как к собственно определению *духовное* (родство) — *крёстное*,

так и к выражению *духовное родство* в целом — *кумовство*. Следует отметить, что ни один из более поздних толковых словарей не содержит информации об этом, чрезвычайно значимом для славян, виде родства и, соответственно, не приводит в связи с этим никакого текстового материала, иллюстрирующего функционирование данного выражения в речи.

Этнолингвистический словарь «Славянские древности» приводит синоним к выражению *духовное родство* — *крестильное родство* (СД: 443), тесно соотносимое с выражением *крёстное родство*. С. М. Толстая отмечает, что авторитет крестильного родства — как одной из ипостасей родства духовного — может в некоторых случаях превышать значимость родства кровного, поскольку накладывает «на восприемника ответственность за судьбу и нравственный облик своего крестника, который в свою очередь всю жизнь воспринимает своих крестных родителей как самых главных и авторитетных родственников (нередко ставит их выше родителей)» (там же).

Толковые словари XX и XXI столетий свидетельствуют о том, что семантика выражения *духовное родство*, охарактеризованная в Словаре В. И. Даля, при дальнейшем ее функционировании была существенно трансформирована.

При сохранении значения, отмеченного Словарем В. И. Даля, семантический объем данного словосочетания значительно расширился за счет синонимизации с выражениями, где номинация «родство» определяется различными грамматическими формами имени существительного «душа», которые в качестве иллюстративного материала приводятся практически всеми основными толковыми словарями русского языка: *родство души* (ССРЛЯ: 1307; БАС: 720), *родство душ* (ТСРЯ: 1873), *родство по душе* (ССРЛЯ: 1307; БАС: 720).

Так, «Большой академический словарь русского языка» в 27 томах в качестве типичных (устойчивых) выражений с переносным значением толкуемой номинации включает выражения: *Родство души, по душе; родство духа* (БАС: 720). Таким образом, содержащаяся в этом источнике информация позволяет расширить синонимический ряд выражения *духовное родство*, включив в него, помимо приведенных ранее сочетаний, которые образованы по модели «*родство* + грамматическая форма имени существительного», выражение *родство духа*. Это выражение создано по аналогичной модели, однако с использованием грамматической формы синонима к номинации «душа» в одном из ее значений («внутреннее состояние, моральная сила человека») — дух: *духа* (форма мужского рода родительного падежа единственного числа).

Синонимический ряд выражения *духовное родство*, таким образом, в настоящее время имеет следующий вид: *духовное родство — родство души, родство душ, родство по душе, родство духа*.

Во всех текстовых иллюстрациях, содержащихся в академических толковых словарях, осмыслению понятия «родство» с относящимся к нему определением с оценочно-образных позиций существенно способствует включение этих выражений в разного рода *стилистические фигуры*. Так, выражение *родство по душе* в следующем примере: *Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек* (Н. Гоголь) (ССРЛЯ: 1307; БАС: 720) — включено одновременно в две стилистические фигуры: во-первых, фигуру *контраста*, основанную на реальном противопоставлении сходства внутреннего мира людей их сходству по наличию общего родоначальника: *родством по душе, а не по крови*; во-вторых, *сопращение однокоренных слов*, одно из которых и является определяемым для анализируемого определения, уже включенного в фигуру контраста: *породниться родством по душе*.

Контекст также способствует актуализации оценочно-образного компонента выражения *родство духа* в следующем примере из «Большого академического словаря русского языка»: *Их родство духа всегда удивляло и радовало тех, кто встречал Кукрыниксов на своем пути* (БАС: 720). Во-первых, это явно метафорическое осмысление абстрактного понятия, его конкретно-образное «опредмечивание» (*родство духа удивляет и радует кого-то*); во-вторых, семантика привлеченных для метафоризации глаголов однозначно свидетельствует об исключительно позитивной оценке заключенной в выражении *родство духа* семантики.

Информация, содержащаяся в ряде лексикографических источников, позволяет некоторым образом дополнить не очень объемный перечень *оценочных* (в большинстве случаев — *оценочно-образных*) определений к рассматриваемому нами понятию.

Так, в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова и других для характеристики концепта РОДСТВО приведены всего два определения: «родство близкое, выгодное» (СРМ: 182). Определение *близкое* к номинации «родство» под влиянием контекста приобретает оценочные, а иногда и образно-символические семантические компоненты, а определение *выгодное* в сочетании с данной номинацией приобретает явный оценочный характер, обусловленный собственно семантикой самого прилагательного — ‘имеющий, дающий какую-либо выгоду, пользу, преимущества, благоприятный’.

Образная составляющая рассматриваемого концепта ожидаемо реализуется в тех его компонентах, в которых преобладает наглядно-

чувственное представление. Это, с одной стороны, единицы языка, содержащие образность, зафиксированную в коллективном языковом сознании нации: прежде всего фразеологизмы, а также иные идиоматические единицы, к которым при широком понимании принадлежат пословицы и поговорки, крылатые выражения, разного рода речевые штампы, получившие широкую распространенность цитаты и т. п.

Наиболее распространенными идиомами с компонентом *родство* являются сходные по составу, но существенно отличные по толкованию разными источниками выражения *Иван, не помнящий родства* и *не помнящий родства*. В толковании данных идиом словарями русского языка различных периодов отражена не только историческая, но и явная социокультурная составляющая. Впервые, по нашим наблюдениям, обе идиомы были зафиксированы «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: выражение *не помнящий родства* — в качестве устойчивого выражения, толкуемого как ‘человек, не дающий властям сведений о своем происхождении, месте рождения и т. п.’ и снабженное пометами «дореволюционное» и «официальное»; выражение *Иван, не помнящий родства* — как текстовый пример, иллюстрирующий приведенную идиому (ТСРЯ).

«Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах при толковании основного значения лексемы «родство» в качестве устойчивого сочетания приводит выражение *не помнящий родства* со значением ‘в дореволюционной России — тот, кто не знает или не дает сведений о своем происхождении, месте рождения и т. п.’, т. е. трактует его как историзм, подтверждая сформулированное значение иллюстрациями из классической русской литературы: *Кузмич, выдававший себя за не помнящего родства бродягу, знал иностранные языки и всеми приемами своими величавой ласковости обличал человека, привыкшего к самому высокому положению* (Л. Толстой) (ССРЛЯ: 1398).

«Русский семантический словарь» Н. Ю. Шведовой при толковании основного значения номинации «родство» приводит оба идиоматических выражения, одно из которых — *не помнящий родства* — квалифицируется как историзм (‘тот, кто не знает или не дает сведений о своем происхождении, месте рождения’; устар. офиц.); второе — *Иван, не помнящий родства* — как фразеологизм со значением ‘о человеке, не дорожащем старыми связями, а также прошлым своего народа, родины’, снабженным пометой «презрительное» (РСС: 836).

Наиболее развернуто и, с нашей точки зрения, последовательно оба рассматриваемых выражения представлены в «Большом академическом

словаре русского языка», где они описываются при толковании основного значения лексемы «родство». Выражение *не помнящий родства* квалифицировано как устойчивое (типичное) словосочетание со значением ‘в дорев. России — тот, кто не имеет сведений или притворяется, что не имеет сведений о своем происхождении, месте рождения и т. п.’ и проиллюстрировано двумя примерами из классической русской литературы (БАС: 719–720).

Выражение *Иван, не помнящий родства* квалифицировано как фразеологическая единица со значением ‘о человеке, порвавшем связь с воспитавшей его средой’ и проиллюстрировано двумя весьма показательными контекстами, отчетливо «оттеняющими» смысл включенного в них фразеологизма: *Мы не Иваны, не помнящие родства. Нам дорого все, что сотворено дедами и прадедами, что славит талант и мастерство народа* (Л. Кудреватых); *Без преемственности искусство делается «Иваном, не помнящим родства»* (В. Яковлев) (БАС: 720).

Специальные фразеологические словари (ФСРЛЯ; ФРСЯ; ФССРЛЯ) в большинстве своем приводят оба выражения, при этом иногда объединяют их в одной словарной статье, тем самым демонстрируя общность ключевого компонента, иногда — «разводят» по разным сегментам источника, что свидетельствует и об отнесенности этих выражений к различным семантическим объединениям.

Примечательно, что в одном из первых справочных пособий русского языка, системно представившем афоризмы (КС), помимо характеристики исходного значения выражения *не помнящий родства* (*непомнящий родства*), которое изначально (в течение XIX в. и в начале XX в.) использовалось как юридический термин, отражено и начало формирования в его семантике вторичных (собственно фразеологических) значений: «**Непомнящие родства**. Старинный юридический термин, который применялся к беспаспортным бродягам. ...Выражение это употребляется как характеристика ренегатов» (КС: 371).

Помимо приведенных выше выражений, номинация «родство» является компонентом нескольких паремий, которые зафиксированы Словарем В. И. Даля (ТСЖВЯ) и им же составленным сборником «Пословицы русского народа» (ПРН): **Близкое родство**: *на одномъ солнышкѣ онучи сушили!* и **Родство** *дѣло святое, а деньги — дѣло иное. Кумовство да свойство — ближнее родство; Духовное родство пуще плотского; Зевон пополам — быть в родстве.*

Несмотря на небольшой объем паремийного корпуса с компонентом *родство*, он, с нашей точки зрения, заслуживает безусловного внимания, поскольку часть входящих в него единиц отличается глубоким философ-

ским смыслом, зафиксировавшим своеобразие русской (и отчасти восточнославянской) ментальности. По нашему мнению, наиболее отчетливо это выражено в паремии *Духовное родство пуще плотского*, утверждающей приоритетность духовных связей между людьми, общности их жизненных взглядов, убеждений, стремлений и т. п. по отношению к тем связям, которые формируются у них при наличии общих предков (т. е. *кровному*, или *плотскому*, родству). Очевидно, что в этом устойчивом выражении заложен не только *образный*, но и *оценочный* смысл, который отражает особенности национального мировосприятия.

Сходное содержание, хотя и выраженное менее категорично, заключено в паремии *Кумовство и свойство — ближнее родство*, приравнивающей некровное родство (например, родство *крестильное* как одну из разновидностей родства *духовного*) к родству *ближнему* (= *близкому*).

Приоритетность родственных связей по отношению к материальным благам (деньгам в частности) подчеркнута в паремии *Родство дѣло святое, а деньги — дѣло иное*: это достигается атрибуцией номинации «родство» именем прилагательным *святой*. Приведенное выражение, как и большинство паремий, допускает различные интерпретации; одна из которых может иметь примерно следующий вид: ‘при решении материально-имущественных вопросов родственные отношения не принимаются во внимание’.

Еще в двух паремиях из приведенного перечня: *Близкое родство: на одномъ солнышкѣ онучи сушили!*; *Зевок пополам — быть в родстве* — иронично осмысливается стремление некоторых людей казаться *близкими* родственниками кого-то, нередко настаивающих на этом родстве. В таких случаях настаивающая сторона часто приводит «аргументы», не имеющие ничего общего с действительным родством (наличием общего предка) — именно они и высмеиваются в этих устойчивых выражениях. При этом явную лингвокультурную значимость первой из идиоматических единиц придает включение в ее состав обозначения распространенной в быту наших предков-славян повседневной реалии — *онучи* (‘обмотки под сапоги или лапти’).

При установлении образной составляющей концептуализируемого понятия, безусловно, необходимо обращение не только к толковым словарям, но и к лингвистическим источникам других типов, несмотря на то, что в них информация может быть представлена менее системно и дифференцированно.

В частности, информация, расширяющая представление об образных характеристиках лингвокультурного концепта РОДСТВО, содержится

в одном из словарей, созданных на основе Национального корпуса русского языка, — в «Словаре русской идиоматики» Г. И. Кустовой, имеющем подзаголовок «Сочетания слов со значением высокой степени» (СРИ). В словаре приводится единственный пример сочетания номинации «родство» с определением, обозначающим высокую степень заключенного в определяемом слове понятия — *глубокое родство*.

Правомерность включения словосочетания *глубокое родство* в «Словарь русской идиоматики» Г. И. Кустовой подтверждается примерами входящих в Национальный корпус русского языка контекстуальных употреблений данного выражения (всего 16 примеров), которые образно конкретизируют (наглядно-чувственно иллюстрируют) входящий в его семантику образный компонент. Функционирующему в этих контекстах выражению *глубокое родство* во всех случаях присуща метафоричность, хотя и проявляющаяся в каждом конкретном случае в неодинаковой степени, что в первую очередь обусловлено стилистической принадлежностью текстовых фрагментов. Иллюстрации взяты из научных и научно-публицистических произведений (философской и литературно-критической направленности), а также из литературно-художественных и публицистических текстов: *Взаимная их страсть была основана на глубоким родстве их душ — даром что Горн был талантливым художником, космополитом, игроком...* (В. Набоков); *Коротко говоря, если вы находите миражом весь этот мир — кстати, обратите внимание на глубокое родство слов «мир» и «мираж», — то нет никаких поводов выделять женщин в какую-то особую категорию* (В. Пелевин).

В приведенных примерах определение *глубокое* очевидно указывает на высокую степень обозначаемого номинацией «родство» признака, однако функционирование этого словосочетания в художественной речи придает ему дополнительную экспрессию, что в первую очередь обусловлено актуализацией контекстуальных и ассоциативных связей с другими образными элементами. Так, в контексте *Я таю от гордого и печального взгляда верблюда, я чувствую глубокое родство с медведем и зеброй* (Н. Берберова) экспрессия выражения *я чувствую глубокое родство с медведем и зеброй* существенно повышается в результате корреляции с синкретичным тропом (метафорой, распространенной эпитетами): *таю от гордого и печального взгляда верблюда*, — который функционирует в первой части текстовой иллюстрации. Особенно показательным в плане повышения экспрессивности рассматриваемого определения к номинации «родство» представляется следующий контекст: *Умер, ...так и не прочитав романа ...и не ощутив глубокого родства с его несчастным героем*

(Л. Улицкая*), где в пространной синтаксической конструкции, помимо образного выражения *не ощутив глубокого родства (с его несчастным героем)*, функционируют три распространенных метафорических эпитета, находящихся в ассоциативно-образном взаимодействии с анализируемым элементом.

Примечательно, что и в помещенных в словаре Г. И. Кустовой фрагментах, взятых из научных текстов, также можно наблюдать актуализацию образной семантики выражения *глубокое родство* за счет сформировавшихся в контекстах связей, например: *И магия имеет глубокое родство с естествознанием и техникой* (Н. Бердяев); *Основываясь на первой части этого сочинения, мы утверждаем, что взгляды Риккерта находятся по существу в глубоком родстве с учениями, им оспариваемыми* (Н. Лосский).

Приведенный текстовый материал, иллюстрирующий ценностную и / или образную составляющую концепта РОДСТВО, по большинству своих параметров соотносим с примерами, сопровождающими описание концепта РОДСТВО в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова и других. Представленный в этом источнике иллюстративный материал в основном включает оригинальные тексты русских классиков (философов и поэтов) и ряд примеров из академических словарей, «зафиксировавших русские тексты в их по преимуществу близком к исконному представлению русских концептов [по ранним изданиям произведений]» (СРМ: 11). В иллюстративный корпус словарной статьи «Родство» в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова и других входит одно высказывание из поэтической речи, где образность языковых единиц по определению повышается. В данном случае образно-метафорически (за счет включенности в синкретичный троп — сравнение, распространенное эпитетами) осмысливается выражение *близкое родство: Дружба их была столь же священна, как самое близкое родство* (А. Пушкин).

Наиболее показательным с точки зрения образного осмысления ценностного компонента концепта в индивидуально-стилистическом ключе является следующий контекст: *Эта группа людей [одинок] будет жить и развиваться среди человечества, но против человечества, отрицая самый его корень... В каждом племени и народе эта группа не будет иметь связывающих боковых скреп в виде горячо лелеемого родства* (В. Розанов). Определение *горячо лелеемое*, употребленное с номинацией «родство», является, безусловно, отражением индивидуально-авторского мировосприятия упомянутого автором понятия и убедительным (с высокой

* Улицкая Людмила Евгеньевна признана Минюстом РФ иностранным агентом в РФ.

степенью воздействия) образно-экспрессивным подтверждением содержания первой части высказывания.

4. Заключение

Таким образом, проанализированный материал демонстрирует разнообразие способов образного и ценностного осмысления имени лингвокультурного концепта РОДСТВО. В процессе исторического развития русского языка в течение XIX–XXI вв. часть выражений с номинацией «родство» закрепились в системе языка как элемент с устойчивой семантикой (будучи по составу двух- и более компонентными, по значению они могут быть сведены к одной семантической единице, семеме) и характеристиками фразеологических единиц.

Анализ текстового материала позволяет прийти к заключению о том, что сочетающиеся с номинацией «родство» определения под влиянием сформировавшихся контекстуальных связей актуализируют потенциально в них присутствующий оценочный и образный элемент. Этому процессу в компонентах лингвокультурного концепта РОДСТВО ожидаемо способствует их введение в состав изобразительно-выразительных средств — в первую очередь тропов, включая синкретичные тропеические образования, и разного рода стилистических фигур.

Список литературы / References

- Воркачѳв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. [Vorkachyov, Sergey G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyj concept* (Happiness as a Cultural and Linguistic Concept). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. трудов / Отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16. [Karasik, Vladimir I. (1996) *Kul'turnye dominanty v yazyke* (Cultural Dominants in the Language). In Karasik, Vladimir I. (ed.) (1996) *Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty: sb. nauch. trudov* (Linguistic Persona: Cultural Concepts). Volgograd; Arhangel'sk: Peremena, 3–16. (In Russian)].
- Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20. [Karasik, Vladimir I. (2000) *O tipah diskursa* (On the Types of Discourse). *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* (Linguistic Persona: Institutional and Personal Discourse). Volgograd: Peremena, 5–20. (In Russian)].
- Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. [Kovshova, Mariya L. (2017) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* (Dictionary of Linguoculturological Terms). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Кононова И. В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): Автореф. дис. ...

- д-ра филол. наук. СПб., 2010. [Kononova, Inna V. (2010) *Struktura i yazykovaya reprezentaciya britanskoj nacional'noj moral'no-eticheskoy konceptosfery (v sinhronii i diahronii): Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* (British National Moral and Ethical Conceptosphere Structure and Linguistic Representation (in Synchrony and Diachrony): Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Saint-Petersburg. (In Russian)].
- Кононова И. В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации // Вестник Ленингр. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. Сер.: Филология. 2012. Т. 7. № 1. С. 49–60. [Kononova, Inna V. (2012) *Struktura lingvokul'turnogo koncepta: metody vyyavleniya i mekhanizmy semantizacii* (The Structure of a Cultural Concept: Methods of Analysis and Mechanisms of Semantization). *Pushkin Leningrad State University Journal*, Vol. 7, 1, 49–60. (In Russian)].
- Маслова В. А. Культурный символ и его роль в создании национальных ценностей // Живодействующая связь языка и культуры: материалы конф., посвященной юбилею проф. В. Н. Телия: в 2 т. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. Т. 1. С. 65–67. [Maslova, Valentina A. (2010) *Kul'turnyj simvol i ego rol' v sozdanii nacional'nyh cennostej* (Cultural Symbol and Its Role in the Creation of National Values). In *Zhivodejstvuyushchaya svyaz' yazyka i kul'tury: materialy konf., posvyashchyonnoj yubileyu prof. V. N. Teliya: v 2 t.* (The Vital Link Between Language And Culture: Conference Materials Dedicated to the Anniversary of Prof. V. N. Teliya in 2 vol.) Tula: Publishing house of the Tula State ped. University named after L. N. Tolstoy, Vol. 1, 65–67. (In Russian)].
- Пименова М. В. Терминология когнитивной лингвистики: концептуальная система и концептуальная картина мира // Термінологічний вісник. 2013. Вип. 2 (1). С. 129–134. [Pimenova, Marina V. (2013) *Terminologiya kognitivnoj lingvistiki: konceptual'naya sistema i konceptual'naya kartina mira* (Cognitive Linguistics Terminology: Conceptual System and Conceptual Worldview). *Terminological Vestnik*, 2 (1), 129–134. (In Russian)].
- Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999. [Popova, Zinaida D., & Sternin, Iosif A. (1999) *Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyah* (The Notion of “Concept” in Linguistic Research). Voronezh: VGU. (In Russian)].
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. [Slyshkin, Gennadij G. (2004) *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* (Cultural and Linguistic Concepts and Meta-concepts: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Volgograd. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997. [Stepanov, Yuriy S. (1997) *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* (Constants: The Dictionary of Russian Culture. Research Experience). Moscow: Yazyki rus. kul'tury. (In Russian)].
- Телия В. Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 32–47. [Teliya, Veronika N. (1990) *Semantika idiom v funkcional'no-parametricheskom otobrazhenii* (Idiom semantics in functional-parametric mapping). In *Frazeografiya v Mashinnom fonde russkogo yazyka* (Phraseography in Computer Fund of Russian Language). Moscow: Nauka, 32–47. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023). [*Nacional'nyj korpus russkogo yazyka*. (2023, March 10) (The Russian National Corpus). Retrieved from <https://ruscorpora.ru>. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

КС — Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1955. [Ashukin, Nikolaj S., & Ashukina, Mariya G. (1955) *Krylatye slova: Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya* (Winged Words: Literary Quotations. Metaphors). Moscow: Gos. izd-vo hudozhestv. lit-ry. (In Russian)].

БАС — Большой академический словарь русского языка: 27 т. М.: Наука; СПб.: Наука, 2004. [*Bolshoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka*: 27 t. (2004) (The Great Academic Dictionary of the Russian Language). Moscow: Nauka; Saint-Petersburg: Nauka. (In Russian)].

ПРН — Даль В. И. Пословицы русского народа. Полное издание в одном томе. М.: «Изд-во АЛЬФА-КНИГА», 2020. [Dal', Vladimir I. (2020) *Poslovice russkogo naroda. Polnoe izdanie v odnom tome* (Proverbs of the Russian People. Full Edition in One Volume) Moscow: «Izd-vo AL'FA-KNIGA». (In Russian)].

ТСЖВЯ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 4: Р – В. [Dal', Vladimir I. (2000) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol.) Vol. 4: P–V. Moscow: Russkij yazyk. (In Russian)].

СРМ — Колесов В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1.: А – О. СПб.: Златоуст, 2014. [Kolesov, Vladimir V. (2014) *Slovar' russkoj mental'nosti*: v 2 t. Т. 1.: А – О. (Dictionary of Russian Mentality in 2 vol. Vol. 1 A – O). Saint-Petersburg: Zlatoust. (In Russian)].

СРИ — Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетание слов со значением высокой степени [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-idiomatika-dict.slovaronlain.com> (дата обращения: 10.07.2020). [Kustova, Galina I. (2020, July 10) *Slovar' russkoj idiomatiki. Sochetanie slov so znacheniem vysokoj stepeni* (Dictionary of Russian Idiomatics. Collocations with Meaning of High Degree). Retrieved from <http://rus-idiomatika-dict.slovaronlain.com> (In Russian)].

РСС — Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 3 т. Т. 3 / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. [Shvedova, Nataliya Yu. (ed.) (2003) *Russkij semanticheskij slovar': tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij*: v 3 t. (Russian Semantic Dictionary: an Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings: in 3 vol.), 3. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*: v 17 t. (1961) Т. 12. (Modern Russian Literary Language Dictionary in 17 vol. Vol. 12). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russian)].

- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. П — РЯШКА / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. [Ushakov, Dmitrij N. (ed.) (1996) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3. P — RYaShKA* (Russian Language Explanatory Dictionary in 4 vol., Vol. 3 P — RYaShKA). Moscow: Terra. (In Russian)].
- СД — Толстая С. М. Славянские древности: этнолингвист. слов.: в 5 т. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). [Tolstaya, Svetlana M. (2009) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvist. slov.: v 5 t. T. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito)* (Slavic Antiquities: an Ethnolinguistic Dictionary in 5 vol., Vol. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito)). Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian)].
- ФСРЛЯ — Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. [Fyodorov, Aleksandr I. (2008) *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. (Russian Literary Language Phraseological Dictionary). Moscow: Astrel', AST. (In Russian)].
- ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка. М.: «ЮНБЕС», 2003. [*Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka*. (2003) (Phraseological Dictionary of the Russian Language). Moscow: «YUNVES». (In Russian)].
- ФССРЛЯ — Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. Т. 2 / Под ред. проф. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. [Tihonov, Aleksandr N. (ed.) (2004) *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t. T. 2* (Modern Russian Literary Language Phraseological Dictionary of the: in 2 vol. Vol. 2). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- ЭС — Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 26а: Резонанс и резонаторы — Роза ди-Тиволи, 1899. [Andreevskij, Ivan E. (ed.) (1899) *Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza, I. A. Efrona*. Т. 26а: Rezonans i rezonatory — Roza di-Tivoli (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: Vol. 26а. Resonance and Resonators — Rosa di Tivoli). (In Russian)].

УДК 81'42: 81'27:81'111

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-53-72

ИНТЕРДИСКУРСИВНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМЕ НАМЕКА

Р. М. Миндияхметова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия

Настоящая работа затрагивает проблематику развертывания смыслового содержания рекламного сообщения. Материалом анализа послужили англоязычные рекламные видеоролики. Цель работы заключается в установлении роли подтекстовой информации, выраженной намеками, в передаче рекламных смыслов. Достижение поставленной цели предполагает выявление специфики смысловой интерпретации адресатом неявно выраженного содержания рекламного текста. В основу исследования положена гипотеза о том, что понимание и толкование рекламных смыслов получателем сообщения происходит путем дешифровки контекстов намека, преднамеренно сконструированных автором. Прочтение намеков в рекламе представляет собой процедуру смысловой интерпретации внутри- и интердискурсивного взаимодействия знаков и кодов рекламного текста. Выявляются способы создания намеков на вербальном и невербальном уровнях рекламы. Устанавливаются прагматические задачи, решаемые посредством намеков в коммерческой рекламе. Автор приходит к выводу о том, что наложение знаков и кодов культуры в рекламном сообщении, а также их взаимодействие с кодами иных дискурсивных практик способствует косвенной передаче информации, нужной для заказчика рекламы. Определяются следующие виды информации, транслируемые посредством намеков: эмоционально-оценочная, концептуальная, идеологическая и культурная. Особое значение в смысловом развертывании рекламного содержания приобретают знаки лингвокультуры, обеспечивающие интертекстуальные связи между рекламными смыслами и культурным опытом индивида, что, в свою очередь, обогащает смысловой код рекламы. Подключение данных знаков в рекламный контент оптимизирует речевое воздействие и манипуляцию массовым сознанием.

Ключевые слова: намек; знаки и коды рекламы; смыслы рекламы; контекст намека; смысловая интерпретация; развертывание информации; интердискурсивное взаимодействие.

Цитирование: Миндияхметова Р. М. Интердискурсивное развертывание рекламной информации в форме намека // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 53–72. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-53-72.

Interdiscursive Development of Advertising Information in the Form of Hints

Rimma M. Mindiakhmetova

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

The paper examines the development of the semantic content of advertising messages using the empirical data of English language commercials. The purpose of the research is to identify the role of subtext information, conveyed through hints, in rendering advertising meanings. In order to assess the role of such hint-based subtext, it was important to understand the specifics of addressees' semantic interpretation of the implicit content of advertising texts. We made an assumption that understanding and further interpretation of advertising meanings by addressees occurs through deciphering of hints intentionally constructed by copywriters, and comprehension of hints involves semantic interpretation of intra- and interdiscursive interactions of signs and codes, employed in an advertising text. The author identifies ways of creating hints on verbal and non-verbal levels of advertising discourse, describes pragmatic functions of hints in advertisements, and comes to the conclusion that intersection of signs and cultural codes within an advertising message as well as their interaction with codes of other discursive practices contribute to indirect rendering of information that benefits advertisers. The article specifies types of information communicated through hints, including emotional-evaluative, conceptual, ideological, and cultural information. Of special interest is the potential of linguacultural signs in the process of developing implicit meanings in advertising content, since they provide intertextual links between advertising meanings and cultural knowledge of consumers, thus diversifying the semantic code of adverts. The usage of these signs helps to optimize the speech impact and make manipulation of mass consciousness more effective.

Key words: hint, signs and codes of advertising, advertising senses, the context of hint, sense interpretation, development of information, interdiscursive interaction.

Citation: Mindiakhmetova, Rimma M. (2024) Interdiscursive Development of Advertising Information in the Form of Hints. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 53–72. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-53-72.

1. Introduction

Defining good strategies for speech impact in advertisements has become particularly relevant in language studies due to demand for the effective tool of persuading customers in today's highly competitive market. That is why indirect speech influence, the goal of which is to embed a certain knowledge upon a buyer's mind, has become especially topical in Communicative Linguistics. This calls for active participation of a target audience in decoding advertising discourse in search of implicit information. The paper is based on the hypothesis that an addressee understands and interprets advertising senses while deciphering hints, deliberately constructed by the author of an advertising text.

Over the last decades researchers working on the issues related to the language use by a homo loquence are increasingly challenged by the concept of hint. A new, not so popular, still very promising from the methodological point of view notion attracts our attention too. Our previous works devoted to the ways and means of rendering hint in advertising (Chanysheva & Khasanova 2016; Mindiakmetova 2018) have become an impetus to more detailed consideration of the problem, investigated through the joint efforts of Communicative approach, Discourse analysis, and Pragmatics. The current survey is an attempt to get a sophisticated understanding of how hints are used to express advertising information.

The topicality of the work is determined by the current conditions of developing community life, designed to unify mass consciousness. Manipulative force of advertising language is crucial in this process (Bayartueva 2018: 18). The practical importance of exploring communicative value of the concept under scrutiny is not questioned: the speaker uses hints if he wants to share his opinions indirectly and, consequently, makes his interlocutor think in the same way as he does. At the same time, despite the growing interest in the indirect speech influence, realized through hints, studies on the comprehension of the process of distributing advertising information with the help of hints are rather limited. Scientific novelty of the research consists in the attempt to undertake a versatile analysis of hints as instruments of introducing advertising senses (semiotic nature of this process, linguistic means employed in the construction of the context of hint, pragmatic tasks realized with hints). There has been much discussion about the phenomenon of hint in political, public, interpersonal discourses, whereas advertising has not been thoroughly investigated for its ability to impose some worldview on a target audience via hints. The key purpose of the article is to shed light on the role of hints in the development of advertising information. Achieving the established goal involves the solution of a number of tasks: 1) to describe how hints help to render the advertising information, 2) to identify pragmatic tasks of hints in advertising, 3) to define types of information conveyed through hints, 4) to disclose the most effective means of creating hints.

2. Material and Methods

When dealing the topic of hints from purely communicative viewpoint, other linguistic approaches cannot be secondary in importance, since multidisciplinary has become the main methodological principle in Linguistics. The need for interdisciplinary method stems from the very nature of the object under discussion, since the concept of hint, like many other notions, employed in the current work, such as discourse, sense, sign, and the like, cannot be discussed

within the scope of just one linguistic paradigm. In the light of these ideas it seems appropriate to regard the issue from the position of Linguoculturology as a discipline with multidisciplinary origins that explores the relationship between language and cultural conceptualisations (Sharifian 2017: 2). Evidently, in its keenness to present new perspectives on the intersection between culture, cognition, and language (Peeters 2019: 8). Cultural Linguistics may help to advance our exploration of hints in advertising that has not been sufficiently examined.

Thus, to give insights into the very essence of the problem we will investigate the realization of advertising senses in the form of hints from multifaceted linguistic perspectives. The research methodology applied involves the following methods: discourse analysis, semiotic method, methods of sense interpretation and linguoculturological procedures of research. Discourse analysis appeared from the idea to study a human being in the social and cultural environment. Discourse approach takes as the starting point the claim of structuralist and poststructuralist theory that our access to reality is always through language (Jørgensen & Phillips 2002: 8). So, discourse-analysis concentrates on analyzing language in use. It reveals how the human language functions when a person uses it to reach certain communicative goals. Demand for discourse-analysis of advertising texts is quite obvious. Advertising as the product of mass culture could not develop, survive, extend and generally succeed without communication (McQuail 2004: 93), and, therefore, urgently needs to be explored for its discursive characteristics. As A. Duranti and Ch. Goodwin state: “it would be blatantly absurd to propose that one could provide a comprehensive analysis of human social organization without paying close attention to the details of how human beings employ language to build the social and cultural worlds that they inhabit” (Duranti & Goodwin 1992: 2–3). In other words, understanding culture means answering the question how meaning is rendered symbolically through the practices of language within cultural contexts. Discourse-analysis is largely supported with semiotic views on the reality around us. Semiotics focuses on the deployment of symbolic meanings of signs, we are surrounded by, in advertising, their utilisation for commercial objectives. To comprehend advertising message one has to interpret this or that sign in its relevance to a particular advertising text for every sign may generate numerous senses when it comes in contact with other signs within and outside discursive space of advertising.

Taking into account that our investigation is held within the framework of cultural studies the notion of culture as the saturation of social life, its facts and artefacts, is crucial in this paper, since culture permeates almost all spheres of human life. Therefore, culture is a semiotic practice, and discourse as the most

quintessential part of this practice abounds with cultural meanings and connotations. The pervasive role of cultural context in discourse calls for the employment of linguoculturological procedures of research. That is why we accompany the showcase of almost each example with culturological commentary of a linguistic fact.

The material used in the study was mostly derived from a significant selection of television commercials broadcasted on American TV channels. Our choice of the object of investigation is explained by two reasons. First, commercials are a very attractive means of rendering advertising idea due to multimodal nature of television adverts. Combination of numerous communicative and sensory modes (sound, image, music, print, sight, video, etc.) intensifies the communicative effect of the message. Second, to enhance the capacity of speech influence we have selected commercials addressed to a particular target audience to make sure that a hint is decoded in accordance with the pattern designed by its creator. Evidently, much depends on sociocultural aspects of an addressee. His views, preferences and tastes greatly outlines the way a given hint will be deciphered.

3. Results and Discussions

3.1. The Concept of Hint in Language Studies

As has already been stated above, hints are regarded as the means of indirect speech influence, and as such are investigated from the point of view of communicative approach in Linguistics. Regrettably absent in the western language study, the concept of hint has been studied only by few Russian scholars, such as I. Yu. Artyomova, A. N. Baranov, I. M. Kobozeva, N. I. Laufer (1988), T. G. Matulevich, M. A. Kirichenko, I. B. Shatunovskij. That is why the status of hints in modern language studies stays open to debate. Some scholars define it as a strategy that facilitates verbal maneuvering (Kuz'menkova 2008), or as a speech tactics within some strategy. The fact that researchers can not reach common ground about the criteria underlying the identification of hints in a text confirms how elusive this notion seems to linguists. A well-known specialist in the field of Communicative Linguistics A. N. Baranov defines a hint as a discursive unit which contains direct, as well as indirect meanings, wherein the secondary sense is primary for it (Baranov 2007).

In the theory of speech acts a hint is viewed as a speech act or an utterance the purpose of which is to give a hint to a listener. Occupying the intermediate position between direct and indirect speech acts, the speech act of hint borders on clues at one end, and insinuation — at the other. There is a variety of cases between the two poles caused by a great amount of reasons and aimed at a

broad spectrum of effects. Nevertheless, all hints, true, and regular ones, coincide in the general intention of a speaker — allowing a listener to form his personal opinion to direct the thought to the desired result (Nikitin 2007: 624). As can be seen, the key word in the clear understanding of the concept of hint is the word “guess”.

A text with a guess suggests that a reader has to make a conclusion from incomplete data on his own. That means that the content of a hint takes the reduced form of linguistic expression. Otherwise it may lose its communicative force and manipulative potential. The main characteristics of a true hint are as follows:

- the content of a hint is presented on the surface of the utterance in the form that is difficult for the human mind to comprehend (in the form of traces, i.e. a reduced variant, or, on the contrary, in an extended, complicated form);
- an addressee must be capable of understanding its sense;
- deciphering the content of a hint needs application of knowledge about the world or the particular situation discussed in a text;
- misunderstanding of a hint should not distort the meaning and idea of a text;
- the content of a hint forms an alternative, more profound level of comprehension of a text (Baranov 2006: 47).

It is necessary to note that the indirect meaning of a hint may be understood only when decoding the interplay of its explicit meaning and an addressee's knowledge about the world around him. This process accompanied by interaction of explicit thought and cultural connotations has semiotic origin. Semiotic Linguoculturology analyzes fragments of world in terms of signs. Correspondingly, a hint may be looked upon as a language phenomenon that manifests itself through any linguistic sign (unit) that consists of two planes: the plane of expression and the plane of content. Both planes are closely connected with cultural information, otherwise a hint could not be interpreted by an addressee who reads the message relying mostly on his background knowledge as a representative of this or that national culture. Correspondingly, the cultural information encoded in hints may be found at the level of linguistic manifestation of a hint (verbal and non-verbal) and also at the level of its content (concepts and values).

3.2. The Potential of Hints in Media Communication

I. M. Kobozeva and N.I. Laufer regard the hint as a way of indirect informing aimed at rendering a message, the true meaning of which is concealed. Literal expression of hint may be viewed as an action that violates social norms. In order to draw information the hearer should perform non-trivial mental operations (Kobozeva & Laufer 1988: 462–465). Indirect speech impact has become a

very trendy strategy of speech impact in media communication. Texts of mass communication with its hidden methods of altering a human's worldview present a new challenge for Communicative Linguistics since indirect tactics of influence have proved to be much more effective than direct ones. They grant the author of media texts with opportunity to manipulate a target audience and embed his own ideas in the mass mentality. Implementation of implicit knowledge helps to route sense interpretation of a text in an intended way.

Thus, due to implicit information interwoven with conceptual information a text of mass media can fulfill its communicative function. Linguists discern various types of implicit content of a text: implicatures, indirect speech acts, implications, presuppositions. As compared with all these notions the concept of hint appears to be more appropriate in the study of indirect speech impact. Firstly, hints are viewed as a purely linguistic term, whereas implicatures, implications and presuppositions migrate into linguistic terminology from metalanguage of Logics. This makes the latter terms inconvenient in the investigation of language phenomena, explanation of which goes far beyond the logical understanding of the surrounding reality. Secondly, from the point of view of communicative value of different means of indirect influence the term "hint" fits better into the research of media texts. The thing is that unlike other ways of rendering implicit senses, hints carry the pragmatic load that is more advantageous for the purpose of speech impact, since an addressee is unaware that he is being manipulated. Therefore it is assumed that hints help to hide the author's intentions and *merely suggest or imply* the addressee some way of thinking.

Probably the greatest diversity of hints in the discourse space of media can be observed in the discursive practice of advertising. No wonder, since hints seem to be the ideal means of speech impact upon a consumer, who, as a rule, chooses his own way of interpreting the advertising message. In fact, while deciphering the advertising text, a consumer doesn't realize that an ad creator guides the whole mental process of ad decoding. Consequently, the recipient thinks that the ideas of the deciphered text are the result of his personal conclusions. Sometimes a consumer overlooks a hint but even in this case the advertising text will never lose its sense, because the text with hints offers a reader the illusionary freedom of its interpretations.

3.3. Advertising as a Discursive Practice

Despite many works about discourse and discourse-analysis in various scientific fields, including language studies, the term *discourse* still remains in the focus of disputes and discussions. In this research discourse is understood as a total of thematically united texts that one way or another relate to one common subject. Discourse theme unfolds not in a single text, but intertextually, through

complex interplay of a variety of texts (Chernyavskaya 2001: 16). Consequently, advertising discourse is looked upon as a set of verbal and nonverbal texts interaction of which renders the advertising message of a certain company (Mindiakhmetova 2023b: 92). Two highly important conclusions concerning advertising discourse may be drawn from this definition of discourse:

1. Advertising discourse is closely connected with other types of discourse.

2. Advertising discourse has a semiotic nature, the structure of numerous verbal and non-verbal signs.

Like any other type of discourse advertising employs a rather popular method of creating new on the basis of the previously used pattern or scheme. This may be explained by the influence of literature, postmodern culture, and, what is more, non-linear thinking. Different discourses interact with each other within the discourse space of advertising. One can find elements of some other discourse and try to interpret them with regard to its new context. Naturally, these “traces”, or hints, of other epochs and cultures are used to make the advertising text flexible for interpretation and at the same time more real-to-life. This implies interdiscursivity of advertising discourse as one of its major semantic and pragmatic category. The key concept of interdiscursivity is the notion of interdiscourse which represents typological models of text production, mental principles, and cultural codes (Chernyavskaya 2009: 211). We propose that hints may be regarded as vehicles that serve to establish such intertextual, or interdiscursive, links. In other words, interdiscursivity of advertising discourse may be seen on the surface of the text through intertextual signals (Gordievskyj 2006: 231). These signals, or markers, inform a reader of a fact that there is an overlapping of discourses that he may interpret with accordance of his cognitive basis. Considering that advertising discourse is looked upon as a semiotic structure made up of signs and codes, reproduced many times before, almost every fragment of its verbal and non-verbal registers may be viewed as a hint.

3.4. Linguistic Manifestation of Hints in Commercials

Though some linguists believe that hints may be rendered only verbally, we propose that hints may have both, verbal and non-verbal, manifestation. Achievements of modern media provides advertising discourse with versatile paralinguistic means of creating the context of hint. A very good example of such hint may be illustrated in the analysis of television commercials. Colors, gestures, movements of the heroes, settings and decorations do their parts. For instance, the image of the girl in US Bank advert (Mila Brenner U.S. Bank Commercial) renders the idea that everything is possible in life if you are persistent enough to indulge your dream. The way the heroine maintains balance during

her ballet dance, how firmly she shakes hands with the HR manager at the job interview, her constant look in the eye of her interlocutor speak for confidence and determination when pursuing her ambition. Also, seamless transition of setting from warm home and school atmosphere to the bank implies that you will feel comfortable at US Bank. The predominance of blue and grey colors in the final episode in the bank symbolizes the company's responsibilities and commitment to society. The interaction of all these non-verbal code systems generates the following macrohint: US Bank greets ambitious employees granting them with all the benefits of corporate family that anyone as a member of corporate team can indulge.

On the level of verbal code systems hints are found almost at every layer of natural language. Presumably, one can see a multitude of senses, and, as a result, different contexts of hint in lexical signs. Here, we'd like to point out semantically overloaded words *Tiffany & Co.: True **love** grows; United Technologies: You can see **everything** from here* (Slogans List of the Fortune 500). Frequently exploited in advertising, such words promote universal values that are often interpreted individually. Meanwhile, personal connotations and values of a copywriter, that are attached to these abstract notions, this way or other work to produce the speech influence they are designed for. Semantic structure of fuzzy nouns offers the void that may be filled in with information presented in the utterance (Schmid 2000). So, due to semantic depletion fuzzy words may be of help to hint at any context.

As semantic component always comprises information that refers to the culture of this or that community (Wierzbicka 2015: 2), the hint may be observable in the ethnocultural, imposed by national culture, component of the meaning of a word. Of special interest are the so-called key words of a culture, the lexemes which actualize core values of a linguaculture *CSX Group: How tomorrow moves* (Slogans List of the Fortune 500). The word "tomorrow" in the slogan of a large North American rail transportation company fulfils the anchoring function: it catches the eye of potential clients who prefer to interpret the advertising message with reference to the word abundant with positive ethnocultural senses. Being strongly convinced that future is always better than the past Americans expect that every new day brings something good and worth living for.

It is becoming widespread to use precedent phenomena to create the context of hint. Texts of mass media tend to activate references to the simplest and available for everyone sources of precedence, the most common of which are movies. Broadcasted during the Super Bowl Games 2020 Jeep commercial (2020 Super Bowl Extended Bill Murray Jeep Commercial) employs the story of the American comedy film *Groundhog Day* about a man trapped into the time loop.

Admittedly, the film successfully fits the narration of the advert. Once again the audience sees their favourite actor Bill Murray, whose hero tries to escape a succession of time loops. The commercial is intended to produce the planned effect of scaring Americans who constantly seek for some change and progress in their personal life. Needless to say, that the image of Jeep car, the only new sign in the setting of the story transferred into the advert, promises to break the boredom and fear of day-to-dayness. The heartwarming ad alludes to appreciate every day and every moment of your life *Have the day of your life over and over again, no matter how bad it is*. The advantage of hint encoded in the precedent phenomenon is beyond dispute due to the favorable effect made by a famous fact, person, event, song, etc.

Not less popular in advertising is the expression of hints through metaphors. The benefit of metaphors in creating the context of hint in advertising should not be underestimated, as it does not explicitly address the purpose of the advertising message (Lee et al 2019). The interplay of many meanings implies that a reader will pick the one that suits him best, subconsciously taking the author's viewpoint. In Chevrolet's commercial Maddie (2014 Chevy Commercial — Maddie) one can find a hint about excellent quality and performance of a legendary American automobile. Interpretation of the main sense line, i.e. the story about a pet named Maddie who guards her owner, leads to metaphorical comparison of the heroine's Chevy with the dog *A best friend for life's journey*. The hint is as follows: Chevrolet car serves with loyalty for a long time just as much as your pet.

In the verbal fabric of the advertising discourse we may reveal not only lexical, but also grammatical signs of hint. For instance, the hint on morphological level is traced in the degrees of comparison of adjectives, as in the following slogan the superlative degree shows the company's leadership and competitive spirit *Paccar Inc.: The World's Best* (Slogans List of the Fortune 500). Besides, by using the comparative degree of adjectives a copywriter very often wants to discredit other firms. Doubtless, Puma's slogan *Forever faster* (Puma Slogan) invites the assumption that other sportswear manufacturers are not so good at making their outfits.

Moreover, the peculiarities of syntactic structure of a text are also used to produce a hint. Elliptical sentences, for example, always give a wide range of possible interpretations of the advertising message *Yum! Brands Inc.: Alone we're delicious...together we're Yum!* (Slogans List of the Fortune 500). An interpreter is allowed to fill the missing words in his own discretion outlining his personal picture, the ideal one in his imaginary world.

What is more, the stylistic features of a text play a significant role in creating a hint. Stylistically marked words may generate special atmosphere of an advert. For instance, pseudo-scientific terms and legal language make a consumer believe that what is said is uncompromising and verified *Vichy Normaderm: New generation Normaderm from Vichy now with **intraport technology** and **zincadone plus**...The **hyperallergenic formula** is tested on sensitive skin* (Vichy Normaderm); *Celgene Corporation: Committed (commit oneself to something: to promise or pledge to do something* (The Free Dictionary)) *to improving the lives of patients worldwide* (Slogans List of the Fortune 500). As Professor O. I. Tajupova correctly noted: “the usage of pseudoscientific and legal terms in most cases stems from the desire to attach more credibility to the advertising text” (Tajupova 2009: 107).

Thus, if used correctly and to the point, a hint may influence the way an advertising message is read by a consumer, change his thoughts, beliefs and behavior. It is a powerful linguistic tool that sets bridges between advertising and manifold discursive practices. No wonder, the field of advertising has become one of the most talked-about subject of analysis. Hints used in advertising are targeted to produce certain pragmatic effects that are needed in this sphere. Pragmatic tasks of hints in the English advertising message are as follows:

1. To create positive image of the advertising object without naming its beneficial aspects for a reader, who has to conclude by himself whether the product is worth buying or not. In fact, a copywriter has already imposed the given ideas upon his audience. Irish-American services company Accenture plc, for example, states *High Performance. Delivered* (Slogans List of the Fortune 500), implying that you (consumers) should not doubt whether our consulting and information technology services are good or not. The Passive Voice in the second part of the slogan hints that the company’s service has been already acclaimed by the target audience, and there is no need to prove it anymore. The passive construction plays right into the hands of the copywriter, as it allows not to take responsibility for what he says. He merely delivers information as the hackneyed truth uncompromisingly accepted by people.

2. To evoke brand loyalty. For this purpose a copywriter exploits linguacultural signs and codes, which as the linguistic and cultural heritage of a nation, form the mindset of a consumer as a representative of a given linguoculture. In case of American advertising one cannot help but mention Old Glory, the US state flag that flashes almost in every third national advertisement. Admittedly, there are many other linguacultural signs that contribute to making consumers emphasize with a national brand. Since advertising always try to meet the requirements of mass culture and reflect tastes of a certain epoch, copywriters resort

to the help of newly-appearing national codes, which alongside with age-old, fundamental signs of a linguoculture, trigger patriotic feelings. Among such emerging cultural elements that gain popularity in American society is a song-like code. Not only retro, but also modern soundtracks add nostalgic mood to a commercial and appeal to the patriotism of the national audience.

3. To discredit the other companies. Interestingly, despite the fact that English advertising discourse is characterized with direct, sometimes aggressive attitude towards competitors. Analysis of the adverts of the last decades has shown the tendency of allusive pointing out of the drawbacks of a competitor's product. To demonstrate the proposed idea we may regard the advertising discourse of Jeep that is believed to be a strongly competitive American brand. The commercial (Grand Wagoneer "Eyes Wide Open" | Derek & Hannah Jeter) is set about the concept of American Dream as the key idea Americans live by. At first glance it may seem that the copywriter is trying to evoke patriotism of his addressee by enumerating all the benefits a consumer will have if he purchases the automobile *Even wonder why they call it the American Dream and not the American goal? Or the American plan? Maybe it's because in dreams you can do anything. You can be reborn in the Motor City and rise up in the city that never sleeps. You can turn time inside out, again and again. In dreams you can hold your entire world in the palm of your hand. And you can do it all with your eyes wide open.* However, very soon we learn that emphasis is made on showing its excellence on American auto market and winning a consumer over: *live a grand dream with new Grand Wagoneer.* Even the lexeme "grand" conveys the spirit of superiority of Jeep brand among all the other car manufacturing companies of the US *grand — large and impressive in size or extent, having higher rank than others of the same category, having more importance than others; principal; of a haughty or pretentious nature* (The Free Dictionary).

3.5. Types of Information Encoded in Hints

As we can conclude, a hint in advertising is created by means of signs and codes that belong to different code systems. Interaction of verbal and nonverbal systems of codes means interplay of ideological, emotional, conceptual and cultural senses within the context of hint. Accordingly, we differentiate four types of information encoded in hints:

1. Ideological information is found almost in every sign of advertising discourse, since advertising as a whole is aimed to modify the system of values of mass audience, to embed a certain world outlook, advantageous to an advertiser for the purpose of further influence and manipulation. Images, values, and behavioral patterns replicated in advertising so deeply penetrate and transform our mentality that we become unaware of how mass media impose a certain

lifestyle upon us. Advertisements of Marlboro cigarettes immediately come to mind as a sheer example of advertising rich with ideological overtones. A rude American cowboy riding the prairie translates the idea of freedom and independence far across the borders of the United States altering the way people think and express themselves worldwide.

2. Conceptual information relates to the main topics raised in a given advertising text. These are concepts around which the advertising story is built. It refers to the mental representations and mental models that people use to interpret and understand the surrounding reality. This includes the knowledge people have about the world and the way they think about this knowledge. Conceptual information is closely connected with ideological information in the sense that conceptual information stored in people's mind is constantly updated with the knowledge appeared as a result of ideological influence. For example, the subject of gay culture much debated in western circles promotes the way a person thinks and identifies his gender position. This free, and probably bold mode of thinking, typical of western, particularly American, mentality has been largely predetermined by aggressive advertising.

3. For a hint to be easily identified and successfully deciphered it is crucial that its content and (or) form carry the emotional component. It should be noted that all mental activities of a person calls for obligatory involvement of emotions, because they are an essential and integral part of a human being. We can not just suppress them and act to the dictate of reason. That is why, advertising uses emotionally colored words and means of linguistic expression, as they help to communicate the storm of feelings that does not give us a rest and lose the balance (Shatskikh 2021: 100). Emotions lie at the very basis of interactions between humans, and, as has been testified by many works of linguistics, sociology, and psychology, their value has been noticeably growing. Emotional language is part and parcel of media communication, which strongly depends on such signs that penetrate into the deep layers of human psyche. Obviously, a huge part of emotions are rendered verbally, or to be more precise, semantically. A well-chosen word may easily express and evoke the expected emotion. At the same time, not only lexis, but also grammar is ethnoculturally marked. Moreover, quite often in our search for answers to questions, related to peculiarities of national worldview, we turn to the analysis of this or that grammar material, since grammar in contrast to lexis is less exposed to the outside influence (Mindiakhmetova 2023a: 64). As for the non-verbal signs of expressing emotional information in the advertising message they vary greatly thanks to the opportunities of modern media discourse. One may be fascinated by the color, the other takes pleasure from the sound. For example, many commercials feature

famous soundtracks that engage buyers on an emotional level, appealing to their hopes and aspirations.

4. For advertising to achieve an effective manipulative effect it should always have an appropriate cultural context that goes hand in hand with ideas and concepts proposed in a particular piece of advertising discourse. Advertising and culture are inseparable in the sense that the latter serves as the framework and the basis for human interaction. Multiple languages of the advertising discourse share some cultural content, modifying and changing consumers' behaviour. For this cultural plane of content to be rendered effectively and to the point an advertiser needs adequate plane of expression. Signs and codes of a given linguaculture, the so-called linguacultural signs, arguably, may be of good service in the process of conveying advertising message to a target audience of a certain ethnoculture. Attractive and easy to understand, linguacultural signs simultaneously catch the eye of a culturally linguistic personality.

All three types of advertising information are closely related to each other, since disclosure of any of them gives rise to the realization of senses of other three types. Their interplay within the advertising discourse underlie the process of speech impact on a target audience. Signs may combine in various code clusters, thus taking part in creating different contexts of hints. This explains the polysemy of the hint in advertising, since the signs employed in the creation of this or that hint may incessantly intersect with other signs of the given advertising text and its co-text.

3.6. Interdiscursive Development of Advertising Message through Linguacultural Signs

As has been previously said, every sign in the discourse space of advertising represents something that is not equal to this sign. This allows to make an assumption that communication is the simultaneous process of encoding and decoding. It means constant switching from meanings towards connotations, from meanings expressed via visuals and words to the implicit content of deep sense space (Mindiakhmetova 2022: 52). Presumably, every sign in the discourse of advertising has its place in this complex process of mental operations. Otherwise, an advertiser would not have inserted it in the text. One may think that the above-mentioned linguacultural signs take on the leading part in sense interpretation. These attractors build a frame of reference which routes the process of comprehension of an advertising text.

In modern Linguistics linguacultural signs usually go under the term "precedent phenomena". We define precedence as a cognitive notion that reveals the potential of nominative units to produce and be produced on the level of language system and on the level of discourse, causing the cognitive

mechanism named “reference” (Zueva 2016: 33), and hence, playing active role in the creation of interdiscourse as an integral system of human knowledge, scattered within manifold discursive formations (Chernyavskaya 2009: 211). This interdiscourse, or the “software of mind”, becomes a cognitive factor that influences the generation and perception of many other texts in human mind. An experienced copywriter is quite aware that interdiscursive nature of linguacultural signs enables him to use them to indirectly render his ideas, beliefs, presupposition to an audience.

Reproduced many times before, linguacultural signs make an advertising text more attractive and full of positive connotations, imposed by the culture of “us”. So, it is no surprise that medicines and cosmetic products that are advertised today receive a warm welcome if there is a celebrity who ensures the quality of a product in a commercial. Despite hot disputes upon the ethical aspects of testing medicines on animals and overall disbelief in the product safety, the image of a famous person brings positive meaning to such advertisements. Thus, linguacultural signs create intertextual links which give references to other texts from other discourses. This switching in a reader’s mind occurs subconsciously. He does not know that the ad creator hypnotises the audience actualising emotions and feelings brought about by the concepts and symbols of a particular culture. It means that interdiscursivity of advertising discourse is realized through the so-called suggestive effect of linguacultural signs, their ability to fascinate a recipient of the advertising text, play on his feelings, affect his emotional sphere, and finally persuade to purchase goods. For instance, the advertisement of BMW featuring Arnold Schwarzenegger and Salma Hayek (BMW | Zeus & Hera — 2022 Super Bowl Commercial) may be viewed as a good example of intersection of several discourses: the discourse of celebrity, the discourse of life in ancient times, the discourse of mythology, the discourse of pop-culture, and its subtype — song discourse. Much of the commercial’s success is due to the stunning acting of Arnold Schwarzenegger, American icon, who draws public attention not only in the United States. Though he represents different ideas to people of different backgrounds all over the world, the effect of his appearance in media text is almost always the same everywhere. The king of chaos staggers viewers from the very first short with his thick, and rather strange accent, steel legs, muscular torso, and broad shoulders. The man that has an inseparable bond with American way of life, reflected in the concept of American dream, seems to be an ideal hero for commercials of a foreign company. Due to the imaginative process of identification, evoked as a response to the character of the commercial, strongly patriotic Americans find the product of the foreign car manufacturer worth buying as the advertising proclaims the basic American

ideology — the self-made man concept. The commercial refers to the ancient myth about Zeus and Hera as if they happen to live nowadays. Apparently, Schwarzenegger's rebellious spirit gets positive feedback from American audience. Every American to some extent can see himself in this outlaw who is always ready to challenge society. On the contrary, the commercial may fail at the markets of non-individualistic cultures that disapprove any kind of self-expression. Aside from shadow archetype we may discern the archetype of light in the image of Zeus. Outrageous and fearless Zeus turned out to be a docile husband of Hera, the goddess of marriage, the seventh wife of sky and thunder god. Her image as a sole embodiment of female happiness hints on the support of family values, that are always important, especially in the age of propaganda of gay and lesbian culture in the USA that is severely criticized by many people not only abroad, but in the States as well. The commercial ends with the fierce god finding peace and joy in all-electric car BMW. The commercial is accompanied by Eddy Grant's song "Electric Avenue" written at the times of Brixton riot in 1981 as a protest against racism, poverty and unemployment in Great Britain. The song that became very popular in America that was experiencing the same social tension as the United Kingdom made the audience reminiscent of the hardships that American people had suffered.

The suggested way of interpreting this commercial is not restricted to the given sense lines that we, representatives of other ethnic community, may forecast. There may be some nuances in the comprehension of this or that linguacultural sign by native speakers, that we do not know about. Moreover, the interpretation of one and the same cultural artefact varies within a given ethnocultural community, since each of us belongs to versatile discursive systems, as any type of communication proceeds across the boundaries between discourse groups (Scollon 2001). From this perspective interdiscursivity in advertising discourse is achieved through the ability of cultural codes and signs to take part in the process of reintegration of human knowledge, spread out in his manifold discursive practices. Much in this process of text production depends on the signs and codes included in the cognitive base of a certain linguaculture. Shared by all members of a cultural group these signs facilitate cognitive switching from one model of text production to some other textual model, as the example regarded above has vividly showed us.

4. Conclusion

Overall, in this study it has been proposed that media communications tend to use indirect ways of speech influence. As means of expressing indirect senses hints have become widespread in media communication. They have proved to be

a powerful instrument of manipulative impact that guides sense decoding of a media text. Relying on the results of the analysis undertaken in our research we propose to regard the hint as a linguistic category characterized by common features of various classes and groups of language units that constitute these classes and gain versatile linguistic expression (Akhmanova 1966: 185). Hence, the hint is considered to be a group of language signs that share the following three common features of this group. First, a hint has a vague plane of expression that makes its meaning rather ambiguous and elusive. Second, though hard to comprehend it offers a clue which helps to disclose the plane of its content. And, last, still not the least, the hint should not distort the given idea of a text. Thus, the hint is defined as a category of linguistic signs, verbal and non-verbal, that have the reduced form of the plane of expression of the speaker's message, adequate and successful interpretation of which depends on the listener's ability to guess the senses of this or that context of hint taking into consideration cultural information obtained from numerous spheres of human life.

Interdiscursivity that is understood as the ability of a discourse to interact with different semiotic systems of verbal (language) and non-verbal nature within the scope of semiosphere is realized in the advertising discourse with the help of linguacultural signs of a certain linguaculture. These interdiscursive signals allow to employ different sense elements to the creative process of reading of the advertising text by an addressee. Still, this process is always restricted with the boundaries of the sense lines and sense clusters set by the ad creator. This explains the manipulative power of hints in advertising, their potential to build bridges between many worlds a person lives in.

This article has been an attempt to challenge the main theoretical and empirical questions surrounding the meaning and usage of hints, drawing on the latest findings about this popular way of expression the illocutionary force of an utterance. The message coming out of our work is clear: we badly need further explorations of implicit communicative influence realized through hints. Thanks to an interdisciplinary perspective adopted in our investigation, the work may appeal to language scholars from diverse scientific domains, and anyone who tries to explore this complex phenomenon.

The findings of our investigation may be beneficial for authors of media texts who seek for better ways of influence upon the mass audience. All in all, the research enlarges academic knowledge about communicative theory. The results of the analysis may be used as an illustrative material in courses of discourse studies, media texts analysis, intercultural communication, and translation practice.

References

- Baranov, Anatolij N. (2006) *Namyok kak sposob kosvennoj peredachi smysla* (Hint as an Instrument of Indirect Communication). In *Komp'yuternaja lingvistika i intelektual'nyje tekhnologii: Sbornik statey mezhdunarodnoy konferentsii* (Computational Linguistics and Intellectual Technologies: The Digest of Articles of the International Conference). Moscow: Izd-vo RGGU, 46–50. (In Russian).
- Baranov, Anatolij N. (2007) *Lingvisticheskaja ekspertiza* (Linguistic Examination of a Text). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian).
- Bajartueva, Elena Zh. (2018) *Foneticheskiye sredstva jazykovoj vyrazitel'nosti v tekste kommercheskoj reklamy kitajskikh sredstv massovoj informatsii* (Phonetic Means of Language Expressiveness in Commercial Advertising Texts of Chinese Mass Media). *LUNN Bulletin*, 43, 17–29. (In Russian).
- Chanysheva, Zul'fira Z., & Khasanova, Rimma M. (2016) *Rol' namyoka v reklame kak provodnika kosvennogo rechevogo vozdejstviya* (The Role of Hint in an Advertisement as Means of Indirect Speech Impact). *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 21 (2), 386–392. (In Russian).
- Chernyavskaja, Valerija E. (2001) *Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanij* (Discourse as an Object of Linguistic Research). *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: Sbornik nauchnykh statey* (Text and Discourse. Problems of Economic Discourse: The Digest of Scientific Articles). Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta ekonomiki i finansov, 11–22. (In Russian).
- Chernyavskaja, Valerija E. (2009) *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* (Linguistics of a Text: Policodity, Intertextuality, Interdiscursivity). Moscow: Librokom. (In Russian).
- Duranti, Alessandro A., & Goodwin, Charles. (1992) *Rethinking Context. Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gordijevskij, Aleksandr A. (2006) *Intertekstual'nost' i interdiskursivnost': k voprosu o razgranichenii ponyatij* (Intertextuality and Interdiscursivity: to the Issue of Differentiating the Notions). *Tyumen' State University Herald*, 4, 228–233. (In Russian).
- Jørgensen, Marianne V., & Phillips, Louise J. (2002) *Discourse Analysis as Theory and Method*. London: Thousand Oaks.
- Kobozeva, Irina M., & Laufer, Natalija I. (1988) *Ob odnom sposobe kosvennogo informirovaniya* (About one Way of Indirect Informing). *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya Literatury i Yazyka (U.S.S.R.)*, 47 (5), 462–470. (In Russian).
- Kuz'menkova, Julija B. (2008) *Ot traditsiy kul'tury k normam rechevogo povedeniya britantzev, amerikantzev i rossijan* (From Traditions of Culture to the Norms of Speech Behavior of Britons, Americans, and Russians). Moscow: MACS Press. (In Russian).
- Lee, Sung J., Jung, Sunho, Jung, Han Y., & Choi, Sung T. (2019) *Imagination Matters: do Consumers' Imagery Processing and Self-regulatory Goals Affect the Persuasiveness of Metaphor in Advertising?* *International Journal of Advertising*, 38 (3), 1–29. DOI:10.1080/02650487.2019.1596445.
- McQuail, Denis. (2004) *Mass Communication Theory*. London: Thousand Oaks.
- Mindiakhmetova, Rimma M. (2018) *Lingvokul'turnaya spetsifika reklamnogo profilya kompanii: na materiale amerikanskoj avtoreklamy* (Linguacultural Specificity of Advertising: on the material of American self-advertising). (In Russian).

- ing Profile of the Company: Based on American Advertising of Car Manufacturers: PhD Thesis in Philology). Ufa. (In Russian).
- Mindiakhmentova, Rimma M. (2022) Discursive Manifestation of Corporate Ideology through Cultural Codes of Television Commercials. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 49–63. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-49-63.
- Mindiakhmetova, Rimma M. (2023a) Anglojazychnaja komunikatsija v fokuse etnogrammatiki (English-Language Communication through the Prism of Ethnogrammar). *LUNN Bulletin*, 1 (61), 62–78. (In Russian). DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-62-78.
- Mindiakhmetova, Rimma M. (2023b) Encoding Advertising Discourse from Linguistic Positions. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1 (869), 91–99. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_1_869_91.
- Nikitin, Mikhail V. (2007) *Kurs lingvisticheskoy semantiki* (The Course of Linguistic Semantics). Saint-Petersburg: Herzen University. (In Russian).
- Peeters, Bert. (2019) On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NSU. Linguistics and Intercultural Communication*, 17 (4), 6–11. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11.
- Schmid, Hans-Jorg. (2000) *English Abstract Nouns as Conceptual Shells: from Corpus to Cognition*. Berlin; New York: Moutan de Gruyter.
- Scollon, Ronald. (2001) *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. Cambridge: Blackwell Publishers.
- Sharifian, Farzad. (2017) *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualizations and Language*. Philadelphia: John Benjamins. DOI 10.1075/clsc.8.
- Shatskikh, Marina V. (2021) Metafora kak bazovyy komponent emotzional'nogo prostranstva tekstovogo materiala (Metaphor as a Basic Component of the Emotional Space of Texts). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 96–111. (In Russian).
- Tajupova, Olga I. (2009) *Vvedeniye v kommunikativno-pragmaticheskuyu variativnost'* (Introduction to Communicative Pragmatic Variation). Ufa: RIC BashSU. (In Russian).
- Wierzbicka, Anna. (2015) A Whole Drop of Culture Condensed Into a Drop of Semantics. The meaning of the German Word *Herr* as a Term of Address. *International Journal of Language and Culture*, 2 (1), 1–37. DOI:10.1075/ijolc.2.1.01wie.
- Zueva, Evgenija V. (2016) Fenomen pretzedentnosti v jazyke (The Phenomenon of Precedence in Language). *LUNN Bulletin*, 35, 32–40. (In Russian).

Dictionaries

- Akhmanova, Olga S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Sovetskaja entsiklopedija. (In Russian).
- The Free Dictionary. Retrieved from: <https://idioms.thefreedictionary.com/>.

Language material recourses

- 2014 Chevy Commercial — Maddie. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=3t6bLugtJkQ>.
- 2020 Super Bowl Extended Bill Murray Jeep Commercial. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=P3qH4TKLP0c>.

- BMW | Zeus & Hera — 2022 Super Bowl Commercial. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=xDwN4CPRS3Q>.
- Grand Wagoneer “Eyes Wide Open” | Derek & Hannah Jeter. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=JGO7OGjVuY4>.
- Mila Brener U.S. Bank Commercial. Retrieved from: https://www.youtube.com/watch?v=R2_kJX7XWAM.
- Puma Slogan. Retrieved from: <https://www.sloganlist.com/apparel-slogans/puma-slogans.html>
- Slogans List of the Fortune 500. Retrieved from: <https://www.sloganlist.com/fortune500-slogans-list/>.
- Vichy Normaderm [Commercial ad from 2008]. Retrieved from: <https://youtu.be/wXQOnH63OnM>.

УДК 811.111: 81'2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-73-85

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ж. В. Никонова¹, Т. Г. Попова²

¹Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

²Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Статья посвящена обоснованию лингвистической безопасности как особого объекта языкознания. Авторы статьи подчеркивают, что лингвистическая безопасность, рассматриваемая в современном научном дискурсе как неотъемлемая составляющая национальной безопасности страны, включает различные мультидисциплинарные и чисто лингвистические проблемы, значащие для государства, его субъектов, населяющих его народов и граждан нечто несоизмеримо большее, чем просто описание функционирования языка в различных языковых ситуациях и на разных территориях. Современное информационное поле насыщено разнообразными каналами связи и большим потоком информации, что, с одной стороны, дает большие возможности для коммуникативной деятельности, а с другой стороны, представляет опасность лингвистической экспансии и других угроз, связанных с проблемами устойчивого развития общегосударственного языка в его взаимодействии с другими языками и воздействием через язык на массовое и индивидуальное сознание носителей языка. В статье выявляются и анализируются основные направления исследований вопросов обеспечения лингвистической безопасности. Авторы работы концентрируют свое внимание на лингвистической природе культурных и социальных процессов и структур и необходимости лингвистическими методами исследовать животрепещущие проблемы государства, межнациональных отношений, проблемы глобализации и отношений между цивилизациями, проблемы полярности мира и другие важнейшие вопросы, структурирующие понятийное поле лингвистической безопасности. В статье освещается многомерность структуры лингвистической безопасности и противоборства и описываются такие аспекты, как индивидуально-психологический аспект лингвистической безопасности, под которым понимается личностная составляющая; политический аспект и социальный аспект лингвистической безопасности. Указывается на важнейшую роль лингвистической безопасности в вопросах сохранения целостности государственного устройства. В ходе проведенного анализа авторы статьи приходят к заключению о том, что лингвистическая безопасность выступает особым объектом современного языкознания. Вопросы лингвистической безопасности требуют комплексного подхода к анализу лингвистическими методами актуальных проблем сохранения геополитического кода государства как исторически сложившейся системы его политических отношений с внешним миром, обеспечивающей его статус на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Ключевые слова: язык; информационное пространство; лингвистическая безопасность; коммуникация; национальная самоидентификация.

Цитирование: Никонова Ж. В., Попова Т. Г. Лингвистическая безопасность как особый объект языкознания // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 73–85. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-73-85.

Language Security as a Special Object of Linguistics

Zhanna V. Nikonova¹, Tat'yana G. Popova²

¹Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

²“Prince Alexander Nevsky Military University”
of Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article is devoted to the description of linguistic security as a special object of linguistics. The authors emphasize that the modern information field is characterized by a variety of communication channels and a large flow of information, which, on the one hand, provides great opportunities for communicative activities, and, on the other hand, contains dangers associated with linguistic expansion. The article identifies and analyzes the main areas of research on key issues of linguistic security, focusing on the linguistic nature of cultural and social processes and structures. The research methods employed include contextual analysis, the linguistic statistical method, the method of linguistic modeling, discursive and structural-semantic methods, the conceptual method as well as correlation and cultural analyses. The subject of the article is related to the theory of linguistic personality, which is a direct development of the egocentric concept of language, which, in its turn, is related to the theory of influence. The authors conclude that language is a kind of channel for transmitting behavioral patterns, images, symbols, preferences, and meanings from their ancestors to subsequent generations. Concepts embedded in brain connections shape the experience of the future. The article highlights the multidimensional structure of linguistic security and confrontation and describes such aspects as the individual psychological aspect of linguistic security, understood as its personal component, the political aspect of linguistic security, and the social aspect of linguistic security. The authors focus on the important role of linguistic security in preserving the integrity of the government structure. In the course of the analysis of the features of linguistic security as a special object of linguistics, the authors come to the conclusion that issues of linguistic security and confrontation require an integrated approach to the analysis of patterns of functioning of the human linguistic mechanism.

Key words: language; information space; linguistic security; communication; national identity.

Citation: Nikonova, Zhanna V., Popova, Tat'yana G. (2024) Language Security as a Special Object of Linguistics. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 73–85. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-73-85.

1. Введение

В век цивилизационной трансформации современного мира лингвистические аспекты безопасности, являясь важной составляющей обеспечения национальной безопасности страны, выступают на первый план. Представители многих наук обращаются к проблемам лингвистической безопасности, раскрывая многогранный потенциал данного феномена и указывая на дальнейшие перспективы его исследования (Грицко 2011; Трофимова 2012 и мн. др.). В рамках общего проблемного поля лингвистической безопасности за последние годы выделились несколько ключевых направлений лингвистических исследований, раскрывающих содержание феномена лингвистической безопасности (см. подробнее [Языковая политика и лингвистическая безопасность 2018, 2019] и др.).

В качестве базовой категории лингвистической безопасности предложена ментальность как индивидуальное или массовое сознание, выраженное лингвокультурно-окрашенными единицами знания (Халеева 2006).

В научном дискурсе широко обсуждаются вопросы необходимости обеспечения устойчивого развития и чистоты русского языка как основы национальной безопасности, поскольку язык представляет собой механизм национальной самоидентификации (Миронова 2003; Бернацкая 2016; Ореховская 2019 и мн. др.). Исследователи утверждают, что наблюдаемое расшатывание норм литературного языка может рассматриваться как внутренняя угроза для языка, связанная с нарушением его целостности и способности к саморазвитию и саморегулированию. В этом случае русский язык перестает быть кодом, объединяющим носителей языка, и, как следствие, перестает выполнять свою главную функцию — коммуникативную. Защиту языка призвана обеспечить деятельность государства и других политических сил, т. е. языковая политика (Бирюкова 2011: 68).

Также в рамках различных современных парадигм знаний, в том числе когнитивной лингвистики, семантики и прагматики языка, лингвистической суггестологии, а также в рамках межкультурной коммуникации в последнее время активно стали появляться изыскания, направленные на выявление и анализ паралингвистических языковых средств, манипулятивного функционирования языка, тактики и стратегии речевого воздействия, в рамках которых представлены технологии подмены информации, манипуляции и лжи. Обман, вербальная и невербальная манипуляция сознанием отдельно взятого индивида, группы или общества в целом несет опасность размывания этических норм, символов и образов, ценностных императивов и нравственных ориентиров. Такие работы по своему содержанию также обращают на себя внимание исследователей проблем лингвистической

безопасности и расширяют потенциал языкознания в отношении исследований данного феномена.

2. Характеристика материала и методов исследования

Доказательная база исследования, результаты которого отражаются в настоящей статье, сформирована с использованием аксиоматического, дескриптивного методов и метода апперцепирования, а также методов научного анализа языковых фактов.

В работе используется материал современных медийных текстов, выступлений англо-американских политиков, где отражается манипулятивная функция языка. При исследовании вопросов лингвистической безопасности как особого объекта языкознания применялась социолингвистическая методика, был использован когнитивно-коммуникативный подход, а также проводился функционально-прагматический анализ. Кроме этого, в работе для анализа эмпирического материала применялись также лингвостатистический метод, контекстуальный анализ, метод лингвистического моделирования, дискурсивный и структурно-смысловой методы, концептуально-таксонимический анализ, корреляционный и культурологический анализ, а также концептуальный метод.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Проблематика теории лингвистической безопасности, основополагающие тезисы которой сформулированы в последние несколько лет, затрагивают вопросы языковой личности, языка и сознания, языковой самоидентификации, картины мира, а также языка и мышления. По мнению некоторых исследователей, самого пристального внимания в этой связи требуют и такие вопросы, как особенности неомоторной модели восприятия речи, а также современные модели восприятия и образования речи, ментальности субъекта и вопросы коллективного бессознательного. Весь этот комплекс изучения мозговой организации речевых процессов представляет для исследователя немалую сложность (Черниговская 2016: 32–53, 2018: 79–93).

Исследователи в области лингвистической безопасности и противоборства в качестве первоочередной задачи видят анализ ряда насущных аспектов лингвистического противоборства и изыскание особенностей многомерной структуры лингвистической безопасности, к каковым относятся, например, такие аспекты, как 1) индивидуально-психологический аспект лингвистической безопасности, под которым понимается личностная составляющая, 2) политический аспект лингвистической безопасности

и 3) социальный аспект лингвистической безопасности (см., например, [Баженова, Пищальникова 2017: 4 и др.]).

Все рассуждения об этих аспектах отталкиваются от общего вопроса отношения языка к идеологии, по которому до настоящего времени ведется оживленная дискуссия.

Как показывает анализ лингвистической литературы, ряд исследователей в области идеологии приходит к заключению о том, что язык по отношению к идеологии нейтрален. Так, например, еще в 1929 году М. М. Бахтин выдвинул идею о том, что «слово нейтрально к специфической, идеологической функции. Оно может нести любую идеологическую функцию» (цит. по: [Волошинов 1993: 19]). Эта точка зрения была взята в дальнейшем за основу многими последователями, которые сделали акцент на нейтральности языка (см., например, [Дешериев 1984]), хотя в работах М. М. Бахтина акцентировано внимание на слове как родовом понятии, вне его конкретного содержания.

Не соглашается с позицией нейтральности языка по отношению к идеологии Р. И. Зекрист. Она считает, что если язык по своей исконной сущности нейтрален по отношению к идеологии, то идеология вовсе не нейтральна по отношению к языку (Зекрист 2012).

Майкл Халлидэй, австралийский лингвист британского происхождения, основатель системно-функциональной лингвистики и системно-функциональной грамматики, приводит следующее свое наблюдение: «Природа языка тесно связана с требованиями, которые мы ему предъявляем, с функциями, которые он должен выполнить. Определенная форма, взятая грамматической системой языка, тесно связана с социальными и личными нуждами, которым этот язык должен служить» (*здесь и далее перевод наш.* — Ж. Н., Т. П.) (Halliday 1970: 141).

На современном этапе развития социальной жизни и борьбы цивилизаций и «миров», в контексте злободневных вопросов лингвистической безопасности, данные постулаты получают особое осмысление.

Современный контекст коммуникативной деятельности носителей языка диктует необходимость анализа дискурса как всего социума в целом, так и отдельно взятого субъекта — индивида, который в процессе негативного лингвистического воздействия оказывается в пространстве враждебной ему языковой среды, где сталкивается с размыванием ценностей, образов и попытками корректировать его картину мира.

Современное информационное поле насыщено разнообразными каналами связи и большим потоком информации, что, с одной стороны, дает большие возможности для коммуникативной деятельности, а с другой

стороны, представляет опасность лингвистической экспансии. Подобная экспансия наносит ощутимый вред национальному языку, деформируя языковые стратегии и речевые модели и тем самым переформатируя поведение индивида и оказывая пагубное влияние на социум в целом. При этом происходит переструктурирование индивидуального и общественного сознания, поскольку социолингвистическая трансформация вырабатывается общественно продиктованным применением языковых ресурсов в коммуникативном процессе.

Ценности, образы и символы языковой картины мира носителей языка являются основной мишенью переформатирования языка и размывания ценностных установок индивида. При этом все средства языка — синтаксические, прагматические, семантические, фонологические, лексические и текстологические — служат главной идеологической задаче, оказывая влияние на специфику вербализации представлений, точек зрения, идей, символов и образов, взглядов и систем ценностей.

Сознание субъекта подвергается при этом жестким когнитивным искажениям, и, как результат, происходит желаемая корректировка в поведении индивида вследствие изменения его картины мира.

Современной наукой доказано, что слова обладают огромной силой влияния на других людей, меняя их образ мыслей. Они способны конструировать информационную картину мира, формировать образ событий, а также оказывать воздействие на субъективное восприятие и выработать то или иное общественное мнение. Слова, будучи стержневой основой нашей коммуникации, выполняют структурирующую функцию. Заложенные в негативное сообщение скрытые смыслы проявляются в виде пресуппозиций и имплицатур.

Вслед за Г. Фреге под пресуппозицией понимается имплицитный ресурс знаний, «молчащие предположения» (допущения) (Frege 2017: 37–38). Пресуппозиции семантико-когнитивно знаменуют ситуацию, актуализируемую информационным сообщением. При декодировании отправленного ему послания реципиент совершает когнитивную операцию, заключающуюся в некоем домысливании сообщения с целью воссоздания информации. Иными словами, происходит процесс извлечения получателем информационного сообщения имплицитных смыслов в ходе интерпретации декодируемого им сообщения.

Адресант, который ставит своей целью изменение картины мира адресата, для восприятия близких для него понятий в «родной» его социальной реальности формирует новое понятие. В случае если отправителю сообщения удалось проникнуть через защитные механизмы реципиента,

принимаящая сторона соглашается с этими новыми для нее понятиями и, как результат, создается совершенно новая для адресата реальная действительность. По такому же принципу происходит изменение коллективной картины мира социальной группы или этнического сообщества, когда группа людей соглашается с характерными наполнениями какого-либо понятия, например «счастья».

В этой связи вспомним научную работу «Революция в понимании мозга и управлении эмоциями», написанную Лизой Фельдман Барретт, профессором психологии Северо-Восточного университета в Бостоне и лауреатом награды *National Institutes of Health Director's Pioneer Award* за исследования эмоций, членом Королевского общества Канады, в которой говорится о том, что «понятия эмоций вроде “страха”, “гнева” и “счастья” переходят от одного поколения к другому. Это происходит не просто потому, что мы передаем свои гены, а потому, что эти гены позволяют каждому поколению устанавливать связи с мозгами последующего поколения. Детская психика заполняется понятиями по мере того, как они усваивают нравы и ценности своей культуры. Этот процесс известен под разными названиями. Развитие мыслительных способностей. Развитие языковых навыков. Социализация» (Barrett 2017: 149–150).

Эмоции, при всей их, на первый взгляд, универсальности, имеют свои характерные особенности, связанные с национально-культурной составляющей. Для обеспечения лингвистической безопасности, избежания конфликтных ситуаций общения необходимо учитывать особенности каждой лингвокультуры. Не случайно поэтому Анна Вежбицкая указывает на то, что английский язык является «понятийной тюрьмой для науки об эмоциях: английские термины для эмоций являются народной таксономией, а не объективным не зависящим от культуры аналитическим каркасом, поэтому, очевидно, мы не можем считать, что английские слова вроде “отвращения”, “страха” или “стыда” являются ключом к универсальным человеческим понятиям или базовым психологическим реальностям. Чтобы сделать проблему еще более выделенной, заметим, что эти слова для эмоций принадлежат английскому языку середины XX века, и есть подтверждения, что некоторые вполне современны. Само понятие “эмоция” — изобретение XVII столетия. До того ученые писали о страстях, чувствах и прочих понятиях, которые имели различные смыслы» (цит. по [Barrett 2017: 176]).

Таким образом, эмоции являются своеобразным культурным орудием. При воздействии на адресата те или иные заданные эмоции представляют собой способ управления ресурсами психофизиологических процессов

принимающей стороны. Правила, которые приемлемы для конструирования конкретной эмоции в той или иной конкретной ситуации, зависят от той или иной лингвокультуры.

Продemonстрируем это на конкретном примере коммуникативной деятельности Терезы Мей:

(1) *As I have said previously, I believe strongly that it would be wrong to ask people in the UK to participate in these elections three years after voting to leave the EU* (May, Theresa 2019) / «Как я уже говорила ранее, я твердо убеждена, что было бы неправильно просить людей в Великобритании участвовать в этих выборах через три года после голосования за выход из ЕС».

Использование ею определенных эмоционально окрашенных языковых единиц и выражений (в частности, *previously, I believe strongly*) иллюстрирует факт манипулирования, намеренного воздействия на эмоциональное сознание целевой группы, которое достигается ею в том числе благодаря акцентированию на своем личном персонализированном отношении к тем событиям, о которых она говорит.

Воздействующий характер эмоций на формирование и изменение картины мира определяется онтологическими свойствами интеракции эмоции и когниции, о чем говорят в своих работах В. Ю. Апресян (Апресян 1995: 453–464), В. И. Заботкина (Заботкина 2008), В. И. Шаховский (Шаховский 1987: 37–48, 2009) и другие исследователи. Так, например, подчеркивая взаимосвязь эмоций и когниции, В. И. Шаховский выделяет следующую характерную особенность интеракции эмоций и процессов познания человеком окружающего его мира: «когниция и эмоция идут рука об руку, рядом друг с другом: эмоция мотивирует когницию, когниция облегчается эмоциями; эмоции не только порождаются особыми ситуациями, но и сами порождают определенные ситуации. Они неотрывны от языка, их можно и нужно изучать с помощью языка, и именно язык является и объектом, и инструментом изучения эмоций» (Шаховский 2009: 672).

Приведем другой пример воздействия на картину мира реципиента посредством эмоционально окрашенной речи. Обратимся к рассмотрению фрагмента речи Маргарет Хильды Тэтчер:

(2) *Now, more than ever, our Conservative government must succeed. We just must — because there's even more at stake than some had realized. There are many things to be done to set this nation on the road to recovery, and I don't mean economic recovery alone, but a new independence of spirit and a zest for achievement* (Thatcher, Margaret 1980) / «Сейчас, более чем когда-либо, наше консервативное правительство должно добиться успеха. Мы просто должны — потому что на карту поставлено даже больше, чем некоторые

предполагали. Предстоит многое сделать, чтобы вывести эту страну на путь восстановления, и я имею в виду не только экономическое восстановление, но и новую независимость духа и стремление к достижениям».

Воздействующая сила ее речи сконцентрирована, как мы видим, в эмоционально насыщенных лексемах, вызывающих в сознании целевой аудитории базовые общественные и цивилизационные концепты УСПЕХ, ДОСТИЖЕНИЕ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, в построении синтаксических структур, акцентировании важнейших смыслов, направленных на аудиторию.

В свете вышеизложенного язык представляет собой своеобразный канал для передачи поведенческих паттернов, образов, символов, предпочтений и значений, воздействующих на картину мира реципиента. Как считают исследователи деятельности мозга, каждый раз, когда человек оперирует понятиями, его мозг создает множество конкурирующих предсказаний в то время, пока его бомбардируют поступающие сенсорные сигналы. Какие прогнозы станут победителями? Какой входной сенсорный сигнал важен, а какой — просто шум? В мозге человека есть система, которая помогает справляться с этими неопределенностями, известная как управляющая система. Это та же самая сеть, которая трансформирует детский фонарь внимания во взрослый прожектор (Barrett 2017). Имплицитное знание, накопленное коммуникативным опытом человека, играет огромную роль в момент его речевой и повседневной деятельности. С точки зрения известного нейрофизиолога и нобелевского лауреата Д. Эдельмана, опыт субъекта представляет собой не что иное, как «воспоминаемое им настоящее» (Edelman 2000: 43–57). Действительно, понятие как цельное состояние мозга представляет собой предвосхищающее понимание того, как нам лучше нужно действовать в данный момент и о чем нам говорят наши собственные ощущения.

В противоборстве с внешним влиянием на сознание конкурирующей стороной, применяющей все средства языка и способы коммуникативного воздействия, объектом науки о языке должна стать лингвистическая безопасность. Нельзя переоценить роль лингвистов, которые могут направить свои усилия на разработку основ диагностики текстовых и устных сообщений с целью анализа их мотивов и целей создания, а также защиты и сохранения речевых и культурных стандартов, под которыми мы понимаем этико-нормативные правила и прагматические регуляторы.

4. Заключение

Таким образом, в современном мире, где полем борьбы выступает информационное пространство, а основной мишенью перестроения

сознания индивида выступают ценностные компоненты языковой картины мира носителей языка, лингвистическая безопасность становится особым объектом языкознания. Изучение лингвистическими методами вопросов, как выбор языковых ресурсов оказывает самое непосредственное влияние на формирование картины мира и социальной реальности, с целью выработки адекватных методов противодействия должны стать насущной задачей современной науки о языке. Вопросы лингвистической безопасности требуют комплексного подхода к анализу лингвистическими методами актуальных проблем сохранения геополитического кода государства как исторически сложившей системы его политических отношений с внешним миром, обеспечивающей его статус на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Список литературы / References

- Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоции // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 453–464. [Apre-syan, Yuri D., & Apresyan, Valentina Yu. (1995) *Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsii* (Metaphor in the Semantic Representation of Emotion). In Апресян, Yuri D. *Izbrannyye trudy: v 2 t. T. 2. Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* (Selected works: in 2 vol. Vol. 2. Integral description of language and systemic lexicography). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 453–464. (In Russian)].
- Баженова И. В., Пищальникова В. А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. [Bazhenova, Irina V., & Pishchal'nikova, Vera A. (2017) *Aktual'nyye problemy lingvisticheskoy bezopasnosti: Monografiya* (Current Problems of Linguistic Security: Monograph). Moscow: UNITY-DANA. (In Russian)].
- Бернацкая А. А. Русский язык в контексте проблем национальной безопасности // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 197–220. [Bernatskaya, Ada A. (2016) *Russkiy yazyk v kontekste problem natsional'noy bezopasnosti* (Russian Language and the Context of National Security Problems). *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2, 197–220. (In Russian)].
- Бирюкова Ю. Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте // Правовая культура. 2011. № 2 (11). С. 67–72. [Biryukova, Yulia N. (2011) *Lingvisticheskaya bezopasnost' i yazykovaya politika v sovremen-nom rossiyskom kontekste* (Linguistic Security and Language Policy in the Modern Russian Context). *Pravovaya kul'tura*, 2 (11), 67–72. (In Russian)].
- Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. [Voloshinov, Valentin N. (Bakhtin, Mikhail M.) (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka: osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* (Marxism and Philosophy of Language: The Main Problems of the Sociological Method in the Science of Lan-guage). Moscow: Labirint. (In Russian)].

- Воронцова Т. А. Речевая агрессия как вторжение в когнитивное пространство // Проблемы социо- и психолингвистики. 2010. № 14. С. 91–99. [Vorontsova, Tatyana A. (2010) Rechevaya agressiya kak vtorzheniye v kognitivnoye prostranstvo (Speech Aggression as an Invasion of Cognitive Space). *Problemy sotsio- i psikholingvistiki*, 14, 91–99. (In Russian)].
- Грицко М. И. Лингвистическая безопасность — один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. Том 3. № 3 (9). Часть 1. С. 63–72. [Gritsko, Maria I. (2011) Lingvisticheskaya bezopasnost' — odin iz faktorov bezopasnosti mnogonatsional'noy Rossii (Linguistic Security is One of the Security Factors of Multinational Russia). *Ideas & Ideals*, Vol. 3, 3 (9), Part 1, 63–72. (In Russian)].
- Дешериев Ю. Д. Язык как орудие идеологии и как объект идеологической борьбы // Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М.: Наука, 1984. С. 10–25. [Desheriyeu, Yunus D. (1984) Yazyk kak orudiye ideologii i kak ob''ekt ideologicheskoy bor'by (Language as a Weapon of Ideology and as an Object of Ideological Struggle) In *Sovremennaya ideologicheskaya bor'ba i problemy yazyka* (Modern Ideological Struggle and Problems of Language). Moscow: Nauka, 10–25 (In Russian)].
- Заботкина В. И. Соотношение когниции и эмоции в антропоцентрической парадигме // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 68–72. [Zabotkina, Vera I. (2008) Sootnosheniye kognitsii i emotsii v antropotsentricheskoy paradigm (The Relationship Between Cognition and Emotion in the Anthropocentric Paradigm). *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, Vol. 37, 68–72. (In Russian)].
- Зекрист Р. И. Идеологически нагруженный язык как орудие власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). Философия. Социология. Культурология. Вып. 28 С. 66–72. [Zekrist, Irida I. (2012) Ideologicheskii nagruzhennyy yazyk kak orudiye vlasti (Ideologically Loaded Language as a Tool of Power). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 35 (289). *Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. Vol. 28, 66–72. (In Russian)].
- Миронова Т. Л. Русский язык и национальная безопасность // Молодая гвардия. 2003. № 5-6. С. 3–9. [Mironova, Tatyana L. (2003) Russkiy yazyk i natsional'naya bezopasnost' (Russian Language and National Security). *Molodaya gvardiya*, 5-6, 3–9. (In Russian)].
- Ореховская Н. А. Сохранение национального языка как фактор национальной безопасности в глобальном мире // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 37–45 [Orekhovskaya, Natalya A. (2019) Sokhraneniye natsional'nogo yazyka kak faktor natsional'noy bezopasnosti v global'nom mire (Preservation of the National Language as a Factor of National Security in the Global World). *Social and Humanitarian Knowledge*, 3, 37–45. (In Russian)].
- Столярова Е. В. СМИ как пространство проявления речевой агрессии // Путь науки. 2014. № 10 (10). С. 80–81. [Stolyarova, Elena V. (2014) SMI kak prostranstvo proyavleniya rechevoy agressii (Mass Media as a Space of Verbal Aggression Manifestations). *The Way of Science*, 10 (10), 80–81. (In Russian)].
- Трофимова Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методики их преподавания, 2012. № 1. С. 24–29. [Trofimova, Galina N. (2012) Lingvisticheskaya bezopasnost': k probleme tolkovaniya (Linguistic Safety: Interpretation Aspect). *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages. Methods of its teaching*, 1, 24–29. (In Russian)].

- Халеева И. И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104–111. [Khaleeva, Irina I. (2006) *Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii* (Linguistic security of Russia). *Herald of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 76, 2, 104–111. (In Russian)].
- Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Фак. свободных искусств и наук. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2016. [Chernigovskaya, Tatyana V. (2016) *Cheshirskaya улыбка kota Shredingera: yazyk i soznaniye* (Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Language and Consciousness). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)].
- Черниговская Т. В. и др. Взгляд кота Шрёдингера: Регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях: Монография. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т., 2018. [Chernigovskaya, Tatyana V. (2018) *Vzglyad kota Shrodingera: Registratsiya dvizheniy glaz v psikholingvisticheskikh issledovaniyakh: Monografiya* (The Gaze of Schroedinger's Cat: Eye-Tracking in Psycholinguistics: monograph). Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. un-t. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1987. [Shakhovsky, Viktor I. (1987) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* (Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of Language). Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сборник в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 671–683. [Shakhovsky, Viktor I. (2009) *Emotsii v kommunikativnoy lingvistike* (Emotions in Communicative Linguistics). In *Gorizonty sovremennoy lingvistiki: Traditsii i novatorstvo: Sbornik v chest' Ye. S. Kubryakovoy* (Horizons of Modern Linguistics: Traditions and Innovation: Collection in Honor of E. S. Kubryakova). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)].
- Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы второго международного научно-образовательного форума 25–26 сентября 2018 г. Н. Новгород: НГЛУ, 2018. [Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost': *Materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma 25–26 sentyabrya 2018 g.* (2018) (Language Policy and Linguistic Security: Materials of the Second International Scientific and Educational Forum September 25–26, 2018). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы третьего международного научно-образовательного форума 03–04 октября 2019 г. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. [Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost': *Materialy tret'yego mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma 03–04 oktyabrya 2019 g.* (2019) (Language Policy and Linguistic Security: Materials of the Third International Scientific and Educational Forum October 03–04, 2019). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Barrett, Lisa F. (2017) *How Emotions Are Made. The Secret Life of the Brain*. Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt.
- Edelman, Gerald M., & Tononi, Giulio. (2000) *A Universe of Consciousness: How Matter Becomes Imagination*. New York: Basic Books.

- Frege, Gottlob. (2017) *Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (In German).
- Halliday, Michael A. K. (1970). Language Structure and Language Function. In Lyons, John (ed.). *New Horizons in Linguistics*. Harmondsworth: Penguin, 1, 140–165.

Источники языкового материала / Language material resources

- May, Theresa. (2019) (2023, February 21) PM statement at the EU Council 21 March 2019. Retrived from <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-at-the-eu-council-21-march-2019>.
- Thatcher, Margaret. (1980) (2023, January 21) The Lady's Not for Turning. Conservative Party Conference, Brighton, 10 October 1980. Retrived from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/margarethatchernotforturning.htm>.

УДК 81'139

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-86-98

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ СРАВНЕНИЯ
И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ
В ИНТЕРИОРИЗОВАННОМ КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале британской художественной литературы XXI в.)**

Н. Д. Новикова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу специфики использования коммуникативных тактик сравнения и противопоставления в интериоризованном критическом дискурсе. Интериоризованный критический дискурс рассматривается как лингвистическая модель внутренней речи, в которой индивид критикует себя, свою внешность, личные качества, поступки и т. д. В таком типе дискурса моделируются самокритические мысли персонажа, его переживания, чувства и эмоции. Выбор тактик сравнения и противопоставления для анализа в интериоризованном критическом дискурсе обусловлен несколькими факторами. Сравнение и противопоставление активно задействуют когнитивные процессы, в частности самоанализ, процесс поиска и принятия решения. Кроме того, противопоставление по своей природе может вызывать сильные негативные эмоциональные реакции, обусловленные внутриличностным конфликтом. В соответствии с главной целью настоящего исследования было выявлено, что коммуникативные тактики сравнения и противопоставления применяются для реализации как конструктивной, так и деструктивной самокритики. Анализ данных показывает, что деструктивная самокритика доминирует в интериоризованном критическом дискурсе, особенно когда личность прибегает к сравнению себя с идеализированными стандартами. Полученный результат указывает на то, что такие коммуникативные тактики приводят к усилению негативного самовосприятия и снижению самооценки. Исследование вносит вклад в понимание роли коммуникативных тактик сравнения и противопоставления в процессах саморефлексии и саморегуляции, раскрывая потенциальные направления для дальнейших исследований в области прагматической лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: внутренняя речь; интериоризованный дискурс; интериоризованный критический дискурс; коммуникативные тактики; самокритика.

Цитирование: Новикова Н. Д. Коммуникативные тактики сравнения и противопоставления в интериоризованном критическом дискурсе (на материале британской художественной литературы XXI в.) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 86–98. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-86-98.

**Communicative Tactics of Comparison and Contrast in Interiorized Critical Discourse
(Based on 21st Century British Fiction)**

Nataliia D. Novikova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the specifics of using communicative tactics of comparison and contrast in internalized critical discourse. Internalized critical discourse is understood as a linguistic model of inner speech in which an individual criticizes themselves, their appearance, personal qualities, actions, etc. This type of discourse models self-critical thoughts, experiences, feelings, and emotions of a character. The choice of comparison and contrast tactics for analysis in terms of internalized critical discourse is determined by several factors. Comparison and contrast actively involve cognitive processes and, in particular, self-analysis and the process of searching for and making decisions. Moreover, by its nature, contrast can provoke strong negative emotional reactions caused by intrapersonal conflict. In line with the main goal of this study, it has been found that communicative tactics of comparison and contrast are used for both constructive and destructive self-criticism. Data analysis shows that destructive self-criticism dominates in internalized critical discourse, especially when the individual resorts to comparing themselves with idealized standards. The results obtained indicate that such communicative tactics lead to an intensification of negative self-perception and a decrease in self-esteem. The study contributes to understanding the role of communicative tactics of comparison and contrast in the processes of self-reflection and self-regulation, revealing potential directions for further research in the fields of pragmatic linguistics, psycholinguistics, and cognitive linguistics.

Ключевые слова: inner speech; interiorized discourse; interiorized critical discourse; communicative tactics; self-criticism.

Citation: Novikova, Nataliia D. (2024) Communicative Tactics of Comparison and Contrast in Interiorized Critical Discourse (Based on 21st Century British Fiction). *LUNN Bulletin*, 1 (65), 86–98. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-86-98.

1. Введение

В исследованиях мышления и коммуникации особое внимание всегда привлекал феномен внутренней речи. Начиная с античных времен исследователи разных эпох стремились понять природу и функции внутренней речи. В древнегреческой философии великие мыслители затрагивали вопросы, связанные с изучением внутренней речи. Так, например, в сократическом диалоге Платона «Теэтет» содержится фрагмент, в котором мышление трактуется как разговор, который ведет душа с самой собой: «...душа, размышляя, ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая» (Платон 1936: 118). В XX веке интерес к изучению внутренней речи возрос в связи с развитием психологии и психоанализа. Зигмунд Фрейд разработал психоаналитическую

теорию, согласно которой человеческая психика состоит из трех различных, но взаимодействующих компонентов: ид, эго и суперэго (Lapsley, Stey 2012). Работы З. Фрейда приоткрывали завесу тайны психики человека, отмечая роль внутренней речи в формировании личности и разрешении внутриличностных конфликтов (Фрейд 2010). Неоценимый вклад в изучение внутренней речи, а также ее взаимосвязи с мышлением внес Л. С. Выготский. Советский психолог акцентировал внимание на комплексности данного феномена и указывал на то, что внутренняя речь служит инструментом саморегуляции и решения проблем (Выготский 1999). Более современные исследования также подтверждают, что внутренняя речь играет значительную роль в самосознании (DeSouza et al. 2008; Morin 2011; Morin, Hamper 2012; Neuman, Nave 2010), а также задействуется при оценивании себя, других людей и ситуаций в целом.

Внутренняя речь является не только психологическим феноменом, она также выступает объектом исследования в лингвистических научных работах. В лингвистике изучение внутренней речи на материале русского, английского и других языков началось с конца прошлого столетия. На сегодняшний момент представлено большое количество работ, в которых рассматриваются типологические характеристики внутренней речи, определяется специфика функционирования и ее место среди схожих явлений, проводится анализ способов изображения внутренней речи (Гусева 2002; Артюшков 2003; Леонова 2005; Сергеева 2009; Блох, Сергеева 2011; Кириллова 2011), а также стилистических функций в художественных произведениях (Сергеева 2009), изучаются конфликты, отраженные во внутренней речи (Ларина 2013), и др. В связи с тем, что изучение внутренней речи в ее первоначальном значении представляется проблематичным, в данном исследовании рассматривается интериоризованный дискурс.

Под термином «интериоризованный дискурс» понимается «отражение внутренней речи и мыслей персонажа в тексте художественного произведения» (Погребняк 2012b: 50). Данное понятие шире, чем внутренняя речь, и, как отмечает Ю. В. Погребняк, включает различные мыслительные процессы, направленные «на себя» (Погребняк 2012a: 207), например автокоммуникацию («случай, когда человек обращается к самому себе» [Лотман 1996: 25]) и эгоцентрическую речь (речь, не направленную на адресата [Пиаже 1994]). Необходимо отметить, что, хотя интериоризованный дискурс иногда сохраняет сходства с внутренней речью, чаще всего для него нехарактерна сокращенность и фрагментарность. Ключевой характеристикой интериоризованного дискурса является эгоцентричность, поскольку он отражает процессы саморефлексии, саморегуляции, центральным элемен-

том которых является индивид и его «Я» (Погребняк 2011: 199). Такой дискурс возникает на основе желания субъекта разобраться в собственных мыслях, действиях и стремлениях.

В данном исследовании выделяется интериоризованный критический дискурс как структурно-жанровый тип интериоризованного дискурса, в котором преобладает эмоционально-оценочная составляющая. Указанный тип дискурса базируется на процессах саморефлексии и самооценивания и служит инструментом, при помощи которого моделируются внутренние размышления о совершенных ошибках, проступках, бездействии, негативные эмоции и чувства, сопровождающие негативную оценку. Интериоризованный критический дискурс раскрывает психологические явления, которые зачастую скрываются от внешнего мира или частично находят свое отражение в виде негативных эмоций.

На первый взгляд может показаться, что во внутриличностном общении нет необходимости использовать какие-либо стратегии и тактики, направленные на захват инициативы, удержание внимания, манипуляцию и т. д., однако, принимая во внимание социальную сущность человека и его склонность к интерактивной коммуникации, нельзя игнорировать влияние межличностных коммуникативных стратегий, установленных норм и принятых правил. Представляет особый интерес изучение коммуникативных стратегий и тактик, направленных на реализацию самокритики в интериоризованном критическом дискурсе.

Исследование самокритики с точки зрения стратегического подхода к внутриличностной коммуникации позволяет понять, какие вербальные и невербальные средства человек использует для оценки собственных действий и мыслей, как различные типы самокритики влияют на процессы внутриличностного общения, а также какую роль они играют в саморегуляции, самоанализе и принятии решений.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили самокритические высказывания, в которых совпадает не только субъект и объект, выражающий отрицательную оценку, но адресат и адресант. Общий объем эмпирической базы составляет более 100 высказываний, отобранных методом сплошной выборки из произведений британской художественной литературы XXI века (11 наименований).

В исследовании используются следующие методы: метод дефиниционного анализа, метод контекстуального, интерпретативного анализа,

сплошного текстового анализа, ситуативно-прагматического анализа, стилистического анализа, а также метод количественных подсчетов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Как уже было отмечено ранее, человек склонен планировать речевое поведение не только в интерперсональном, но и в интраперсональном общении. На выбор коммуникативных стратегий и тактик в интраперсональном общении влияют индивидуально-психологические особенности личности, национально-культурные особенности, непосредственно сама коммуникативная ситуация (например, психоэмоциональное состояние человека, самооценка, менталитет, социальный статус и т. д.).

Под коммуникативной стратегией в данной работе понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс 2008: 54). В контексте интраперсонального общения коммуникативные стратегии являются не только лингвистическими инструментами, но и когнитивными механизмами, которые формируют самооценку, самовосприятие и влияют на дальнейшие решения и поступки. В свою очередь, коммуникативная тактика — это одно или несколько действий, которые применяются для реализации той или иной стратегии.

В основе выделения коммуникативных стратегий, направленных на выражение самокритики в интериоризованном критическом дискурсе, лежит классификация самокритики (деструктивная и конструктивная самокритика [Petric 2022: 3]), а также ее функции, выделенные британским клиническим психологом П. Гилбертом (Gilbert et al. 2004). Исследователь выявил две основные функции самокритики: корректировка поведения (Ibid.: 39) и причинение вреда собственному «Я» (Ibid.: 37).

В данной работе было принято решение сфокусироваться на двух коммуникативных тактиках: тактике сравнения и противопоставления, поскольку сравнение и противопоставление являются фундаментальными психологическими механизмами, влияющими на самооценку, поведение, а также психоэмоциональное состояние людей. Согласно теории социального сравнения (*social comparison theory* [Festinger 1954]), в каждом человеке заложено стремление оценивать самого себя. Сравнивая себя с окружающими и противопоставляя себя другим людям, человек познает мир и самого себя.

Психологи полагают, что индивид прибегает к сравнению, когда проводит параллели с «психологически близкими» (*psychologically close*), похожими на него людьми (Mussweiler, Rüter, Epstude 2004: 832). Контраст

возникает в том случае, когда проводится сравнение с кем-то, кого индивид считает сильно отличающимся от него (Ibid.).

Таким образом, коммуникативная тактика сравнения, направленная на реализацию самокритики, предполагает, что индивид выявляет негативные сходства с какими-либо предметами, людьми, явлениями. Характерными признаками применения тактики сравнения является использование сравнительных конструкций (например, *as...*, *as... as...*, *as if...*, *to be like...*, *to look like...* и др.), метафор и аллюзий в сочетании с лексемами с отрицательной коннотацией. В природу коммуникативной тактики противопоставления также заложено сравнение, однако внимание смещается с выявления общих черт на поиск различий между анализируемыми объектами.

(1) *I couldn't seem to let go of this idea that I was drifting through life like a ghost barely registering with anyone. Penny was absorbed in a demanding job, the kids were busy missing their mum, and I was just going through the motions in a job where no one really appreciated me. I felt like I was sleepwalking through life and crossing my fingers in the hope that somehow it would magically get better all by itself* (Gayle 2014: 19).

В приведенном фрагменте на реализацию деструктивной самокритики направлена коммуникативная тактика сравнения. О том, что в данном фрагменте представлена деструктивная самокритика, свидетельствует чрезмерная фокусировка героя на собственных неудачах, а также отсутствие стремления к изменению сложившейся ситуации.

Самокритика мужчины напрямую связана с тем, что он чувствует себя незамеченным и ненужным. Отсутствие признания на работе ставит под сомнение его ценность как профессионала. Кроме того, герой противопоставляет себя своей супруге: в то время как у жены есть цель и направление, в котором она может развиваться, мужчина видит, что его работу не оценивают должным образом, что, в свою очередь, приводит к демотивации и апатии. Как следствие, мужчина критикует себя за пассивное поведение. Использование образных сравнений *like a ghost*, *like I was sleepwalking through life* иллюстрирует отсутствие каких-либо целей в жизни или направления, по которому ему следует двигаться.

В следующем примере самокритика вызвана осознанием ответственности за благополучие и комфорт своих детей, особенно в условиях расставания родителей.

(2) *Their home — by which I mean the home I used to live in — was the complete opposite of this house in every way and despite my efforts at modernisation and refurbishment it still looked like the dated, rundown home of a housebound octogenarian with an interest in spell casting. <...>*

I tried my best to salvage the situation.

'Maybe you could bring round a few of your things next time. You could leave them here so that you don't have to keep dragging stuff back and forth.'

'Yeah, cool,' said Rosie but it didn't take a genius to see that her heart wasn't in it.

<...> It looked like a squat (Gale 2014: 114).

Главный герой прибегает к нескольким коммуникативным тактикам: контраста (*Their home — by which I mean the home I used to live in — was the complete opposite of this house in every way*) и сравнения (*it still looked like the dated, rundown home of a housebound octogenarian with an interest in spell casting, looked like a squat*). Дефиниционный анализ таких лексем, как *dated — old-fashioned* (Cambridge Dictionary), *rundown — being in poor repair* (Merriam-Webster), *squat — chiefly Br. an empty house or building that is occupied by squatters* (Merriam-Webster), а также использование словосочетания *was the complete opposite*, отрицательный эффект которого усилен интенсификатором *in every way*, указывают на то, что в отрывке содержится отрицательная оценка. Самокритика в значительной степени конструктивна, поскольку герой не только признает недостатки домашней обстановки, но и пытается спасти ситуацию, попросив детей принести свои игрушки: *Maybe you could bring round a few of your things next time. You could leave them here so that you don't have to keep dragging stuff back and forth*. Из широкого контекста известно, что впоследствии мужчина просит своих друзей помочь ему сделать ремонт в доме.

В приведенном ниже фрагменте также используется коммуникативная тактика сравнения. Самокритика героини неразрывно связана с испытываемым чувством страха быть осужденной окружающими людьми.

(3) I curl into a ball and cry silently into my knees.

Maybe I can go back.

Maybe Buntty will look after me.

How long does it take to book a new flight to England? How can I let school know that I need my place back immediately?

Everyone is going to laugh at me because I couldn't make it in America, like some kind of failed pop star (Smale 2014: 72).

Девушка обеспокоена тем, как отреагируют одноклассники и учителя на ее возвращение в Англию. Об эмоциональном напряжении свидетельствует невербальный знак — *cry silently* (*cry — to produce tears as the result of a strong emotion, such as unhappiness or pain* [Cambridge Dictionary]). Героиня воспринимает переезд как собственное поражение и переживает, что ее сверстники воспримут данную ситуацию аналогичным

образом. Используемое логическое сравнение *like some kind of failed pop star* отражает испытываемое ею разочарование.

В следующем примере на реализацию деструктивной самокритики направлена тактика противопоставления. Самокритика героя вызвана неудовлетворенностью своей внешностью.

(4) *I greet the men one after the other, paying particular attention to the newcomers. Much to my disappointment Aaron, who had been the school's star rugby player, looks like he's carved in flesh-covered granite and Nick (who was always lean like a middleweight boxer) could have easily passed for a man ten years younger were it not for his completely grey hair. As it is he looks stupidly refined, as if he's just walked out of an advert for men's antiperspirant. I look and feel like an off-duty tramp compared to these guys* (Gayle 2013: 120).

Мужчина отмечает хорошую физическую форму его друзей: *he's carved in flesh-covered granite, could have easily passed for a man ten years younger*. Напротив, при описании себя герой использует сравнение с бродягой: *look and feel like an off-duty tramp*, контрастирующее с образами Аарона и Ника. Данное противопоставление свидетельствует о неудовлетворенности мужчины своим внешним видом и физической формой, что, в свою очередь, приводит к усилению внутреннего конфликта.

Самокритика часто провоцируется расхождением планов и реальности, как, например, в приведенном ниже фрагменте.

(5) *This afternoon, for the record, was supposed to go like this: (image) Instead — on yet another pivotal day of my life — I'm hiding under a T-shirt on the floor of my bedroom.*

<...>

My phone beeps, and my stomach does a sudden unexpected backflip like a maverick seal on YouTube (Smale 2014: 37–38).

Отрывок начинается с описания запланированных задач на день: *This afternoon, for the record, was supposed to go like this...*, однако этот план сразу же расходится с реальностью: *Instead — on yet another pivotal day of my life — I'm hiding under a T-shirt on the floor of my bedroom*. Контраст интенсифицируется при помощи парантезы *on yet another pivotal day of my life*, предполагающей череду неудач и свидетельствующей о более глубоком чувстве неудовлетворенности собой. Нервозное состояние девушки ярко изображено при помощи стилистических приемов метафоры и сравнения: *my stomach does a sudden unexpected backflip like a maverick seal on YouTube*. В данном примере коммуникативная тактика контраста реализует деструктивную самокритику, поскольку вместо того, чтобы отодвинуть беспокойство на второй план и изменить ситуацию, девушка прячется на полу.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что частотность использования коммуникативной тактики сравнения выше (66 примеров), чем тактики противопоставления (42 примера). Методом количественных подсчетов была выявлена частотность использования коммуникативных тактик, направленных на реализацию конструктивной и деструктивной самокритики (см. Рис. 1 и Рис. 2).

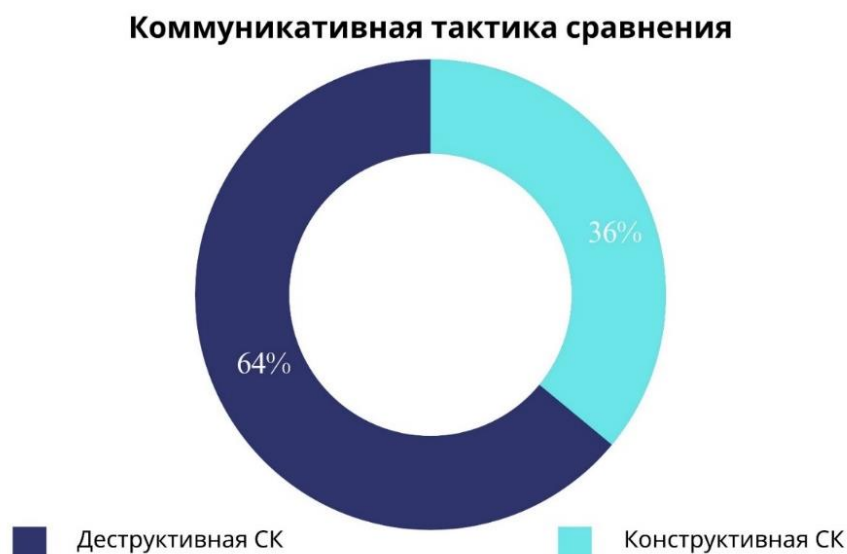

Рис. 1. Частотность использования коммуникативной тактики сравнения, направленной на реализацию конструктивной и деструктивной самокритики

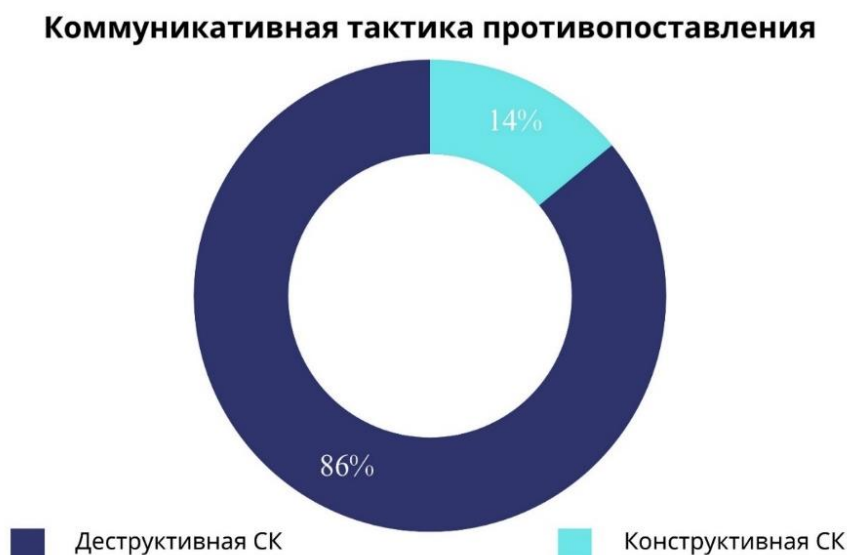

Рис. 2. Частотность использования коммуникативной тактики противопоставления, направленной на реализацию конструктивной и деструктивной самокритики

Анализ фактического материала показал, что коммуникативные тактики сравнения и противопоставления чаще используются для реализации деструктивной самокритики. Полученные данные указывают на то, что сравнение с людьми или объектами, не соответствующими принятым нормам, а также резкое противопоставление себя эталонам, превосходящим в каких-либо аспектах, негативно сказывается на эмоциональном состоянии, что не способствует сосредоточению на решении возникших проблем. Стоит отметить, что коммуникативная тактика противопоставления задействуется реже для выражения самокритики конструктивного типа, чем коммуникативная тактика сравнения. Представленный результат может свидетельствовать о том, что индивид выбирает для противопоставления объект, чья внешность, способности или достижения намного превосходят его собственные. Психологи утверждают, что после сравнения своих результатов с более высоким стандартом усугубляется чувство неадекватности и недовольства собой (Gilbert et al. 1995).

Немаловажную роль играет самооценка, поскольку она является одним из ключевых факторов, влияющих не только на выбор коммуникативных тактик, но и на их результативность. Заниженная самооценка может усугубить воздействие негативных последствий самокритики, став причиной апатии или депрессии. Напротив, человек с адекватной самооценкой реже подвергает себя деструктивной самокритике, а также реже сравнивает себя с другими.

4. Заключение

Полученные данные свидетельствуют о том, что использование коммуникативных тактик сравнения и противопоставления в интериоризованном критическом дискурсе в большей степени негативно влияет на самовосприятие и эмоциональное состояние людей. Изучение самокритики в интериоризованном дискурсе в рамках коммуникативно-прагматического подхода позволяет изучить механизмы, лежащие в основе выбора, саморегуляции, саморефлексии, а также проанализировать взаимосвязь между выбором коммуникативных тактик и их психологическими последствиями.

Список литературы / References

- Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого): Монография. М.: Изд-во МПГУ, 2003. [Artjushkov, Igor V. (2003) *Vnutrennjaja rech' i ee izobrazhenie v hudozhestvennoj literature (na materiale romanov F. M. Dostoevskogo i L. N. Tolstogo): Monografiya* (Inner Speech and Its Image in Fiction (Based on the

- Novels by F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy: Monograph). Moscow: Izd-vo MPGU. (In Russian)].
- Блох М. Я., Сергеева Ю. М. Внутренняя речь в структуре художественного текста: Монография. М.: Изд-во Прометей, 2011. [Blokh, Mark Ya., & Sergeeva, Yuliya M. (2011) *Vnutrennyaya rech' v strukture khudozhestvennogo teksta: Monografiya* (Inner Speech in the Structure of a Literary Text: Monograph). M.: Izd-vo Prometei. (In Russian)].
- Выготский Л. С. Мышление и речь. 2-е изд., испр. Москва: Лабиринт, 1999. [Vygotskij, Lev S. (1999) *Myshlenie i rech'* (Thinking and Speech). 2 izd., ispr. Moscow: Labirint. (In Russian)].
- Гусева Г. В. Типологические характеристики вербализованной внутренней речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. [Guseva, Galina V. (2002) *Tipologicheskie harakteristiki verbalizovannoj vnutrennej rechi* (Typological Characteristics of Verbalized Internal Speech: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Orel. (In Russian)].
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. [Issers, Oksana S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* (Communicative Strategies and Tactics of the Russian Speech). 5-e izd. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russian)].
- Кириллова Т. В. Внутренняя речь в аспекте интраперсональной коммуникации: на материале англоязычной художественной прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. [Kirillova, Tat'jana. V. (2011) *Vnutrennjaja rech' v aspekte intrapersonal'noj kommunikacii: na materiale anglojazychnoj khudozhestvennoj prozy* (Inner Represented Speech in Terms of Intrapersonal Communication: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Samara. (In Russian)].
- Ларина С. Г. Разрешаемый конфликт во внутренней речи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 3-1 (49). С. 87–90. [Larina, Svetlana G. (2013) *Razreshaemyj konflikt vo vnutrennej rechi* (Resolved Conflict in Internal Speech). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3-1 (49), 87–90. (In Russian)].
- Леонова Н. М. Прагматика обращенности внутренней речи в немецких и русских художественных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. [Leonova, Natal'ja M. (2005) *Pragmatika obrashhennosti vnutrennej rechi v nemeckih i russkih khudozhestvennyh tekstah* (The Pragmatics of the Conversion of Inner Speech in German and Russian Literary Texts: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. [Lotman, Jurij M. (1996) *Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija* (Inside the Thinking Worlds. Man — text — semiosphere — history.). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russian)].
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-пресс, 1994. [Piazhe, Zhan. (1994) *Rech' i myshlenie rebenka* (The Language and Thought of the Child). Moscow: Pedagogika-press. (In Russian)].
- Платон. Теэтет; пер. с греч. и прим. Виктора Сerezникова. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1936. [Platon (1936) *Tejetet; per. s grech. i prim. Viktora Serezchnikova* (Theaetetus; trans. by Viktor Serezchnikov). Moscow, Leningrad: SOCJEKGIZ. (In Russian)].
- Погребняк Ю. В. Психологические функции интериоризованного дискурса // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 2. С. 199–206. [Pogrebnyak,

- Julija V. (2011) Psihologicheskie funkcii interiorizovannogo diskursa (Psychological Functions of Interiorized Discourse). *Pushkin Leningrad State University Journal*, Vol. 1, 2, 199–206. (In Russian)].
- Погребняк Ю. В. Механизмы функционирования интериоризованного дискурса // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. 2012а. № 2 (19) С. 207–212. [Pogrebnjak, Julija V. (2012a) Mehanizmy funkcionirovaniya interiorizovannogo diskursa (Mechanisms of Functioning of Internalized Discourse). *Vestnik Irkutskogo gos. lingv. un-ta*, 2 (19), 207–212. (In Russian)].
- Погребняк Ю. В. Художественные функции интериоризованного дискурса // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2012b. № 6 (70). С. 50–54. [Pogrebnjak, Julija V. (2012b) Hudozhestvennyye funkcii interiorizovannogo diskursa (Fiction Functions of the Interiorized Discourse). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 6 (70), 50–54. (In Russian)].
- Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения: на материале англоязычной художественной литературы: Автореф. дис. ... д-а филол. наук: М., 2009. [Sergeeva, Yulija M. (2009) *Vnutrennyaya rech' kak osobaya forma yazykovogo obshcheniya: na materiale angloyazychnoi khudozhestvennoi literatury* (Internal Speech as a Special Form of Language Communication: on the Material of Artworks of English Authors: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Фрейд З. Психология бессознательного. 2-е изд. СПб.: Питер, 2010. [Freud S. (2010) *Psikhologiya bessoznatel'nogo*. 2-e izd. Saint-Petersburg: Piter. (In Russian)].
- DeSouza, Mariane L., DaSilveira, Amanda, & Gomes, William B. (2008) Verbalized Inner Speech and the Expressiveness of Self-consciousness. *Qualitative Research in Psychology*, 5, 154–170. DOI: 10.1080/14780880701734511.
- Festinger, Leon. (1954) A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*, 7(2), 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
- Gilbert, Paul, Clarke, M., Hempel, Susanne, Miles, Jeremy, & Irons, Chris. (2004) Criticizing and Reassuring Oneself: An Exploration of Forms, Styles and Reasons in Female Students. *British Journal of Clinical Psychology*, 43(1), 31–50. DOI: 10.1348/014466504772812959.
- Gilbert, Daniel. T., Giesler, Brian R., & Morris, Kathryn A. (1995) When Comparisons Arise. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69 (2), 227–236. DOI: 10.1037/0022-3514.69.2.227.
- Lapsley, Daniel, & Stey, Paul C. (2012) Id, Ego, and Superego. *Encyclopedia of Human Behavior*, 393–399. DOI: 10.1016/b978-0-12-375000-6.00199-3.
- Morin, Alain. (2011) Self-Awareness Part 1: Definition, Measures, Effects, Functions, and Antecedents. *Social and Personality Psychology Compass*, 5 (10), 807–823. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2011.00387.x.
- Morin, Alain, & Hamper, Breanne. (2012) Self-reflection and the Inner Voice: Activation of the Left Inferior Frontal Gyrus During Perceptual and Conceptual Self-referential Thinking. *The Open NeuroImaging Journal*, 6, 78–89.
- Mussweiler, Thomas, Rüter, Katja, & Epstude, Kai. (2004) The Ups and Downs of Social Comparison: Mechanisms of Assimilation and Contrast. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(6), 832–844. DOI: 10.1037/0022-3514.87.6.832.
- Neuman, Yair, & Nave, Ophir. (2010) Why the Brain Needs Language in Order to Be Self-conscious. *New Ideas in Psychology*, 28 (1), 37–48.

Petric, Domina. (2022) The Knot Theory of Mind. *Open Journal of Medical Psychology*, 11, 1–11. DOI: 10.4236/ojmp.2022.111001.

Словари / Dictionaries

Cambridge Dictionary. (2024, January 27) Cry. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cry>.

Cambridge Dictionary. (2024, January 27) Dated. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/dated>.

Merriam-Webster. (2024, January 27) Rundown. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/rundown>.

Merriam-Webster. (2024, January 27) Squat. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/squat>.

Источники языкового материала / Language material resources

Gayle, Mike. (2000). *Turning Thirty*. London: Flame.

Gayle, Mike. (2002) *Dinner for Two*. London: Flame.

Gayle, Mike. (2013) *Turning Forty*. London: Hodder & Stoughton.

Gayle, Mike. (2014) *Seeing Other People*. London: Hodder & Stoughton.

Smale, Holly. (2013a) *Geek Girl*. London: HarperCollins.

Smale, Holly. (2013b) *Model Misfit*. London: HarperCollins.

Smale, Holly. (2014) *Picture Perfect*. London: HarperCollins.

Smale, Holly. (2015) *All that Glitters*. London: HarperCollins.

Smale, Holly. (2016) *Head Over Heels*. London: HarperCollins.

Smale, Holly. (2017) *Forever Geek*. London: HarperCollins.

Smale, Holly. (2023) *The Cassandra in Complex*. London: Penguin.

УДК 808.5

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-99-115

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЛОКУТИВНОСТИ В РЕЦЕНЗИИ (на материале текстов Т. Москвиной)

Д. О. Сергань

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

В настоящей статье отражены результаты исследования экспрессивных языковых средств с позиции лингвистической прагматики. Между лингвопрагматическим термином «перлокуция» и стилистическим термином «экспрессивные средства» прослеживается тесная связь, так как целесообразное употребление этих средств — важный фактор речевого воздействия на реципиента. В нашем исследовании мы придерживаемся толкования экспрессивности Т. Г. Хазагеров, который под данным термином понимает *усиленную* изобразительность и выразительность. Путем функционально-прагматического анализа выявляются и описываются конкретные языковые средства достижения перлокутивного эффекта в рецензиях Татьяны Москвиной. В публицистических текстах ярко проявляются перлокутивные возможности речи, усиливаемые использованием изобразительно-выразительных средств. Перлокутивный эффект может достигаться включением в медиатекст лексики разных стилей, в том числе субстандарта. Разные словарные пласты применяются для характеристики героя, эмоционально-экспрессивной оценки, для усиления иронического звучания текста. В рецензиях Т. Москвиной обнаруживается ироническое переосмысление концептов. Оценивая художественные достоинства произведения литературы, кинематографа, театральной постановки, критик может использовать разговорно-экспрессивные устойчивые сочетания слов. Рецензии Т. Москвиной отличаются высокой степенью экспрессивности, чтобы придать живость тексту, критик использует разнообразные тропы и фигуры речи, повышающие уровень эмоционального воздействия. Короткие и одновременно емкие метафоры, развернутые метафорические выражения, отличающиеся колкостью, усиливают эффект критики, повышают уровень реакции на текст у аудитории. Особый интерес с позиции эмоционального воздействия на реципиента представляют авторские фразеологические единицы, броские развернутые авторские метафоры, порой облаченные в иронически-иносказательную форму. Сравнительные и антитетические конструкции в текстах получают образными, метафоричными и меткими, создавая динамичность и плотность авторского текста. В рецензиях отсутствуют обличительные обвинения, часто критика представляется в форме риторического вопроса, который звучит не так агрессивно, но при этом сохраняется мощный эффект воздействия. Используемые в тексте экспрессивные эпитеты и олицетворения добавляют краски предмету размышлений, передают усилительный иронический или язвительный подтекст, способствуют формированию определенных эмоций и чувств. По результатам исследования делается вывод об эффективности употребления экспрессивных языковых средств для осуществления убеждающего воздействия на адресата.

Ключевые слова: рецензия; прагматическая функция; речевое воздействие; перлокутивный эффект; экспрессия.

Цитирование: Сергань Д. О. Языковые средства перлокутивности в рецензии (на материале текстов Т. Москвиной) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 99–115. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-99-115.

Linguistic Means of Perlocution in Reviews (Based on Reviews by T. Moskvinina)

Daria O. Sergan'

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

The article examines expressive language means from the perspective of linguistic pragmatics. There is a close connection between the linguopragmatic term “perlocution” and the stylistic term “expressive means”, since the appropriate use of these means is an important factor in how speech influences the recipient. In our study, we adhere to the interpretation of expressiveness by T. Y. Khazagerov, who understands it as enhanced visualization and expressiveness. The author employs functional-pragmatic analysis to identify and describe specific linguistic means used to achieve the perlocutionary effect in Tatyana Moskvinina’s reviews. In journalistic texts, perlocutionary capabilities of speech, enhanced by the use of figurative and expressive means, are clearly manifested, and the perlocutionary effect can be achieved by including into the media text the vocabulary of different styles, including substandard. Different layers of vocabulary are used to characterize characters, to provide emotionally expressive assessment, and to enhance the ironic coloring of the text. T. Moskvinina’s reviews reveal an ironic rethinking of concepts. When assessing the artistic merits of a piece of literature or cinema, or a theatrical production, a critic can use colloquially expressive idioms. T. Moskvinina’s reviews are distinguished by a high degree of expressiveness; in order to give life to her texts, the critic uses a variety of tropes and figures of speech that increase the level of emotional impact. Short and succinct metaphors as well as extended metaphorical expressions, distinguished by their causticity, enhance the effect of criticism and increase the level of readers’ reaction to her texts. From the point of view of the emotional impact on recipients, of particular interest are phraseological units created by the author, as well as unique and original metaphors, which are catchy, detailed, and sometimes clothed in ironic or veiled language. Comparative and antithetical constructions in her reviews are metaphoric in nature and employ apt and compelling images, creating tight, dynamic texts. Moskvinina’s reviews do not contain accusatory invectives; criticism is often presented in the form of a rhetorical question, which does not sound aggressive, but at the same time delivers powerful impact. Expressive epithets and personifications used in Moskvinina’s text add color to the subject of reflection, convey intensifying ironic or caustic subtexts, and contribute to evoking certain emotions and feelings. Based on the results of the study, the author makes a number of conclusions about the effectiveness of using expressive language means to exert persuasive influence on addressees.

Key words: review; pragmatic function; speech effect; perlocative effect; expression.

Citation: Sergan', Daria O. (2024) Linguistic Means of Perlocution in the Reviews (Based on Reviews by T. Moskvinina). *LUNN Bulletin*, 1 (65), 99–115. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-99-115.

1. Введение

Происхождение термина «перлокутивность» связано с формированием лингвистической прагматики как научной дисциплины. Важную роль в формировании лингвистической прагматики сыграл английский философ Джон Остин, разработавший теорию речевого акта и разграничивший три аспекта речевого акта (локуцию, иллокуцию и перлокуцию). В статье Дж. Остина «Слово как действие» о перлокутивной стороне речевого акта читаем: «Произнесение каких-то слов часто, и даже обычно, оказывает определенное последующее воздействие (effect) на чувства, мысли или действия аудитории, говорящего или других лиц, и это может быть рассчитанный, намеренный, целенаправленный эффект; <...> Мы назовем осуществление акта этого типа осуществлением перлокутивного акта, или перлокуцией» (Остин 1986: 88).

Лингвопрагматическое понятие «перлокуция» тесно связано со стилистическим понятием экспрессивных средств, поскольку целесообразное употребление данных средств является важным фактором речевого воздействия на адресата. Т. Г. Хазагеров, рассматривая экспрессивность в русле стилистики, понимает под данным термином усиленную изобразительность и выразительность речи, ее способность привлекать внимание адресата и воздействовать на него (Хазагеров 1987: 47).

Перлокутивные возможности речи, усиливаемые использованием экспрессивных средств, ярко проявляются в публицистике, в частности в жанре рецензии. Рецензия — традиционный для критики жанр. По отношению к современной критической практике исследователь Т. Е. Нерсесова предлагает использовать понятие «рецензирование» как наиболее актуальное в сопоставлении с понятием «критика», употребление которого в историческом сознании ограничено художественной сферой (Нерсесова 2011: 42).

Среди всех специфических функций, присущих современной практике рецензирования (ориентирующая, корректирующая, прагматическая, эстетическая, аксиологическая), важная роль отводится прагматической волюнтаривной функции, которая подразумевает речевое воздействие на поведение адресата.

Такое воздействие осуществляется с целью изменения адресатом «отношения к какому-либо объекту», изменения «ценностного значения объекта для субъекта», формирования «общего эмоционального настроения» и перестройки «категориальной структуры индивидуального сознания», введения «новых категорий» (Иссерс 2009: 21). Хотя на практике все эти действия, как правило, совершаются в комплексе для достижения целостного эффекта воздействия (там же).

Речевое воздействие в аспекте реакции со стороны реципиента (перлокутивный эффект), являясь одним из ведущих компонентов рецензии (Тертычный 2000: 152), может достигаться включением в медиатекст различных экспрессивных средств: лексики разных стилей речи, в том числе субстандарта; метафор, сравнений, эпитетов, олицетворений, риторических вопросов, антитезы. Цель нашего исследования — на примере рецензий Татьяны Москвиной дать оценку языковым явлениям с позиции убеждающего воздействия на адресата. Мы предполагаем, что слова с экспрессивной окрашенностью в анализируемых критических откликах Т. Москвиной способны эффективно влиять на сознание реципиента с целью изменения или формирования определенного взгляда на объект действительности.

2. Характеристика материала и методов исследования

Экспрессивные языковые средства для исследования нами были отобраны из рецензий Т. Москвиной в «Аргументах недели», посвященных культурным событиям в российском кинематографе, литературной и театральной сферах. Исследование экспрессивных языковых средств опирается на функционально-прагматический анализ.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В целях достоверного отображения описываемых явлений, выражения их оценки, воздействия на адресата журналист может использовать разные словарные пласты языка.

Так, книжная лексика в текстах Т. Москвиной нередко функционирует с целью усиления иронии:

(1) *Образ Карпова поручено воплощать Ивану Янковскому <...> Но суть не в схожести внешней — ну ни жилочки нет советской в этом обаятельном, симпатичном артисте ограниченного диапазона, ни грана психофизики паренька, взлетевшего благодаря таланту и труду по советской социальной лестнице* (Москвина 2022а).

Из этой фразы ясно, что рецензент невысоко оценивает игру актера в данном фильме, и на этом фоне книжный глагол *воплотить* получает оттенок иронии.

Примечательно, что лексика разных стилей может применяться для портретной характеристики одного героя, раскрывая всю полноту и многогранность образа: *кривлялся себялюбец* (разг.), *сокрушительно светозарной силы* (книж., поэтич.), *презренный* (книж.), *шутовские эскапады* (книж.) (Москвина 2022а).

Интересна прагматическая составляющая номинации *интеллигенты*,

характеризующейся повышенной частотностью в публицистике Т. Москвиной. Данная лексема помещена в словарях без каких-либо особых помет, но у критика она переосмысливается, дополняется эмоционально-экспрессивными уточнениями, что позволяет достичь высокого перлокутивного эффекта высказываний.

В рецензии на фильм «Мистер Нокаут» ассоциативное поле категории, названной критиком «интеллигенты», расширяется с помощью экспрессивно-оценочной лексемы *замороженные*:

(2) *Что могут написать замороженные свердловские интеллигенты с высшим филологическим образованием про бокс?* (Москвина 2022f).

Подробно описав концепт ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ с языковедческой позиции, исследователи А. В. Флоря и С. В. Корносенков констатируют, что этот концепт «амбивалентен, т. е. лишен отчетливости, однозначности», «обладает расщепленной коннотацией (оценивается и положительно, и отрицательно)», отсюда вытекает разграничение интеллигенции на «подлинную и неподлинную» (Флоря, Корносенков 2008).

В публицистическом тексте Т. Москвиной наименование *интеллигенты* намеренно дано по признаку отнесенности к социальной ячейке, имеющей высшее образование, а не с отсылкой к ядерным признакам данного концепта (высокий культурный уровень, нравственное поведение, честность, принципиальность и т. д.).

Прагматическое сознание концепта позволяет определить его в этом случае как иронизм. Лексема *интеллигенты* здесь переосмысливается: это не столько ‘лицо, принадлежащее к интеллигенции’, сколько слово в ироническом ключе с коннотацией ‘тот, кто несет плоды образования в социум, просвещает, но не является сведущим в той области, о которой говорит’. А определением *замороженные* усиливается смысловая нагрузка этого понятия, и автор создает в определенном смысле оксюморон.

Ироническое переосмысление концепта сближает его с получившим популярность в 1990-е гг. окказионализмом А. И. Солженицына «образованщина» со значением ‘люди, имеющие высшее образование и соответствующую ему профессию, т. е. статусные интеллигенты’.

Интересен коррелят *интеллигентка*, образованный от лексемы «интеллигент» с помощью суффикса -к и снабжающийся в некоторых словарях (например, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 2015 г.) пометой *разг.*:

(3) *Из нежной, аморфной, чувствительной интеллигентки героиня «Воспитания жестокости» Катя-Яковлева превратилась в хладнокровного и решительного мстителя и подтвердила своей судьбой: женщина всегда*

*отвечает на вызовы и запросы мира. Аморфным деликатным **интеллигенткам** больше не прожить в своих затхлых углах со старыми книжками и пластинками* (Москвина 2022d).

Суффикс -к как компонент создания эмоционально-экспрессивной окрашенности слова придает ему иронический оттенок и словно бы новое лексическое значение: преобразование героини из нежной особы в стальную женщину. Такого рода феминитивы стали обычным явлением в медиатексте (Куликова, Акай, Тедеева 2022: 24).

Обращает на себя внимание функционирование в публицистике Т. Москвиной паронимической пары *интеллигентный* и *интеллигентский*. Пароним «интеллигентный» связан с коннотациями «образованный», «культурный», а пароним «интеллигентский» выражает принадлежность к интеллигенту, интеллигенции. «Игра» с этой паронимической парой в рамках одного текста работает на создание иронического звучания всего текста:

(4) *Кстати сказать, режиссер этого фильма Инесса Селезнева вообще была удивительным регистратором жизни советской **интеллигентной** женщины.*

*Но ежели камера советского оператора проведет нас в городские кварталы, где обитают советские служащие **интеллигентской** складки, мы и там найдем хоть и более утонченных и усложненных, но в высшей степени достойных героинь* (Москвина 2022d).

В медиатексте широко применяются разговорно-экспрессивные устойчивые сочетания слов для красноречивой оценки явления:

(5) *Они **подбрасывали в топку** сериала правильных героев* (Москвина 2021с).

Фразеологизмы являются эффективным средством речевого воздействия благодаря высокой «образности» и способности «отражать особенности национального менталитета и культуры» (Егорова 2018: 35).

Примечательно, что в текстах Т. Москвиной можно встретить авторские фразеологические единицы. Так, критик создает свой фразеологизм *падший Маг* по аналогии с библейским устойчивым сочетанием «Падший Ангел», намекая на оступившегося и сбившегося с верного пути с точки зрения советской идеологии Корчного.

Одна из отличительных черт современного медиастилия — частотное употребление субстандарта, что традиционно является нарушением этиколингвистической нормы (Брусенская, Барабаш, Куликова 2022: 22). Однако «в современной коммуникации, основанной на представлениях о толерантности, эффективно используются как нормативные, так и девиативные формы,

не противоречащие представлениям о гармоничном общении, соответствующем этическим принципам» (Брусенская, Барабаш, Куликова 2022: 10).

Так, в текстах Т. Москвиной нередко интенциональное использование языковых единиц для достижения перлокутивного эффекта, но такие включения являются строго дозированными (Куликова, Тедеева 2023: 34).

Например, в рецензии на сериал Алены Званцовой «Никто не узнает» критик Т. Москвина употребляет разговорную лексическую единицу *шизополис*, которая превращается в данном контексте в иронизм с «горьковатым привкусом»:

(6) *Разумеется, все узнают о том, чего никто знать был не должен, и пойдут выяснения, слезы, обвинения, скандалы, запои, падения из окон и нервные поездки в главный русский **шизополис** Санкт-Петербурга* (Москвина 2022g).

Этот разговорный авторский неологизм вышел из одноименного сюрреалистического экспериментального комедийного фильма с нелепым сюжетом, который был снят в 1996 году американским кинорежиссером Стивеном Содербергом. Употребление этой лексемы относительно Санкт-Петербурга намекает на нелогичность, нелепость описанных в картине событий. Пример демонстрирует в качестве способа достижения перлокутивного эффекта высказывания намеренную замену нейтральной лексической единицы «город» лексемой с отрицательной коннотацией *шизополис*. Попутно стоит отметить, что для достижения большего эффекта воздействия рецензент использует такой художественный прием, как градация, заключающийся в нарастании смысла.

Жаргонные и просторечные языковые единицы становятся средством выражения едкой иронии:

(7) *Советская мелодрама — отличное кино, но мир **затарен** искусством, зритель **обожрался**, и переменить ситуацию могла бы разве какая-то поразительная оздоровительная диета* (Москвина 2022d);

(8) *К тому же уши **долбит** какой-то надоедливый дятел на фортепиано... Приходится признать, качество этой **жвачки** весьма ниже среднего* (Москвина 2018).

У Т. Москвиной довольно частотны такие инвективные словоупотребления, как *дебил / дебилка* (разг., бран.), *идиот / идиотка* (разг., бран.), *психопат / психопатка* (разг.), *невротик* (разг.) и их производные. Например:

(9) *Возможный конец мира волнует Президентшу и ее администрацию, которую возглавляет собственный сын Орлин, натуральный **дебил** (Джона Хилл), куда меньше, чем свои делишки.*

Собственно говоря, сочувствие вызывают в основном те формы

жизни, что далеки от человеческих, — время от времени на экране мелькают насекомые, птицы и звери, напоминая нам, что исчезнут не только **человекообразные идиоты**, но и эти милые и ни в чем не повинные существа.

Сначала я было раздражилась, что опять ученого изобразили **придурковатым психопатом**, но герой оказался сложнее (Москвина 2022b).

Употребление этих инвективных единиц прагматически оправданно: в одном случае они становятся средством создания едкой сатиры на будущее, в котором отсутствует гуманность, в другом — могут быть экспрессивными ироническими характеристиками.

Усиливают экспрессивность речи тропы и фигуры. Троп — это «слова и выражения, употребленные в переносном значении» (Хазагеров, Лобанов 2004: 217). Рассмотрим словесные тропы (метафора, сравнение, эпитет, олицетворение) и грамматические тропы (риторический вопрос). В основе словесных тропов лежит «использование слов в переносном значении», а в основе грамматических тропов — «переносное использование не слова, а грамматической формы» (там же: 222). В области убеждающей речи тропы могут выполнять две функции: создание наглядного изображения и «новой идеи».

Одними из частотных экспрессивных языковых средств, оказывающих воздействие на реципиента, в рецензиях Т. Москвиной являются яркие метафоры: **Страна Света** (страна), **Советский святой** (Юрий Гагарин), **начинается жар** (действие, активное движение, накал событий), ...**обстоятельства игры взмывают и растворяются в символическом пространстве Великой Битвы** (шахматная игра) (Москвина 2022a).

Насыщена метафорами фраза:

(10) *Это же **Черный Маг** сражается с **Белым Магом**, это **Империя Света** вышла дать бой **Империи Тьмы!*** (Москвина 2022a)

Под **Черным Магом** подразумевается Корчной, а под **Белым Магом** — Карпов, словосочетание **Империя Тьмы** метафорически употреблено в значении ‘запад’, а **Империя Света** — в значении ‘огромная загадочная страна’. Положительную ироническую характеристику страны усиливают эпитеты *огромная, загадочная*.

Или ср.:

(11) *У меня у самой есть детишки, и они тоже, знаете, не асфальт укладывают. Но все-таки на свете есть мера всех вещей, как говорили греки. Что-то «**детишкино кино**» пошло с перебором.*

Лавров, кстати, тоже сын прекрасного петербургского актера Николая Лаврова. Однако даже периодическое пребывание **в лапах театральных новаторов** не приучило его орать в кадре дурным голосом, тараща пустые глаза. Жаль, роль маленькая и невнятная (Москвина 2018).

Детишкиным кино Т. Москвина иронически называет произведения киноискусства, создаваемые потомками ведущих режиссеров и сценаристов, которые не оправдывают свое право на творчество, а пользуются авторитетом родителей. И их же творческий процесс уточняет метафора *лапы театральнов новаторов*, добавляющая тексту еще более ироническое звучание.

Помимо коротких, но емких метафор, обращают на себя внимание развернутые метафорические выражения: *юный прекрасный питомец великой державы* (Карпов), *сладкоголосый певец Империи перебежчика Корчного* (Магомаев), *молодой неопытный Белый Маг* (Карпов), *наши мастера научились выстраивать кульминации своих мужских балетов* (фильмы, в которых прославляются мужчины за их заслуги пред Родиной) (Москвина 2022а).

Или ср.:

(12) *За пятнадцать лет сооружения «чучела кинематографа в натуральную величину» наши мастера научились выстраивать кульминации своих мужских балетов* (Москвина 2022а).

Развернутая метафора в приведенном примере отличается колкостью и силой воздействия на адресата. В данном контексте она обозначает, что все созданное в отечественном кинематографе за пятнадцать лет больше похоже на пародию, чем на настоящее кино.

(13) *Надо жить, живешь по инерции, но эта самая жизнь обернулась к майору непарадным своим лицом, даже, можно сказать, малопривлекательным низом* (Москвина 2022е).

Интересна метафора в приведенном примере своим построением: в основе метафоры лежат контекстуальные синонимы *непарадное лицо* и *малопривлекательный низ*, которые обозначают что-то неблагоприятное в данном контексте.

(14) *На ее литературной фабрике свет и тепло, как и многие другие ингредиенты (жизнейские реалии, юмор, мелодраматизм и т. д.), видимо, смиренно стоят в бочках и ждут применения в нужном количестве* (Москвина 2022с).

(15) *Впрочем, внутри «Садового кольца» сегодня достаточно желающих увенчать красивую голову Паулины Андреевой лаврами сценариста-интеллектуала.*

Хотя это возможно сделать на том же основании, на каком можно и героиню актрисы из сериала «Метод» именовать художником, потому что она закалывает волосы карандашом (Москвина 2021а).

Здесь в метафорически-ироническом ключе дается оценка творчеству российской писательницы Дины Рубиной и сценариста Паулины

Андреевой. Во втором примере ироническое звучание усиливает едкая сравнительная конструкция.

С иронией говорит Т. Москвина о Федоре Бондарчуке:

(16) *Бондарчук целые планеты выстраивал, Сталинградскую битву выигрывал, вторжение инопланетян в Чертаново отражал!* (Москвина 2021a).

Ирония, являясь ситуативно обусловленным явлением (Прокопьева 2019: 77), в этой фразе сочетается с метонимией: так, вместо «изображал Сталинградскую битву в своем фильме» сказано *Сталинградскую битву выигрывал*.

Примечательно, что у Т. Москвиной заголовки рецензий могут включать броские развернутые авторские метафоры, смысл которых раскрывается по мере прочтения статьи: «*Фабрика грез*» Дины Рубиной *перевыполняет план*; «*Детишкино кино*» идет к вырождению.

Таким образом, метафора, содержащая в своей структуре «экспрессивный», «эмоциональный» и «оценочный» компоненты (Шатских 2021: 98), является частотным приемом, позволяющим достичь высокого перлокутивного эффекта.

Сравнение как стилистический прием усиливает внимание, способствует формированию определенных эмоций и чувств:

(17) Дина Рубина (надеюсь, что не окончательно) превратилась в фабрику, которая работает быстро, четко, определенно перевыполняет план, знакомые неустанно ставят «рассказы о жизни», а сам автор мастеровитой рукой изготавливает из сырья «литературный продукт» (Москвина 2022c).

Эффект воздействия на адресата достигается за счет использования яркого метафорического сравнения, которое более чем информативно.

Весь первый абзац одного из критических отзывов представляет собой развернутое сравнение, в рамках которого сопоставляется актерское мастерство Ивана Янковского и Константина Хабенского:

(18) Начнем с распределения ролей. Образ Карпова поручено воплощать Ивану Янковскому, который похож на своего героя, примерно как Макрон на Байдена. <...> Сводить этих артистов вместе — все равно что для поединка с боксером-тяжеловесом выпускать на ринг боксера в весе пера (Москвина 2022a).

В приведенном примере сравнение не только поясняет одно явление через другое, сопоставляя их, но и выполняет дополнительную стилистическую функцию: данный троп придает предложению иронический

оттенков. Также усиливает художественную выразительность гипербола: *боксера в весе пера*.

Обращают на себя внимание сравнительные конструкции, которые используются Т. Москвиной для создания иронии:

(19) *Некоторых персонажей по ходу действия вообще потеряли (например, Аню Чиповскую), поскольку они вообще ни для чего были не нужны. И Олег Меньшиков в крошечной бесцветной роли, как антикварный столик в хайтековском кафе-стекляшке...* (Москвина 2021a);

(20) *Предельно отточенные, обстружанные, как доски, фразы плотно пригнаны друг к другу — это вам не университетская литература с заковырыстыми культурными ассоциациями и абзацами величиной со страницу* (Москвина 2022e);

(21) *Вот Зураб Церетели даже Пушкину росту подбавил, так что он вполне монументальным получился, чуть выше Натали, потому что великий русский поэт не может быть каким-то мухортиком; так и великий советский шахматист должен выйти к народу героем и красавчиком!* (Москвина 2022a).

В последней конструкции иронический эффект создается за счет смещения разговорных слов (*подбавил, красавчик, шутливое мухортик*) с книжными (*монументальный*).

Критика может выражаться с помощью использования экспрессивных эпитетов:

(22) *В отличие от недавно вышедшей книги «Липовая жена», которая составлена из старых рассказов, «Маньяк Гуревич» — оригинальный текст, в смысле еще нигде не печатавшийся. В другом смысле его оригинальным назвать затруднительно* (Москвина 2022c).

Эта игра с разными лексическими значениями слова «оригинальный» становится ярким средством выражения иронии.

В другом тексте это же определение является положительной характеристикой субъекта:

(23) *Мэтр много лет выращивал себе преемника — Влада Фурмана, своего сына — оригинального режиссера, поставившего много спектаклей не только в театре отца* (Москвина 2021b).

Интересно, как соседством однокоренных экспрессивного эпитета *выразительное* в отношении лица и словосочетания *выражений у этого лица* усиливается иронический эффект в следующем примере:

(24) *Действительно, у Богомолова выразительное лицо. Но он не актер, и на восемь серий выражений у этого лица не хватает* (Москвина 2021a).

Эффективным средством речевого воздействия у Т. Москвиной являются антитетичные эпитеты. Автор мастерски употребляет их для выражения иронического отношения к Ивану Янковскому, сыгравшему в картине «Чемпион мира» Анатолия Карпова:

(25) ...ну ни жилочки нет советской в этом **обаятельном, симпатичном** артисте **ограниченного** диапазона (Москвина 2022а).

Ср. также:

(26) И кино — искусство довольно-таки **глуповатое**, но при этом **хитрое** (Москвина 2022f).

Экспрессивные антитетичные эпитеты *глуповатое* и *хитрое* здесь передают усилительный язвительный подтекст. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-оват* у определения «глуповатое» снимает оттенок грубости. В этом примере мы можем наблюдать, как кинокритик точно определяет кино как незатейливое, но коварное искусство, т. е. своей простотой эффективно воздействующее на сознание народа.

Или ср.:

(27) Немудреные вроде бы зарисовки жизни складываются в общую картину нашего быта-бытия — и **обаятельную** и **отталкивающую**, и **мрачную** и **забавную**... (Москвина 2022е).

Ряд эпитетов может являться средством создания положительной характеристики, а может выражать отрицательную оценку. Проиллюстрируем эти явления следующими примерами:

(28) Другое дело — Константин Хабенский (Корчной), тут **мастерской** рукой вылеплен динамический портрет **страстного, амбициозного, незаурядного** человека, **пламенного** эгоцентрика, притом национальную характерность своему герою артист умело придает одними только выражениями лица (положительная характеристика) (Москвина 2022а);

(29) Опять мнимые страдания **пластмассовых персонажей** внутри «Садового кольца» и категорическое отсутствие связи с реальной жизнью — даже этого самого «Садового кольца» (отрицательная оценка) (Москвина 2018);

(30) Подруга жены, **безалаберная дурица**, ушедшая с молодым скульптором от мужа-бизнесмена (Елена Лядова), беременеет от любовника... (отрицательная характеристика) (Москвина 2021а).

В последнем примере и определение *безалаберная*, и определяемое слово *дурица* являются разговорными сниженными лексемами, употребляемые автором специально для усиления отрицательной смысловой нагрузки.

Следует обратить внимание на еще один стилистический прием — олицетворение:

(31) *Все это, конечно, интересно, однако привязывание спорта к магической борьбе стран и систем начисто **убивает** ведь саму идею спорта.*

*Даже могучим советским людям это идеологическое давление Родины, которая якобы беспрерывно **смотрит** на тебя и **требует** подвигов, оказалось не под силу (Москвина 2022а).*

Здесь олицетворение способствует созданию иронической модальности, иронического подтекста, с помощью которого автор воздействует на реципиента, доводит до него свою точку зрения.

Также олицетворение может быть употреблено в предложениях с прямой отрицательной оценкой, которая усиливается отрицательно-оценочными эпитетами *вялые* и *скучнейшие*, а также разговорным глаголом *умять* в значении 'сократить':

(32) *Диалоги **вялые**, сюжет еле ползет (можно было бы все **умять** в две-три серии), локации **скучнейшие** (Москвина 2021а).*

Ярким примером грамматического тропа является риторический вопрос. Например, критик задает вопрос:

(33) *Чем не модель мироустройства, в котором сильные мира сего подстраивают весы Фемиды в своих интересах? (Москвина 2022а).*

Здесь мы имеем дело не с гневными обличительными обвинениями, а с внешне спокойной, но саркастической интонацией.

Критика, облаченная в риторический вопрос, звучит не так агрессивно, но при этом сохраняется мощный эффект воздействия на сознание адресата:

(34) *Проще говоря, речь ведь идет не о голодной смерти членов тейпа, а об излишках комфорта — так ведь надо, по совести-то, позаботиться о качестве своего аудиовизуального продукта, **не правда ли? Или Валерию Тодоровскому не видно убожество нового сериала, на котором стоит его «фирменное клеймо»?** (Москвина 2018);*

(35) *Актеры не виноваты, они отличные актеры, режиссер... **а там был режиссер?** (Москвина 2021с);*

(36) *Напущена некоторая туманность — видимо, будет второй сезон? **Не, ребята, вы меня потеряли. При нынешнем богатстве выбора я буду смотреть второй сезон разве по приговору суда. Не потому, что это как-то особенно плохо. Это — никак. «Детишкино кино» в полной красе** (Москвина 2021а).*

В этом примере иронический контекст наращивается за счет разговорного отрицания *не* и иронического выражения *смотреть второй сезон разве по приговору суда*.

Необычными оборотами, придающими речи выразительность и изобразительность, являются стилистические фигуры, в частности антитеза.

Антитеза может сопровождать открытое выражение авторской позиции:

(37) *У человеческой жизни есть свое достоинство, свое содержание, и отбирать всякую самостоятельность личности во имя безликого могущества как-то не вполне разумно* (Москвина 2022а).

Скрытая отрицательная оценка также может передаваться с помощью антитезы:

(38) *В общем, «Психа» смотреть — не на митинги ходить: занятие не то чтобы осмысленное, но безопасное* (Москвина 2021а).

Антитеза может выступать как экспрессивное средство выражения иронии и выражаться посредством слов-антонимов, в том числе контекстуальных (второй пример):

(39) *В главной роли — знаменитый режиссер Константин Богомолов. В неглавной роли — Олег Меньшиков.*

Год назад бесследно пропала его жена Марина, и Астафьев решил завести себе ребенка с помощью суррогатной матери. Сам он родился от естественной матери, стильной эксцентричной дамы... (Москвина 2021а).

Сарказм автор передает в антитетической конструкции, используя этикетные формы обращений (см. подробнее: [Брусенская, Куликова 2018; Куликова 2021]):

(40) *Но, возможно, господа снизойдут и до этой категории советских граждан — не из-за угрызений совести, разумеется, а по мере истощения сюжетов* (Москвина 2022а).

4. Заключение

Результаты исследования, проведенного на материале текстов Т. Москвиной, позволяют сделать вывод о том, что интенсивность речевого воздействия на реципиента обеспечивается перлокутивным эффектом, создаваемым употреблением таких языковых средств, как лексика разных стилей речи, в том числе субстандарта, фразеологизмов, метафор, сравнений, эпитетов, олицетворений, риторических вопросов, антитезы, гиперболы.

Список литературы / References

Брусенская Л. А., Барабаш В. В., Куликова Э. Г. Этико-речевые нормы современного русского языка: Монография. М.: ФЛИНТА, 2022. [Brusenskaya, Lyudmila A., Barabash, Victor V., & Kulikova, Ella G. (2022) *Etiko-rechevyye normy sovremen-nogo russkogo yazyka: Monografiya* (Ethical and Speech Norms of the Modern Russian Language: Monograph). Moscow: FLINTA. (In Russian)].

- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика. М.: Флинта-Наука, 2018. [Brusenskaya, Lyudmila A., & Kulikova, Ella G. (2018) *Ekologicheskaya lingvistika* (Ecological Linguistics). Moscow: Flinta-Nauka. (In Russian)].
- Егорова Л. Г. Приемы речевого воздействия в современном региональном медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 43. С. 30–38. [Egorova, Lyudmila G. (2018) Priemy rechevogo vozdeistviya v sovremennom regional'nom mediadiskurse (Techniques of Speech Influence in Modern Regional Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 43, 30–38. (In Russian)].
- Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта-Наука, 2009. [Issers, Oksana S. (2009) *Rechevoye vozdeystviye* (Speech Influence). Moscow: Flinta-Nauka. (In Russian)].
- Куликова Э. Г. Перспективы искусственного нормирования этикетных форм в свете идей экологической лингвистики // V Международная научно-практическая конференция «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура»: Сборник статей (22–23 апреля 2021). М.: РУДН, 2021. С. 33–38. [Kulikova, Ella G. (2021) Perspektivy iskusstvennogo normirovaniya etiketnykh form v svete idey ekologicheskoy lingvistiki (Prospects for Artificial Standardization of Etiquette Forms in the Light of the Ideas of Ecological Linguistics). In *V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'ture»*: Sbornik statey (22–23 aprelya 2021) (V International Scientific and Practical Conference “Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture”: Collection of Articles (April 22–23, 2021)). Moscow: RUDN University, 33–38. (In Russian)].
- Куликова Э. Г., Акай О. М., Тедеева З. К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. № 3 (59). С. 21–32. [Kulikova, Ella G., Akay, Oksana M., & Tedeeva, Zaira K. (2022) Sintaktika feminativov i ehkologicheskoe myshlenie (Syntactics of Femininitives and Ecological Thinking). *LUNN Bulletin*, 3 (59), 21–32. (In Russian)].
- Куликова Э. Г., Тедеева З. К. Интенциональное просторечие как ресурс медиадискурса (на примере текстов Т. Москвиной) // Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы международной научно-практической конференции (12 апреля 2023 г.). Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2023. С. 30–34. [Kulikova, Ella G., & Tedeeva, Zaira K. (2023) Intentsional'noye prostorechiye kak resurs mediadiskursa (na primere tekstov T. Moskvinoy) (Intentional Vernacular as a Resource of Media Discourse (Using the Example of T. Moskvina's Texts)). In *Yazyk i kommunikatsiya v kontekste kul'tury: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (12 aprelya 2023 g.)* (Language and Communication in the Context of Culture: Materials of the International Scientific and Practical Conference (April 12, 2023)). Rostov-on-Don: Izdatel'sko-poligraficheskiy kompleks Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH), 30–40. (In Russian)].
- Нерсесова Т. Е. Современная критическая мысль: основные тенденции // Меди@льманах. 2011. № 3. С. 39–45. [Nersesova, Tatiana Ye. (2011) Sovremennaya kriticheskaya mysl': osnovnyye tendentsii (Contemporary Critical Thought: Main Trends). *Medi@lmanakh*, 3, 39–45. (In Russian)].

- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Сборник статей. Вып. 17. Теория речевых актов / Под ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 21–128. [Austin, John. (1986) Slovo kak deystviye (Word as Action). In Gorodetsky, Boris Yu. (ed.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Sbornik statey. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* (New in Foreign Linguistics. Digest of Articles. Release. 17. Theory of Speech Acts). Moscow: Progress, 21–128. (In Russian)].
- Прокопьева Н. Н. Семантические особенности лексических единиц с эмоционально-экспрессивной пометой *ironisch* // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 48. С. 75–84. [Prokopyeva, Nadezhda N. (2019) Semanticheskiye osobennosti leksicheskikh yedinit s emotsional'no-ekspressivnoy pometoy «ironisch» (Semantic Features of Lexical Units with the Emotional-Expressive Mark *Ironisch*). *LUNN Bulletin*, 48, 75–84. (In Russian)].
- Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. [Tertychny, Alexander A. (2000) *Zhanry periodicheskoy pechati* (Genres of Periodicals). Moscow: Aspect Press. (In Russian)].
- Флоря А. В., Корносенков С. В. Слово «интеллигенция» в современном публицистическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 3. С. 265–274. [Florya, Alexander V., & Kornosenkov, Sergey V. (2008) Slovo «intelligentsiya» v sovremennom publitsisticheskom diskurse (The Word “Intelligentsia” in Modern Journalistic Discourse). *Herold of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 3, 265–274. (In Russian)].
- Хазагеров Т. Г. Экспрессивная стилистика и методика анализа художественного текста // Проблемы экспрессивной стилистики / Под ред. Т. Г. Хазагера. Ростов н/Д.: Изд. Ростовского университета, 1987. С. 47–56. [Khazagerov, Thomas G. (1987) Ekspressivnaya stilistika i metodika analiza khudozhestvennogo teksta (Expressive Stylistics and Methods of Literary Text Analysis). In Khazagerov, Thomas G. (ed.) *Problemy expressivnoy stilistiki* (Problems of Expressive Stylistics). Rostov-on-Don: Izd. Rostovskogo universiteta, 47–56. (In Russian)].
- Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. [Khazagerov, Georgiy G., & Lobanov, Igor B. (2004) *Ritorika* (Rhetoric). Rostov-on-Don: Fenix. (In Russian)].
- Шатских М. В. Метафора как базовый компонент эмоционального пространства текстового материала // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (53). С. 96–111. [Shatskih, Marina V. (2021) Metafora kak bazovyy komponent jemotsional'nogo prostranstva tekstovogo materiala (Metaphor as Basic Component of the Emotional Space of Texts). *LUNN Bulletin*, 2 (53), 96–111. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Москвица Т. «Детишкино кино» идет к вырождению // Аргументы недели. 2018. 27 июня. [Moskvina, Tatyana. (2018) «Detishkino kino» idot k vyrozhdeniyu (“Children’s Cinema” is Heading Towards Degeneration). *Argumenty nedeli*. June 27. (In Russian)].
- Москвица Т. Новый фильм «Псих» Федора Бондарчука не покажут по ТВ // Аргументы недели. 2021а. 26 января. [Moskvina, Tatyana. (2021a) Novyy fil'm «Psikh» Fedora

- Bondarchuka ne pokazhut po TV (Fyodor Bondarchuk's New Film "Psycho" Will Not be Shown on TV). *Argumenty nedeli*. January 26. (In Russian)].
- Москвина Т. На сцене Санкт-Петербургского театра имени Андрея Миронова состоялась премьера «Гамлета» // Аргументы недели. 2021b. 23 ноября. [Moskvina, Tatyana. (2021b) Na stsene Sankt-Peterburgskogo teatra imeni Andrey Mironova sostoyalas' prem'year «Gamleta» (The Premiere of "Hamlet" Took Place on the Stage of the St. Petersburg Theater Named After Andrei Mironov). *Argumenty nedeli*. November 23. (In Russian)].
- Москвина Т. Сериал «Тайны следствия» продолжается 21 год // Аргументы недели. 2021с. 21 декабря. [Moskvina, Tatyana. (2021c) Serial «Tayny sledstviya» prodolzhayetsya 21 god (The Series "Secrets of the Investigation" has Been Going on for 21 Years). *Argumenty nedeli*. December 21. (In Russian)].
- Москвина Т. Вышел в прокат фильм Алексея Сидорова «Чемпион мира» // Аргументы недели. 2022a. 11 января. [Moskvina, Tatyana. (2022a) Vyshel v prokat fil'm Aleksey Sidorova «Chempion mira» (Alexey Sidorov's Film "World Champion" Was Released). *Argumenty nedeli*. January 11. (In Russian)].
- Москвина Т. Фильм Адама МакКея «Не смотрите наверх» оказался сатирической моделью будущего человека // Аргументы недели. 2022b. 18 января. [Moskvina, Tatyana. (2022b) Fil'm Adama Makkeya «Ne smotrite naverkh» okazalsya satiricheskoy model'yu budushchego cheloveka (Adam McKay's film "Don't Look Up" Turned out to be a Satirical Model of the Future Man). *Argumenty nedeli*. January 18. (In Russian)].
- Москвина Т. «Фабрика грез» Дины Рубиной перевыполняет план // Аргументы недели. 2022с. 25 января. [Moskvina, Tatyana. (2022c) «Fabrika gryoz» Diny Rubinoy perevypolnyayet plan ("Dream Factory" by Dina Rubina Exceeds the Plan). *Argumenty nedeli*. January 25. (In Russian)].
- Москвина Т. В России выросла популярность советского кино // Аргументы недели. 2022d. 9 марта. [Moskvina, Tatyana. (2022d) V Rossii vyroslo populyarnost' sovetского кино (The Popularity of Soviet Cinema has Grown in Russia). *Argumenty nedeli*. March 9. (In Russian)].
- Москвина Т. Вышла в свет книга следователя Сергея Кубрина «Виноватых бьют» // Аргументы недели. 2022e. 29 марта. [Moskvina, Tatyana. (2022e) Vyshla v svet kniga sledovatelya Sergeya Kubrina «Vinovatykh b'yut» (Investigator Sergei Kubrin's Book "They Beat the Guilty" has been Published). *Argumenty nedeli*. March 29. (In Russian)].
- Москвина Т. Фильм о советском боксере Валерии Попенченко «Мистер Нокаут» вышел в прокат в России // Аргументы недели. 2022f. 12 апреля. [Moskvina, Tatyana. (2022f) Fil'm o sovetskom boksere Valerii Popenchenko «Mister Nokaut» vyshel v prokat v Rossii (A Film about the Soviet Boxer Valeria Popenchenko "Mr. Knockout" was Released in Russia). *Argumenty nedeli*. April 12. (In Russian)].
- Москвина Т. Завершился показ сериала сценариста и режиссера Алены Званцовой «Никто не узнает» // Аргументы недели. 2022g. 26 апреля. [Moskvina, Tatyana. (2022g) Zavershil'sya pokaz seriala stsenarista I rezhissera Aleny Zvantsovoy «Nikto ne uznayet» (The Screening of the Series "Nobody Will Know" by Screenwriter and Director Alena Zvantsova has Ended). *Argumenty nedeli*. April 26. (In Russian)].

УДК 81-25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-116-130

ОБЗОР СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА: ТЕРМИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПРАГМАТИКА

С. В. Стародубов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия

В статье анализируются особенности судебного перевода. В первом разделе приводятся предпосылки изменения ситуации в области судебного перевода в постсоветской России. Распад Советского Союза и образование на его бывшей территории новых республик привели к радикальному изменению социально-экономических реалий. Больше всего в этом смысле пострадали республики Средней Азии, в результате чего происходит массовый отток населения из этих республик в РФ. Это способствует в том числе обострению криминогенной обстановки и повышению актуальности услуг судебного перевода. Во втором разделе приводятся требования, предъявляемые к судебному переводчику, среди которых точность и полнота перевода, нейтралитет, профессионализм, конфиденциальность. В третьем разделе обозначены особенности ситуации судебного перевода и то, как они влияют на ход и результат переводческого процесса. В последнем разделе представлен краткий анализ конкретных примеров влияния прагматических факторов на судебно-переводческую деятельность. В качестве примеров приведены фрагменты стенограммы зарубежных судебных заседаний.

Ключевые слова: судебный перевод; требования к судебному переводчику; прагматика судебного перевода.

Цитирование: Стародубов С. В. Обзор судебного перевода: термины, особенности, прагматика // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 116–130. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-116-130.

An Overview of Court Interpreting: Terms, Features, and Pragmatics

Stanislav V. Starodubov

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

The article analyzes specific features of court interpreting. The first part of the article describes a number of factors that led to changes in the field of court interpreting in the Russian Federation after the collapse of the USSR. The collapse of the Soviet Union and the formation of new republics on the territory of the former USSR led to a radical change in socio-economic realities, and, in a sense, the republics of Central Asia suffered the most, since the situation resulted in a massive migration from these countries to the Russian Federation. This has also contributed

to aggravation of crime and, consequently, to an increased demand for court interpreting services. The second part of the article outlines standards and requirements for court interpreters, including accuracy and completeness of translation, neutrality, professionalism, and confidentiality. The third part of the article outlines specific features of the court interpreting situation and their influence on the process and outcomes of court interpreting. The final part presents a brief analysis of specific examples of how pragmatic factors influence court interpreting activities, based on fragments of transcripts of foreign court hearings.

Key words: court translation; requirements for a court translator; pragmatics of court translation.

Citation: Starodubov, Stanislav V. (2024) An Overview of Court Interpreting: Terms, Features, and Pragmatics. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 116–130. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-116-130.

1. Введение

После распада Советского Союза в значительной степени изменилась ситуация в области судопроизводства. Очевидно, что это объясняется определенными социальными и экономическими процессами, дезинтеграцией некогда целостного государства, которые привели к тому, что в некоторых бывших союзных республиках стали нарастать неблагоприятные социально-экономические явления, среди которых бедность и безработица. В частности, это относится к республикам Средней Азии. Так, по данным Международного валютного фонда, в 2022 году внутренний валовый продукт Узбекистана составил \$ 8452, Кыргызстана — \$ 5186, Таджикистана — \$ 3922. Для сравнения: ВВП Литвы составил \$ 42 091 на душу населения (Салаев 2022).

Изменения произошли и в Российской Федерации. Дело в том, что судебный перевод в СССР был ограниченной опцией (Винников 2013: 89). После распада Советского Союза право на переводчика было законодательно гарантировано иноязычным участникам судебного процесса (Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 № 1807-1 (последняя редакция)). В Уголовно-процессуальном кодексе (Ст. 59 УПК РФ. Переводчик), Кодексе об административных правонарушениях (Ст. 25.10 КоАП РФ. Переводчик) и Арбитражно-процессуальном кодексе (Ст. 57 АПК РФ. Переводчик) содержатся определения переводчика. В частности, в УПК РФ содержится следующее определение: «Переводчик — лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» (Ст. 59 УПК РФ. Переводчик). У исследователей возникает ряд закономерных вопросов к подобному определению. По логике перевод представляет собой процесс, который предполагает использование не одного, а по крайней мере двух языков. Кроме того,

не вполне ясно положение о свободном владении языком, «знание которого необходимо для перевода». Во-первых, достаточно ли просто «знания» языка для осуществления перевода? Во-вторых, что значит «свободное владение языком»? Кто определяет степень владения языком? Иными словами, вопросов к данному определению предостаточно.

В. Д. Зеленский и С. В. Швец предлагают следующее определение переводчика, которое, по их мнению, должно содержаться в УПК РФ: «Переводчик — это лицо, привлеченное к участию в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном настоящим Кодексом, свободно владеющее языками, знание которых необходимо для осуществления перевода, а также навыками перевода» (Зеленский, Швец 2014: 169). Это определение представляется нам более логичным в сравнении с тем, что содержится в УПК РФ.

Приведем некоторые определения судебного переводчика, которые используются в западных странах, в частности в США. Прежде стоит отметить, что как таковые определения переводчика встречаются не так часто; в основном сразу пишут о требованиях, предъявляемых к деятельности судебного переводчика. Тем не менее на сайте американской юридической компании *FindLaw* содержится следующая дефиниция: «Судебный переводчик — участник судебного процесса, осуществляющий устный перевод сказанного свидетелем либо другой стороной в ходе судебного заседания с английского языка на какой-либо другой и наоборот» (*здесь и далее перевод наш.* — С. С.) (*FindLaw Legal Dictionary. Court Interpreter*). Есть и другие примеры. Судебный совет Калифорнии подготовил законопроект, в котором можно найти определение сертифицированного переводчика. Согласно этому законопроекту, сертифицированный переводчик — «это лицо, владеющее навыками устного последовательного, синхронного перевода, а также перевода с листа с английского языка на язык участника процесса, не владеющего английским, и наоборот» (*Judicial Council of California — Knowledge, Skills and Abilities Essential for Court Interpretation*).

2. Характеристика материала исследования

В качестве теоретической основы исследования используются работы, посвященные особенностям судебного перевода, а также нормативные акты, регламентирующие деятельность судебного переводчика. Для практического анализа проблем, возникающих в процессе осуществления судебного перевода, и возможных способов их решения использованы стенограммы судебных заседаний.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Требования к судебному переводчику

Что касается требований, предъявляемых к судебному переводчику в США, то они различаются от штата к штату. Например, в штате Мэриленд переводчики проходят одну программу подготовки и отбор переводчиков там происходит по одним требованиям, тогда как в Неваде требования несколько иные (How to become a Court Interpreter in Maryland; How to become an Interpreter for Nevada Courts).

В отечественной литературе также предлагались определенные требования к деятельности судебного переводчика. А. В. Винников представил следующий перечень:

Конфиденциальность. Переводчик должен держать в тайне информацию, которая стала ему известна из материалов судебных заседаний. Под действие этого требования попадают многие возможные эпизоды взаимодействия судебного переводчика с другими участниками судебного процесса. В частности, в ходе перевода допроса переводчик не должен сообщать допрашивающему какую-либо информацию о допрашиваемом, а равно и наоборот.

Нейтралитет. Переводчик должен быть беспристрастным. Он должен играть роль независимого языкового посредника, не демонстрировать каких-либо чувств к кому-либо из участников судебного процесса. Кроме того, если переводчик ощущает на себе влияние высказываний какой-либо из сторон судебного процесса, то он обязан сообщить об этом суду. Между тем чуть позже мы увидим, что на самом деле переводчик не может быть абсолютно нейтральным и беспристрастным, а это, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на ход и результат переводческой деятельности.

Точность и полнота перевода. Переводчик должен переводить все в полном объеме, включая нецензурные слова и выражения, если таковые использовались иноязычным участником судебного процесса. Здесь важно подчеркнуть, что с точки зрения представителей юридического сообщества точным переводом является именно буквальный (или даже буквалистский), пословный перевод. Следует отметить, что подобный перевод может быть применим не всегда, поскольку в ряде случаев, ввиду различий между языками, могут потребоваться трансформации вплоть до целостных преобразований. Мы считаем, что это необходимо донести до представителей юридического сообщества, а также объяснить, что определенные переводческие операции, приемы или трансформации могут быть необходимы для сохранения смысла сказанного. Иными словами, иногда ради сохранения смысла сказанного необходимо пожертвовать его формой.

Профессионализм. Переводчик всегда должен тщательно готовиться к своей работе, он должен быть наделен правом требования всей необходимой информации по делу. Переводчик четко должен знать границы своей роли, если потребуется, то он разъясняет эту информацию другим участникам судебного заседания. Переводчику запрещается преступать границы своей роли и выполнять функции других участников судебного заседания. Эти положения также вызывают критику, поскольку не очень понятно, в чем конкретно состоит роль судебного переводчика и где ее границы. Не вполне ясно, когда мы можем говорить, что переводчик соблюдает границы своей роли, а когда — что преступил их.

Тактичное поведение. Также имеет отношение к этике судебного перевода. Переводчик должен иметь чувство такта и уважительно относиться к каждому из участников судебного процесса (Винников 2023).

Х. Миккельсон приводит шесть требований к деятельности судебного переводчика (Mikkelsen 1998). В целом можно говорить о том, что эти требования перекликаются с таковыми у А. В. Винникова, хотя в перечне Х. Миккельсон содержатся два дополнительных требования:

Профессионализм и повышение квалификации. Суть заключается в том, что переводчику необходимо всегда «идти в ногу со временем», заниматься самообразованием, постоянно совершенствоваться и оттачивать переводческие навыки, взаимодействовать с коллегами. В ряде штатов (например, в Калифорнии) установлен специальный контроль над профессиональным развитием / совершенствованием переводчиков — каждые два года они отчитываются о новых достижениях.

Сертификация. Требование заключается в сдаче специальных сертификационных экзаменов для переводчиков. Экзамены нужны для проверки навыков письменного и устного перевода, знания основ законодательства, а также положений этических кодексов судебного перевода.

Но чтобы понять, как именно эти требования приложимы к переводчику, который погружен в ситуацию судебного перевода, необходимо перечислить ключевые особенности ситуации судебного перевода.

3.2. Особенности ситуации судебного перевода

Мы считаем, что к существенным параметрам ситуации судебного перевода можно отнести следующие:

Особый вид дискурса.

Ситуация судебного заседания отличается повышенной «строгостью» и формальностью, что предопределяет особенности поведения коммуникантов — участников судебного процесса. Одной из характеристик судебного дискурса можно считать его полиморфизм, или многоаспект-

ность. Судебный дискурс включает в себя вопросы далеко не только юридического характера, но и ряда других областей. Например, существуют разные виды экспертиз: лингвистическая, криминалистическая, биологическая, геологическая и т. д. (Евсиков 2009). Из этого следует, что судебному переводчику необходимо уметь ориентироваться в самых разных областях. В этом состоит отличие судебного перевода от специального перевода, например медицинского или технического перевода: судебный переводчик должен уметь быстро переключаться между различными областями знания, быть готовым к тому, что ситуация может измениться в любой момент, а значит, нужно уметь адаптироваться к происходящим изменениям. В этой связи можно говорить не столько о предпереводческом, сколько о переводческом анализе: в ситуации судебного перевода переводчик всегда анализирует информацию, способен тонко улавливать малейшие возникающие флуктуации и изменения, поскольку без этого, на наш взгляд, постоянное обеспечение адекватного перевода будет невозможным.

Многоаспектность судебного дискурса ведет к усложнению роли судебного переводчика, что предполагает наличие у переводчика дополнительных знаний и компетенций. Как пишет С. Хейл, судебный переводчик должен обладать не только такими качествами, как билингвизм (знание двух языков) и бикультурализм (знание о двух культурах). Важно, чтобы у переводчика была соответствующая практика, уровень подготовки и необходимое образование, без чего переводчик не может ориентироваться в ситуации судебного перевода и даже становится уязвимой фигурой (Hale 2004).

М. Кадрич называет судебного переводчика «универсальным экспертом по вопросам межкультурной коммуникации». Она пишет, что переводчик должен уметь переводить не только внешнюю, лингвистическую, оболочку высказывания, но также имплицитную информацию, то есть такую, которая скрыта внутри высказывания. Имплицитная информация может включать в себя культурные отсылки, юридические тонкости и т. д. (Kadric 2009: 29).

Особый характер ситуации судебного перевода определяется своеобразной традицией проведения судебного заседания. Если этические кодексы судебного перевода в США предписывают переводить все, что говорится в суде, в полном объеме, то, например, в Австрии перевод может осуществляться в сокращенном формате, особенно когда озвучиваются результаты экспертиз. Судья также может попросить переводчика перевести «покороче», передавать только главный смысл, суть высказывания,

когда иноязычный коммуникант начинает изъясняться многословно и странно (Nartowska 2014: 73).

Биполярный характер коммуникации, осуществляемой по оси «конфронтация — сотрудничество».

Судебный перевод, равно как и другие виды перевода, не существует сам по себе, в отрыве от коммуникантов — участников ситуации судебного перевода. Напротив, это вещи взаимосвязанные. А. Д. Французова пишет о том, что характер речи в рамках судебного заседания рассматривается через призму дихотомии «монолог — диалог» (Французова 2021: 59). Диалог определяется не «числом субъектов вербальной коммуникации», а «сущностью — развитием, процессуальностью и интенциональностью на обмен смыслами» (Универсальюк 2009: 198). Безусловно, эпизоды, когда участники судебного процесса рассказывают об обстоятельствах дела в свободной форме, можно теоретически назвать монологическими высказываниями. С другой стороны, подобные высказывания всегда ориентированы на слушателей (Лазарева, Шестакова 2018: 39), обладают чертами процессуальности, могут быть прерваны другими участниками судебного процесса, что отражает их адаптивность к реакциям реципиентов. Следовательно, монологоподобные реплики следует считать особыми формами судебного диалога.

Биполярность находит свое отражение в самой ситуации судебного противоборства — сторона обвинения против стороны защиты. Биполярность, таким образом, оказывает влияние на роль судебного переводчика. Он, по меткому выражению Х. Вальтера, является солдатом между двух огней (Вальтер 2014). С одной стороны, переводчик является помощником суда, возможно, даже стороны обвинения, государственного прокурора. С другой стороны, переводчик может быть и «помощником» подсудимого. Конечно, переводчик должен соблюдать нейтралитет, быть беспристрастным. Но переводчик — это человек, а человеку свойственна эмпатия. Эмпатия переводчику необходима не для того, чтобы пытаться «покрывать» подсудимого путем осуществления заведомо неправильного перевода, что, кстати говоря, согласно статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, является уголовно наказуемым деянием (Ст. 307 УК РФ). Идея в другом: необходимо установить вербальный и эмоциональный контакт с подсудимым. Противоположным «полусом» взаимодействия между переводчиком и подсудимым является конфронтация. Но здесь важно отметить, что одной из задач переводчика является налаживание коммуникации, что включает в себя скрупулезную работу по идентификации надвигающихся коммуникативных неудач (и их предотвращению), а также преодоление

возникающих проблем, связанных с обрывом коммуникации. Переводчик как бы балансирует между этими двумя крайностями и старается найти некий оптимум, который позволит ему в равной степени «сотрудничать» как с судом, так и с подсудимым, или, говоря в целом, с иноязычным коммуникантом.

Необходимость формирования единой предметной действительности в сознании коммуникантов.

В судебном заседании могут участвовать очень разные коммуниканты. У них может быть разный уровень образования, культурный уровень, они могут обладать неодинаковым объемом знаний об окружающем мире, быть представителями разных религий, мировоззрений и идеологий. В этих условиях переводчик моделирует представления коммуникантов, стремится привести их к общему знаменателю. Безусловно, речь здесь не идет о некоем уравнивании коммуникантов, важно именно обеспечить одинаковое понимание коммуникативной ситуации судебного перевода. Необходимо, чтобы все понимали происходящее в зале суда, иначе могут возникнуть определенные казусы, или, выражаясь иначе, коммуникативные неудачи. Переводчик опять-таки стремится предотвратить вышеназванные проблемы.

Расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более краткий, «сухой» в отношении судьи.

Расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта необходим по той причине, что иноязычный коммуникант, скорее всего, будет являться неспециалистом в той сфере, в которой он оказался. Применительно к ситуации судебного перевода это означает, что иноязычный коммуникант (например, подсудимый) может не разбираться в юриспруденции, особенностях судопроизводства, а также во многих смежных областях. Следовательно, переводчик иногда, как мы считаем, может позволить себе определенные дополнительные пояснения или намеренные упрощения (симплификацию), когда переводит речь судьи или прокурора в адрес подсудимого. При этом переводчик должен воздерживаться от слишком подробных разъяснений, то есть он не должен выполнять функцию правового консультанта, чтобы не выходить за рамки отведенной ему роли. В адрес судьи перевод может быть более «причесанным»: лаконичным, несколько сокращенным. Представители юридического сообщества, конечно, будут возражать против подобной тактики, однако, как уже мы говорили выше, она является реальностью в Австрии и, вероятно, во многих других странах. Кроме того, переводчик может повышать стилистический регистр сказанного подсудимым.

Особый статус судебного переводчика.

Необходимо различать «формальный» и «фактический» статусы судебного переводчика. С точки зрения «формального» статуса переводчика можно отнести к иным участникам судебного процесса, выполняющим вспомогательные задачи (Обидина, Обидин 2018: 23). Но можно ли то же самое сказать о фактической роли судебного переводчика? Мы считаем, что отнесение переводчика к «другим» участникам процесса не означает его автоматической запасной роли. Начнем с того, что без переводчика судебное заседание просто не состоится. Именно во власти переводчика находится обеспечение коммуникации между судом и иноязычным коммуникантом. Кроме того, роль судебного переводчика воспринимается остальными участниками противоположным образом. Если для судей переводчик — «необходимое зло», то подсудимый может даже возлагать какие-то надежды на переводчика, поскольку переводчик владеет языком подсудимого и, что весьма вероятно, является представителем той же культуры. В этом тоже усматривается определенная биполярность ситуации судебного перевода, о которой мы говорили выше. Плюс ко всему переводчик как бы балансирует в рамках судебного заседания между разными сторонами, он не ассоциирует себя ни с одной из них. В этом смысле переводчика также можно считать особым участником судебного процесса.

В зарубежной литературе предлагались различные классификации ролей судебного переводчика (Viljanmaa, Mantynen 2017; Lebesse 2015; Laster, Taylor 1995). На основании этих классификаций можно выделить некоторые общие моменты:

- переводчик как помощник (помогает коммуникантам понять друг друга);
- переводчик — невидимый канал связи (переводчик незаметно для других конвертирует высказывания на одном языке в высказывания на другом);
- переводчик — фасилитатор коммуникации (переводчик активно участвует в налаживании коммуникации);
- билингвально-бикультуральная роль (переводчик обладает знаниями о разных языках и культурах, он пользуется этими знаниями);
- переводчик — лингвистический фасилитатор;
- переводчик в роли канала («мостика») коммуникации.

Выше были представлены характерные особенности ситуации судебного перевода. Они же в комбинации с особенностями социального перевода как такового (а мы считаем, что судебный перевод является одной из разновидностей перевода в социальной сфере) могут рассматриваться

в качестве прагматических факторов, оказывающих влияние на ход и результат переводческой деятельности. Вновь кратко их перечислим:

- особый вид дискурса;
- биполярный характер коммуникации, осуществляемой по оси «конфронтация — сотрудничество»;
- необходимость формирования единой предметной действительности в сознании коммуникантов;
- расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более краткий, «сухой» в отношении судьи;
- особый статус судебного переводчика;

Рассмотрим влияние этих факторов в конкретных ситуациях в рамках следующего раздела.

4. Заключение: влияние прагматических факторов на судебный перевод

Рассмотрение прагматических факторов, влияющих на процесс и результат судебного перевода, невозможно без учета формантов самой коммуникативной ситуации, в которой этот перевод (впрочем, как всякий иной) осуществляется. Судебный переводчик погружается в коммуникативную ситуацию судебного заседания, учитывая в своей работе все ее особенности. Это обстоятельство полностью соответствует коммуникативно-функциональному подходу к переводу, который в настоящее время утверждается в российском переводоведении (Сдобников 2009).

Мы уже говорили о том, что ситуация судебного перевода характеризуется особым видом дискурса. Это предполагает знание переводчиком не только тонкостей юридического характера, но и других областей, а также способность переводчика донести эту информацию до иноязычного коммуниканта, который, как мы уже говорили, является непрофессионалом в той сфере, в которой он оказался, а сама ситуация является для него непривычной. В результате переводчик прибегает к определенной симплификации сказанного судьей или прокурором в адрес иноязычного подсудимого. Это можно проиллюстрировать следующим примером:

(1) Magistrate: *Attempted theft, possession of stolen property and receiving stolen property.*

Interpreter: *O lekile go di utswa, o di amogetse e le gore ba go file tsona o ntse o itse gore di utswitswe. Motlhomong ba di beile mo wena e le gore wena wa itse gore di utswitswe. Wa utlwisisa.*

Back translation: *You tried to steal them, you received them and they gave them to you and you knew that they are stolen. Maybe they put them at you place and you knew that they are stolen.*

Accused: *Eya, ke a tlhaloganyana.*

Back translation: *Yes, I understand.*

Interpreter: *Understood, your worship* (приводится по [Lebese 2013: 69–70]).

Приведем перевод данного фрагмента стенограммы судебного заседания:

Судья: *Попытка хищения, хранение похищенного имущества и приобретение похищенного имущества.*

Переводчик: *Вы попытались украсть их* (речь идет об утюгах. — С. С.), *вы приобрели их, вам их отдали, и вы знали, что они краденые. Возможно, они положили их на ваше место, а вы знали, что их (= утюги) украли.*

Подсудимый: *Да, я понимаю.*

Переводчик: *Понятно, Ваша честь.*

Следующий пример показывает, что коммуникация в рамках судебного заседания протекает в русле биполярности:

(2) Prosecutor: *After the accused stabbed the deceased, how far did the deceased walk before he fell?*

Interpreter: *Morago ga gore molatofadiwa a tlhabe moswi, moswi o tsamaile sekga se se kana kang pele a wa?*

Backtr: *After the accused stabbed the deceased, what distance did the deceased walk before he fell?*

Witness: *O tsamaile go tloga fa, go fitlha fale* (witness indicating a distance).

Backtr: *He walked from here to there* (witness pointing a distance).

Interpreter: (+ *Your worship*) *the deceased walked from here to there (+ before he fell). (+ It is about three meters).* [adds words]

Magistrate: *Yes, but that is not the evidence before this court. Mr. Prosecutor, what is the distance which the witness has pointed out?*

Prosecutor: *It about three metres, your worship.*

Magistrate: *Advocate, are you in agreement?*

Advocate: *Indeed so, your worship.*

Magistrate: *Thank you. You may proceed PP (Public Prosecutor)* (приводится по [Lebese 2011: 350]).

Перевод:

Прокурор: *После того как обвиняемый нанес погибшему ножевое ранение, как далеко прошел погибший, прежде чем упал?*

Обратный перевод (прокурор): *После того как обвиняемый нанес погибшему ножевое ранение, какое расстояние прошел погибший, прежде чем упал?*

Обратный перевод (свидетель): *Он прошел от этого и до этого места* (свидетель показывает расстояние).

Переводчик: (+ *Ваша честь*) *погибший прошел от этого и до этого места (+ прежде чем упал). (+ Это около трех метров)* [добавляет слова].

Судья: *Да, но это не считается за доказательство. Господин прокурор, какое расстояние указал свидетель?*

Прокурор: *Около трех метров, Ваша честь.*

Судья: *Адвокат, Вы согласны?*

Адвокат: *Да, именно так, Ваша честь.*

Судья: *Спасибо. Господин государственный обвинитель, Вы можете продолжать.*

Перевод происходит в сугубо официальной обстановке, что учитывается переводчиком, когда он добавляет слова «Ваша честь». Переводчик стремится к «сотрудничеству» с судьей, поэтому делает дополнительные пояснения относительно расстояния, указанного подсудимым. Но тут возникает коммуникативный сбой, поскольку судья не удовлетворился переводом. Это свидетельствует о биполярном характере коммуникации: переводчик как бы балансирует между двумя сторонами. И хотя в рамках судебного заседания недопустимы приблизительные формулировки (поскольку важна точность сказанного), переводчик действовал сообразно обстановке и пытался создать единую предметную действительность в сознании коммуникантов. Другое дело, что расширительный перевод необходимо было осуществлять в отношении свидетеля, но не судьи. Тем не менее, как видно из вышеприведенного примера, ситуация недопонимания относительно точного расстояния была исчерпана, поэтому можно говорить о том, что переводчик угадал расстояние. Как ни странно, иногда переводчику важна интуиция. Переводчики в подобных случаях даже говорят о своеобразном механизме вероятностного прогнозирования.

Наконец, случаются ситуации, когда на первый план выходит особый статус судебного переводчика. В примере ниже судья, узнав, что подсудимый впервые участвует в судебном заседании, попросил переводчика разъяснить подсудимому его права. Строго говоря, это обязанность судьи, но он «делегировал» эту обязанность переводчику. Переводчик, выполняя эту задачу, выходит за рамки традиционной переводческой роли, что вновь указывает на особый статус судебного переводчика:

(3) Prosecutor: *Your worship, this is a first appearance.*

Magistrate: *Mr. Interpreter, please explain the accused's rights* (приводится по [Lebese 2011: 348]).

Таким образом, мы обозначили конкретные причины для изменения судебно-переводческой ситуации в Российской Федерации, рассмотрели характерные особенности ситуации судебного перевода как разновидности перевода в социальной сфере и проанализировали примеры влияния прагматических факторов на ход и результат переводческого процесса.

Список литературы / References

- Вальтер Х. Переводчик на судопроизводстве: солдат между двух огней? // *Rossica Olomucensia*. Vol. LIII: Casopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1. Olomouc: Univ. Palackého v Olomouci, 2014. № 18. 17–24. [Valter, Harry. (2014) Perevodchik na sudoproizvodstve: soldat mezhdv dvuh ognej? (Interpreter at Trial: a Soldier Between Two Fires?) In *Rossica Olomucensia*. Vol. LIII: Casopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1. Olomouc: Univ. Palackého v Olomouci. 2014. № 18. 17–24. (In Russian)].
- Винников А. В. О мировых закономерностях полицейского и судебного перевода // *Евразийская адвокатура*. 2013. № 1 (2). С. 89–103. [Vinnikov, Andrey V. (2013) O mirovyh zakonmernostyah policejskogo i sudebnogo perevoda (On the Global Patterns of Police and Court Interpreting). *Eurasian advocacy*, 1 (2), 89–103. (In Russian)].
- Винников А. В. Перевод в судебном уголовном процессе: методологические рекомендации [Электронный ресурс] // Группа компаний «Открытый мир», 25.10.2023. URL: // <https://www.otkrmir.ru/perevod-v-sudebnom-ugolovnom-processe/> (дата обращения: 10.03.2024). [Vinnikov, Andrey V. (2023) (2024, March 10) Perevod v sudebnom ugolovnom processe: metodologicheskiye rekomendatsii (Translation in Criminal Proceedings: Methodological Recommendations). *Open World Group of Companies*. Retrieved from <https://www.otkrmir.ru/perevod-v-sudebnom-ugolovnom-processe/> (In Russian)].
- Евсиков К. С. Классификация судебных экспертиз // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. Тула: ТулГУ, 2009. Вып. 2. Ч. II. С. 321–323 [Yevsikov, Kirill S. (2009) Klassifikaciya sudebnyh ekspertiz (Classification of Forensic Examinations). In *News of the Tula State University. Economics and legal sciences*. Tula: TSU. Vol. 2, Part II, 321–323. (In Russian)].
- Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 № 1807-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 11.03.2024). [Zakon RF «O yazykah narodov Rossijskoj Federacii» ot 25.10.1991 № 1807-1 (poslednyaya redakciya). (2024, March 11) (Law of the Russian Federation “On the Languages of the Peoples of the Russian Federation” dated October 25, 1991 № 1807-1 (latest edition). (In Russian)].
- Зеленский В. Д., Швец С. В. Некоторые вопросы судебного перевода // *Общество и право*. 2014. № 2 (48). С. 166–169. [Zelenskiy, Vladimir D., & Shvec, Sergey V. (2014)

- Nekotorye voprosy sudebnogo perevoda (Some Issues of Court Interpreting). *Society and Law*, 2, 166–169. (In Russian)].
- Лазарева В. А., Шестакова Л. А. Судебная речь по уголовному делу: Учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2018. [Lazareva, Valentina A., & Shestakova, Lyubov A. (2018) *Sudebnaya rech po ugovolnomu delu: ucheb. posobie* (Judicial Speech in a Criminal Case: Textbook). Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta. (In Russian)].
- Обидина Л. Б., Обидин Е. А. Участие переводчика в доказывании по уголовным делам: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. [Obidina, Ludmila B., & Obidin, Evgeniy A. (2018) *Uchastie perevodchika v dokazyvanii po ugovolnym delam: Monografiya* (Participation of an Interpreter in Evidence in Criminal Cases: Monograph). Nizhny Novgorod: Publishing house of UNN. (In Russian)].
- Салаев Э. Рейтинг стран бывшего СССР по ВВП [Электронный ресурс] // Sputnik Азербайджан. 06.01.2022. URL: <https://az.sputniknews.ru/20220106/rejting-stran-byvshego-sssr-po-vvp-437869671.html> (дата обращения: 09.03.2024). [Salayev, El'nur. (2022) (2024, March 09) *Rejting stran byvshego SSSR po VVP* (Rating of Countries of the Former USSR by GDP). *Sputnik Azerbaijan*. Retrieved from <https://az.sputniknews.ru/20220106/rejting-stran-byvshego-sssr-po-vvp-37869671.html>. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 19–30. [Sdobnikov, Vadim V. (2009) *Kommunikativno-funktsional'nyi podkhod k perevodu v rossiiskom perevodovedenii* (Communicative-Functional Approach to Translation in the Russian Theory of Translation). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2, 19–30. (In Russian)].
- Ст. 25.10 КоАП РФ. Переводчик [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/509d8caf98586da564926201afe7d53e7b716dfd/ (дата обращения: 09.03.2024) [St. 25.10 КоАП RF. *Perevodchik* (2024, March 9) (Art. 25.10 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Translator). (In Russian)].
- Ст. 307 УК РФ. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e8cae43fadb59a5be90789ce95775ae05e5a89f8/ (дата обращения: 07.03.2024) [St. 307 UK RF. *Zavedomo lozhnye pokazanie, zaklyuchenie eksperta, specialista ili nepravil'nyj perevod* (2024, March 7) (Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. Knowingly false testimony, expert or specialist opinion, or incorrect translation). (In Russian)].
- Ст. 57 АПК РФ. Переводчик [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/df959801f4afb25cec11667437c055a90f9214f4/#:~:text=РФ%20Статья%2057.-,Переводчик,порядке%2С%20которые%20предусмотрены%20настоящим%20Кодексом. (дата обращения: 08.03.2024) [St. 57 APK RF. *Perevodchik* (2024, March 8) (Art. 57 Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. Translator). (In Russian)].
- Ст. 59 УПК РФ. Переводчик [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/76eddc7871ddd8e9d3541669f9b9b7c7c70acc33/ (дата обращения: 09.03.2024) [St. 59 UPK RF. *Perevodchik* (2024, March 9) (Art. 59 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Translator). (In Russian)].

- Универсальюк Е. А. Когнитивно-дискурсивные аспекты интерпретации социального диалога // Языковая реальность познания: Сб. науч. тр. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 195–213. [Universalyuk, Elena A. (2009) Kognitivno-diskursivnye aspekty interpretacii socialnogo dialoga (Cognitive-Discursive Aspects of the Interpretation of Social Dialogue). In *Linguistic Reality of Cognition: Sb. nauch. tr.* Irkutsk: IGLU. (In Russian)].
- Французова А. Д. Коммуникативные неудачи в устном судебном переводе: лингвосемиотический аспект (на материале шведского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2021. [Francuzova, Anna D. (2021) *Kommunikativnye neudachi v ustnom sudebnom perevode: lingvosemioticheskij aspekt (na materiale shvedskogo i russkogo yazykov)* (Communicative Failures in Court Interpreting: Linguo-Semiotic Aspect (Based on the Swedish and Russian Languages): PhD Thesis in Philology. Arhangelsk. (In Russian)].
- FindLaw Legal Dictionary. (2024, March 8) Court Interpreter. Retrieved from: <https://dictionary.findlaw.com/definition/court-interpreter.html>.
- Hale, Sandra. (2004) *The interpreter's identity crises*. Paper presented at the first Conference of the International Association for Translation and Intercultural Studies: Translation and Construction of Identity, Seoul, South Korea, 11–14 August 2004.
- How to become a Court Interpreter in Maryland. (2024, March 8) Retrieved from: <https://courts.state.md.us/interpreter/faq>.
- How to become an Interpreter for Nevada Courts. (2024, March 8) Retrieved from: https://nvcourts.gov/AOC/Programs_and_Services/Court_Interpreter/For_Public/For_Public/.
- Knowledge, Skills and Abilities Essential for Court Interpretation. (2024, March 9) Judicial Council of California. Retrieved from: <http://www.courts.ca.gov/documents/KSAs.pdf>.
- Kadric, Mira. (2009) *Dolmetschen bei Gericht. Erwartungen — Anforderungen — Kompetenzen*. Wien: facultas.wuv Universitätsverlag. (In German).
- Laster, Kathy, & Taylor, Veronica L. (1995) The Compromised “Conduit”: Conflicting Perceptions of Legal Interpreters. *Criminology Australia*, Vol. 6, Issue 4, 9–14.
- Lebese, Samuel J. (2011) A Pilot Study on the Undefined Role of Court Interpreters in South Africa. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies Journal*, 29 (3), 343–357.
- Lebese, Samuel J. (2013) *The Undefined Role of Court Interpreters in South Africa*. Pretoria: University of South Africa.
- Lebese, Samuel J. (2015) Formulation of Court Interpreting Models: A South African Perspective. *Stellenbosch Papers in Linguistics*, Vol. 44, 61–80.
- Mikkelsen, Holly. (1998) Towards a Redefinition of the Role of the Court Interpreter. *Interpreting: International Journal of Research and Practice in Interpreting*, 3 (1), 21–45.
- Nartowska, Karolina. (2014) Court Interpreter: Lawyer, Psychiatrist, Director or Actor? In: Kierzkowska, Danuta (ed.) *New Tasks For Legal Interpreters and Translators in the Enlarged Europe*. Proceedings from the international conference, Kraków, 3–5 April 2013. Warszawa, Kraków: The Polish Society of Sworn and Specialised Translators TEPIŚ, 69–79.
- Viljanmaa, Anu, & Mantynen, Anna. (2017) “This is the way I have to act”: In search of court interpreter’s ethics and role understanding In Liimatainen, Annikki, Nurmi, Arja, Kivilehto, Marja et al. (eds.) *Legal translation and court interpreting: Ethical Values, Quality, Competence Training*. (Forum für Fachsprachen-Forschung; 140). Berlin: Frank & Timme, 149–178.

УДК 81 '27

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-131-145

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ «ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ» И «ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА» В МЕДИЙНОМ ОТРАЖЕНИИ

Н. М. Усенко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

Языковая политика, которая традиционно рассматривается в качестве совокупности правил и действий, определяющих стабильность и динамику функционирования языков, а также уровней конкретного языка, описывается в огромном массиве классических и современных исследований. В многочисленных толкованиях терминологического словосочетания «языковая ситуация» отмечено, что имеется в виду распределение разных форм существования языка или нескольких языков, которые обслуживают этническую (полиэтническую) общность. В статье проанализированы языковая ситуация в отечественной лингвокультуре и один из аспектов современной языковой политики, а именно — тренд на отказ от англизации. Показано, насколько противоречиво отражаются современные языковые процессы в отечественных медиа, что очевидным образом манифестирует ценностный конфликт. Материалом для статьи стали фрагменты медийных текстов 2022–2023 гг., так или иначе связанных с проблемой иноязычных заимствований и англоязычного влияния на русскую лингвокультуру XXI века.

Исследование выполнено на пересечении социолингвистического и когнитивно-семиологического подходов к языковым фактам; применялся контекстуально-интерпретационный и лингвопрагматический анализ языкового материала. Анализ медийных материалов, посвященных вербальному импортозамещению, позволяет думать, что тотальная мода на иноязычное начинает уступать место взвешенному, функционально оправданному использованию заимствований. Языковая ситуация прошедших тридцати лет оценивается отрицательно. В понятии языковой ситуации облигаторно учитываются формы существования языков в социуме, разновидности взаимовлияния языковых систем, что детерминирует комплексность изучения, в частности учет динамических изменений и прогноз дальнейшего развития.

Как известно, помимо традиционной лингвистики, ориентированной на прецедент, успешно развивается проективная лингвистика, цель которой состоит в том, чтобы определить, какие целенаправленные действия необходимы для совершенствования языка. Поправки к закону о языке, принятые в 2023 году на основании объективного анализа языковой ситуации, есть проявление действенной языковой политики. Вербальное импортозамещение как социокультурный процесс станет успешным при совместных усилиях административных органов, образования и медиа, и, помимо общей культуры речи, реальностью станет культура использования иноязычного слова.

Ключевые слова: социолингвистика; медиадискурс; языковая ситуация; языковая политика; языковые контакты; лингвистическая прагматика; иноязычные заимствования; вербальное импортозамещение.

Цитирование: Усенко Н. М. Социолингвистические категории «языковая ситуация» и «языковая политика» в медийном отражении // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 131–145. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-131-145.

Sociolinguistic Categories “Language Situation” and “Language Policy” as Reflected in the Media

Natalia M. Usenko

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Language policy, traditionally understood as a set of rules and actions which determine the stability and dynamics of the functioning of both languages and levels of a particular language, is described in a vast array of classical and modern studies. In their numerous interpretations of the terminological phrase “linguistic situation,” researchers note that it refers to the distribution of different forms of existence of a language or several languages used by an ethnic (multiethnic) community. The article analyzes the linguistic situation in the Russian linguistic culture and one of the aspects of Russia’s modern language policy, namely the trend towards abandoning Anglicization. The author proves how inconsistently modern language processes are reflected in domestic media, which obviously manifests a value conflict. The article is based on fragments of media texts, published in 2022–2023 and connected with the problem of foreign language borrowings and English-language influence on Russian linguistic culture in the 21st century. The study was carried out at the intersection of sociolinguistic and cognitive-semiological approaches to linguistic facts and employed contextual-interpretative and linguistic-pragmatic analysis of linguistic material. The analysis of media texts about verbal import substitution suggests that total fashion for foreign languages is beginning to give way to a more balanced and functionally reasonable use of borrowings. The language situation of the past thirty years is given a largely negative evaluation.

The author’s understanding of the concept of the linguistic situation necessarily takes into consideration both forms in which languages exist in society and varieties of mutual influence of these language systems. All this predetermines the comprehensive nature of the study ensuring that, among other things, it includes a description of ongoing changes and a forecast for further development – especially since, in addition to traditional precedent-oriented linguistics, we have seen a successful emergence of projective linguistics, whose purpose is to determine necessary targeted actions to improve language. The 2023 amendments to the Law on the State Language of the Russian Federation, developed on the basis of fact-based analysis of the current language situation, are a manifestation of an effective language policy. Verbal “import substitution” as a socio-cultural process will be successful in the event of joint efforts of administrative authorities, education, and media, so that, in addition to an improved culture of Russian language speech, there develops a better culture of using foreign borrowings.

Key words: sociolinguistics; media discourse; language situation; language policy; language contacts; linguistic pragmatics; foreign language borrowings; verbal import substitution.

Citation: Usenko, Natalia M. (2024) Sociolinguistic Categories “Language Situation” and “Language Policy” as Reflected in the Media. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 131–145. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-132-146.

1. Введение

В многочисленных толкованиях терминологического словосочетания «языковая ситуация» отмечено, что имеется в виду распределение разных форм существования языка или нескольких языков, которые обслуживают этническую (полиэтническую) общность (см. подробную библиографию вопроса в работах: [Горячева 2003; Чурилова, Федорова 2017; Щеглова 2017; Михальченко 2021]). При этом подчеркивается особая динамичность языковой ситуации и ее зависимость от экстралингвистических факторов, а также то обстоятельство, что языковая ситуация является следствием определенной языковой политики.

Языковая политика, которая традиционно рассматривается в качестве совокупности правил и действий, определяющих стабильность и динамику функционирования языков, а также уровней конкретного языка, описывается в огромном массиве классических и современных исследований (Аврорин 1973; Donahue 1995; Мечковская 2000; Солганик 2010; Алпатов 2013; Ножевникова, Формозов 2018; Биткеева 2021 и др.). Выработано общее мнение о том, что «эффективная языковая политика должна соответствовать ряду параметров, выбор которых подразумевает планирование гармоничной языковой ситуации: комплексность, адекватность, историчность, полилингвальность, демократичность» (Биткеева 2021: 214). Однако по ряду частных позиций социолингвистики мнения оказываются не просто различными, а диаметрально противоположными, исключаящими друг друга. Это касается ситуации с англоязычным влиянием на современный русский язык.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для статьи стали фрагменты медийных текстов 2022–2023 гг., так или иначе связанных с проблемой иноязычных заимствований и англоязычного влияния на русскую лингвокультуру XXI века. Исследование выполнено на пересечении социолингвистического и когнитивно-семиологического подходов к языковым фактам; применялся контекстуально-интерпретационный и лингвопрагматический анализ языкового материала.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В работах, посвященных современным языковым контактам, доказывалось, что русский язык XXI века испытал беспрецедентное иноязычное влияние, превосходящее по своим масштабам то, что было в Петровскую эпоху или в XIX веке. Говорится о реальности Рунглиша (*RunGLISH*), представляющего собой своеобразный гибрид английского и русского языка, а также подобных ему результатов креолизации, пиджинизации: Спанглиш (*Spanish English*), Чинглиш (*Chinese English*), Денглиш (*Deutsch English*) — см.: (Ножевникова 2018: 133). Оценки языковой ситуации варьируются: с одной стороны, постулируется объективный характер глобализационных процессов, которые непродуктивно оценивать по шкале «пейоративность / мелиоративность», а с другой стороны, утверждается эмоционально-аксиологический подход к «размыванию границ» русского языка. Многие авторы (Kravchenko, Voiko 2013; Бойко 2016; Фахрутдинова 2019; Бондаренко 2019, 2020; Кравченко 2021; Брусенская, Котаева 2022; Куликова, Акай, Тедеева 2022; Куликова, Тедеева 2022, 2023 и др.) пишут не просто о заимствовании, но об англизации, то есть внедрении моделей, характерных для англо-американской языковой и духовной культуры, причем отмечают «агрессивный» характер этого процесса. Даже англоязычные междометия представляются далеко не безобидным явлением. В положениях на защиту докторской диссертации Т. В. Шкапенко (2018) говорится о массовом включении инокультурных междометий в состав русского интеръективного фонда. Это может способствовать фиксации новых элементов в парадигматике и синтагматике единиц, аксиологически эмотивно и культурно маркированных единиц, определяющих отдельные параметры коммуникативного поведения, а опосредованно — изменений в прагматических характеристиках современной русской языковой картины мира. Там же отмечается, что «интеръектив *vaу*, употребляемый преимущественно в рекламном и развлекательном дискурсе, выполняет функцию приучения индивида к низшим, сенсорным формам эмоциональной оценки, способствует формированию рефлекса потребления и акцентуации личности на гедонистических ценностях» (Шкапенко 2018: 12).

Противоположная точка зрения апеллирует к способности языка «самоочищаться», отвергать ненужное и сохранять необходимое (Кронгауз 2021), из чего следует, что любое вмешательство извне в языковые процессы неправомерно.

Всего несколько лет назад не вызывало особых возражений следующее утверждение: «Говоря о современном влиянии англо-американской лингвокультуры на русскую, необходимо помнить, что русская корпора-

тивная культура полностью ориентируется на американскую, которая у современного носителя русского языка ассоциируется с высокими стандартами ведения дел, лучшими мировыми образцами» (Григорян 2014: 111). Сегодня подобные утверждения очевидным образом контрастируют как с прагматикой, так и с фактическим содержанием большинства СМИ. В телешоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» от 16 ноября 2023 года политолог Дмитрий Дробницкий сказал, что администрация Джо Байдена похожа на сумасшедших из триллера «Обитель проклятых», поставленного по мотивам новеллы Эдгара Аллана По. Там по сюжету психически больные люди смогли заточить настоящих врачей и персонал в подвалы, взяли власть в свои руки и изображают врачей и руководство клиники. По мысли Д. Дробницкого, это чрезвычайно опасная ситуация для всего мира. Сегодня в важнейших российских СМИ всячески подчеркивается неспособность властей США, и прежде всего президента Байдена, к адекватным действиям:

(1) *Старый маразматик, который, к несчастью, стоит (хоть и не очень твердо) во главе США, обратился к нации. Про маразм это не фигура речи. В своей речи «сонный Джо» вдруг заявил... будто родился в Израиле. <...> Дед мямлит, что помощь Украине не оскудеет. Но жалкое шамканье Байдена — символ угасающей мощи «града на холме»... (Союзное вече, 27 октября — 2 ноября 2023 г.);*

(2) *Байден хвалил себя, в том числе за то, как внимательно он относится к своему окружению... Старый маразматик выдал очередную глупость (Собеседник, 2023, № 5);*

(3) *Дед с идиотской улыбкой — о Байдене (телепередача канала «Россия» Вечер с Владимиром Соловьевым от 21 июня 2023 г.);*

(4) *...никто из топ-чиновников его администрации, включая порой не вполне вменяемую вице-президентишу Харрис, не представляют собой самостоятельную силу (Завтра, 2023, № 2).*

То есть очевидно, что вследствие геополитических процессов в корне изменилось речевое оформление информации, связанной с международной политикой.

Итак, к экстралингвистическим условиям, которые сегодня активно влияют на языковую ситуацию и языковую политику, относятся экономические санкции против РФ и СВО. Уже с 2014 года провозглашен курс на импортозамещение, и этот термин стал «актуальной» (Тарасова, 2018: 76), имеющей отношение не только к экономике, но и ко многим другим сторонам общественной жизни — туризму, кино, театру, телевидению (ср. медийные рубрики «Импортозамещение» или «Культурное импорто-

замещение», в материалах которых речь идет о давлении импортной потребительской культуры, преобладавшей в последние десятилетия, и о том, каким образом можно и нужно от этого избавиться).

Особой проблемой в эпоху СВО и противостояния всему НАТО стало вербальное импортозамещение (или импортоочищение). Совершенно ясно, что в условиях современных геополитических изменений мода на английский язык и функционально неоправданные заимствования есть мощный фактор влияния (Гусейнова 2017). Отношение к иноязычным заимствованиям — толерантное или интолерантное — всегда зависело от социокультурных и политических обстоятельств (ср. антифранцузское языковое движение как ответ на Наполеоновские войны, резкое неприятие иноязычного в сталинскую эпоху борьбы с космополитизмом или, напротив, безудержную ксенофилию с наступлением посттоталитарной свободы в 90-е гг. XX в.).

Как известно, в феврале 2023 года Госдума приняла поправки к закону «О государственном языке» сразу во втором и третьем чтениях. В поправках речь идет об ограничении иноязычных слов, прежде всего — в официально-деловых текстах. Рассмотрим подробнее, как медиа отреагировали на языковую ситуацию и попытку с помощью целенаправленной языковой политики противостоять англоизации русской речи.

По нашим наблюдениям, «Литературная газета», «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Культура», «Завтра», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» и даже «Экспресс-газета» активно публикуют материалы, в которых с разной степенью экспрессивности и категоричности подчеркивается необходимость освободить русский язык (в разных его сферах — от языка науки до языка коммерческой рекламы) от излишних англицизмов. Приведем характерную пространную цитату, где англоамериканизмы в речи расцениваются как фактор политического влияния:

(5) Изоциренный обман скрыт и в заимствованиях низкого пошиба. Если вдуматься, чужезяз (и в первую очередь — англояз) вовсе не манна небесная, а свод посланий с четкой программой антироссийских действий.

Сегодня невозможно отрицать: язык наш за последние десятилетия утратил треть своих корней, переполнился рабско-креольскими словечками и выражениями. Как покорные овцы, следуем мы за пастухом-англоязом, наполняя ему в угоду нелепым бляньем великую русскую речь. «Нет проблем»: вычурное словцо «проблемы» вместо резких «трудностей» — самообман, от решения трудностей как раз и уводящий. «Тайм из мани» («время — деньги», англ. — Ред.): внутри выражения — торговля бесценным временем и призыв к ростовщичеству. Еще хуже англо-русские помеси. «Диджитализация пенсионеров» — звучит угрожающе: не на

кладбище ли гонят? «У меня фулл чекап» (не сходит с уст дошлых телеведущих) — чванливая спесь по отношению к простому русскому: полное обследование.

А если серьезно — под шумок образовался язык в языке. И язык этот, как липкий гнус, плотно залепил наш мозг дурными энергиями! Русская речь, ясное дело, бунтует, наглым налетам сопротивляется. Но пока эту языковую войну проигрывает.

Чужая речь — это речь побежденных. Языком, состоящим из несвойственных нашему сознанию понятий, легко управлять. С помощью инородных слов можно сломать хребет нации, переустроить ее, заставить быть «другой». Вот почему сегодняшние речегубцы — завтрашние губители страны. Отсюда ясно: без очищенной от чужеземия речи и всей системы языка полной победы на фронтах внутренних и внешних не жди! (Литературная газета, 2023, № 32).

Наиболее часто в медиа обсуждается англизация городской топонимики, эргономики, коммерческой рекламы, неймов и брендов:

(6) *...объясните мне, почему тотально в наших городах надо писать на вывесках «safe» вместо «кафе» и довольно неблагозвучное слово «shop» вместо «магазин»? Не говоря уже о полчищах франчайзингов и мерчендайзингов, оккупировавших наши СМИ (Московский комсомолец, 6 июня 2023 г.).*

Преобладающая интонация таких публикаций — это ирония по отношению к латинице на вывесках:

(7) *Люблю я иной раз прошвырнуться по району, на вывески поглядеть. Вот элегантный Nail-service — не какой-нибудь там банальный маникюр. Сверкает острым креативом реклама обычной мужской парикмахерской Britva. Кто не понял — по-нашему брадобрейня (Комсомольская правда, 14 ноября 2023 г.).*

Игры с латинскими литерами писатель Виктор Пелевин считал «пошлейшей приметой нашего времени»; у многих авторов возникали ассоциации с гоголевским иностранцем Василием Фёдоровым, ср.:

(8) *Очень уж у нас активизировалась деятельность дурацкого демона по имени «иностранец Василий Фёдоров». Помните первую главу «Мертвых душ» Гоголя, когда Чичиков приезжает в город? «Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью “Иностранец Василий Фёдоров”...». Вот этот иностранец Василий Фёдоров теперь всю определяет стиль нашей жизни. Бурно и рьяно, гораздо эффективней, чем во*

времена Гоголя. <...> Просто удивительно, с каким упорством подделываются формы западной цивилизации при полном игнорировании ее сути. Как будто замена простодушного кофе с молоком на пизжонское «американо со сливками» принесет непереносимое счастье. <...> Надену тишотку и лоферы, пойду выпью смузи... Нет, не надену. Буду упрямо добиваться уголков идентичности. <...> Ничего, отстояли конфеты «Белочка», вернем и кофе с молоком (Т. Москвина «Привет privet, народ narod!»).

Т. Москвина объединила публикации в журнале «Панорама TV», «самого многотиражного телегида Петербурга», в одной книге, в которой резко отрицательно оценивается недавно введенная практика дублирования названий улиц:

(9) ...стоит рядом с надписью «Василеостровская» немыслимая «Vasileostrovskaya», так это обязательно так и надо. Для приезжих. Не учить же им кириллицу, они люди цивилизованные, и при виде кириллицы у них сразу начинается мигрень и диарея одновременно. <...> И теперь, внимание, вопрос: а с какой стати мы стелемся перед иностранцами в низком почтительном поклоне? Почему так исступленно думаем об их удовлетворении? Мы что — колония, чтобы пояснять язык диких аборигенов для настоящих господ? <...> Это означает — для меня — некий дефицит самоуважения. С какой стати затеялся и осуществился этот лакейский прогиб — имена своих улиц писать на чужом языке, в родном народном троллейбусе на английском квакать? (Т. Москвина «Привет privet, народ narod!»)

По нашим наблюдениям, только одно издание — газета «Собеседник» — в своих публикациях последовательно противостоит идее вербального импортозамещения и тем самым манифестирует ценностный конфликт (Брусенская, Котаева 2022). В этой газете есть ироническая рубрика «Тоска почета» (аллюзия к Доска почета), где обозначаются политики, медийные персонажи, отличившиеся каким-либо высказыванием, которое газета считает достойным осмеяния:

(10) Рубрика «Тоска почета»

Борис Чернышев

За англиш

Вице-спикер Госдумы предложил законодательно запретить объявления в самолетах на английском языке на внутренних рейсах. По мнению депутата, слова in English «создают звуковой и визуальный шум». Так и сказал, что бы это ни значило. Вообще, если честно, звукового и еще какого угодно шума гораздо больше от депутатов Госдумы, так они еще и дурацкие законы придумывают (Собеседник, 2023, № 35);

(11) Рубрика «Тоска почета»

Андрей Климов

За чистоту

Полку «славянофилов» прибыло за счет главы сенатской комиссии по защите государственности, который заявил, что из русского языка надо «вычищать» иностранные слова. Сделал он это под впечатлением от лекции студентам в одном из уральских вузов, которую ему пришлось читать в «коворкинге». Еще одним неприятным открытием для Климова стало то, что студенты называют общежития «коливингами». И он тут же предложил свои варианты, от которых отчетливо повеяло «хорошильщизной», идущей по «гульбищу» (Собеседник, 2022, № 41).

Ср. также:

(12) Депутаты вновь вознамерились причинить поправки закону о государственном языке и ряду других нормативных актов.

В который раз — я уже сбилась со счета, в который — им не дают покоя иностранные слова в письменной форме, которые все еще смеют показываться на глаза россиянам.

Теперь, как заявила одна из авторов инициативы, глава комитета по культуре Елена Ямпольская, «должно стать невозможным использование на вывесках и витринах таких надписей как, например, coffee, fresh, sale, shop, open и т. п.», хотя что тут такого?

Некоторую ясность вносит пояснительная записка, где говорится, что «рекламные щиты, вывески на магазинах, названия жилых комплексов... повсеместно пестрят привлекающими внимание иностранными словами». Теперь понимаете?! Привлекают, гады, внимание! Все должно быть серым и неприметным! Россия для грустных! Видимо, крамолу будут скрывать, а виновных нещадно штрафовать...

Вообще, в сопроводительных документах к законопроекту депутаты очень много пишут про защиту и поддержку великого и могучего. Откровенно говоря, непонятно, как маленькая вывеска про кофе, булочки или мороженое может угрожать языку, на котором говорят 258,2 млн человек? Или авторы опасаются, что жители какого-нибудь жилкомплекса «Шервуд» дружно уйдут в Робин Гуды и присоединятся к НАТО? (Собеседник, 2023, № 42).

Откровенно манипулятивный характер этого фрагмента текста формируется заведомо ложными суждениями типа *им не дают покоя иностранные слова в письменной форме, которые все еще смеют показываться на глаза россиянам*. Речь ведь не идет о тотальном запрете иноязычных единиц, но лишь о разумном регулировании процесса

заимствования, ибо дерусификации во всех ее проявлениях, в том числе в сфере языка, конечно, необходимо противодействовать. Должна присутствовать «пространственная» поддержка языка, то есть «человек должен быть окружен информацией на родном языке: вывесками, наименованиями, объявлениями, газетами, телевидением, радио» (Биткеева 2021: 223). И перечисленные издания, которые активно поддерживают и продвигают поправки к закону о русском языке, касающиеся меры использования иноязычных единиц, вовсе не «вычищают» свои тексты от функционально оправданных англицизмов, в том числе и нетранслитерированных макаронизмов. Последние, как известно, олицетворяют целую философию взаимопроникновения культур, ибо иноязычное слово облегчает течение мысли. В этом случае на первый план выступает эстетическая функция макаронизмов, которая позволяет достичь расширения смысловых границ текста, передать информацию со сложной «многослойной» структурой (Урсул 2012); ср.:

(13) *Но шоу маст гоу он, и вот уже вбросы, фейки и эмоциональная раскачка заполняет все социальные сети* (Литературная газета, 2023, № 44).

Анализ медийных материалов, посвященных вербальному импортозамещению, позволяет думать, что тотальная мода на иноязычное начинает уступать место взвешенному, функционально оправданному использованию заимствований. Языковая ситуация прошедших тридцати лет оценивается отрицательно: *...в 1990-е и 2000-е годы по русскому языку был нанесен очень сильный лингвистический удар. Сейчас постепенно от вредных влияний надо освобождаться, но при этом не спешить* (Культура, 2023, № 23), и значит, языковая политика, направленная на изменение ситуации, признается конструктивной.

5. Заключение

В понятии языковой ситуации obligatorно учитываются формы существования языков в социуме, разновидности взаимовлияния языковых систем, что детерминирует комплексность изучения, в частности учет динамических изменений и прогноз дальнейшего развития. Как известно, помимо традиционной лингвистики, ориентированной на прецедент, успешно развивается проективная лингвистика, цель которой состоит в том, чтобы определить, какие целенаправленные действия необходимы для совершенствования языка. Поправки к закону о языке, принятые в 2023 году на основании объективного анализа языковой ситуации, есть проявление действенной языковой политики, под воздействием которой «иностранец Василий

Фёдоров» должен, наконец, уйти в прошлое. Вербальное импортозамещение как социокультурный процесс станет успешным при совместных усилиях административных органов, образования и медиа, и, помимо общей культуры речи, реальностью станет культура использования иноязычного слова.

Список литературы / References

- Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 8–28. [Alpatov, Vladimir M. (2013) Yazykovaya politika v sovremennom mire (Language Policy in Modern World). *Scientific Dialogue*, 5 (17): Philology, 8–28). (In Russian)].
- Аврорин В. А. Языковая ситуация как предмет социальной лингвистики // Изв. Сибир. отд. АН СССР. Серия обществ. наук. 1973. № 11. Вып. 3. С. 126–130. [Avrorin, Valentin A. (1973) Yazykovaya situatsiya kak predmet sotsial'noi lingvistiki (The Linguistic Situation as a Subject of Social Linguistics). *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya Obshchestvennykh Nauk* (Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Social Sciences Series), 11, Vol. 3, 8–28). (In Russian)].
- Биткеева А. Н. Языковая политика // Социоллингвистика. 2021. № 2 (6). С. 213–226. [Bitkeeva, Aisa N. (2021) Yazykovaya politika (Language Policy). *Sociolinguistics*, 2 (6), 213–226). (In Russian)].
- Бойко С. А. Когнитивный анализ англицизмов с точки зрения ориентирующей функции языка (на материале текстов современной российской рекламы): Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2016. [Boiko, Svetlana A. (2016) Kognitivnyi analiz anglicizmov s tochki zreniya orientiruyushchei funktsii yazyka (na materiale tekstov sovremennoi rossiiskoi reklamy): Dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk. (Cognitive Analysis of Anglicisms from the Point of View of the Orienting Function of Language (Based on the Texts of Modern Russian Advertising). PhD Thesis in Philology. Irkutsk. (In Russian)].
- Бондаренко О. Р. Англизация коммуникативного пространства России: что дальше? // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (819). С. 22–34. [Bondarenko, Olga R. (2019) Anglizatsiya kommunikativnogo prostranstva Rossii: chto dal'she? (Anglicization of the Russian Communication Space: What's Next?). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3 (819), 22–34. (In Russian)].
- Бондаренко О. Р. Современная дилемма: овладение английским языком и сохранение русскоязычной идентичности? // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 6–12. [Bondarenko, Olga R. (2020) Sovremennaya dilemma: ovladenie angliiskim yazykom i sokhranenie russkoyazychnoi identichnosti (Modern Dilemma: Mastering English and Preserving Russian-Speaking Identity). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 6–12. (In Russian)].
- Брусенская Л. А., Котаева А. Р. Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке XXI века // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60).

- С. 24–38. [Brusenskaya, Lyudmila A., & Kotaeva, Alena R. (2022) Tsennostnyi konflikt i problema inoyazychnykh zaimstvovaniy v russkom yazyke XXI veka (Value Conflict and the Problem of Foreign Language Borrowings in the Russian Language of the 21st Century). *LUNN Bulletin*, 4, 24–38 (In Russian)].
- Горячева М. А. Типология языковых ситуаций: Российская Федерация: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. [Goryacheva, Mariya A. (2003) Tipologiya yazykovykh situatsii: Rossiiskaya Federatsiya: Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. (Typology of Language Situations: Russian Federation). PhD Thesis in Philology. Moscow. (In Russian)].
- Григорян А. Э. Следы американского лингвокультурного влияния в русском языке и речи // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 107–115. [Grigoryan, Artem E. (2014) Sledy amerikanskogo lingvokul'turnogo vliyaniya v russkom yazyke i rechi (Traces of American Linguistic and Cultural Influence in the Russian Language and Speech). *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 3, 107–115. (In Russian)].
- Гусейнова И. А. Мода на язык как способ реализации «мягкой силы» в условиях современных геополитических изменений // Язык и мода: Сб. статей / Отв. ред. Н. Н. Трошина. М.: Институт науч. инф. по общ. наукам РАН, 2017. С. 28–48. [Guseinova, Innara A. (2017) Moda na yazyk kak sposob realizatsii «myagkoi sily» v usloviyakh sovremennykh geopoliticheskikh izmenenii (Fashion for Language as a Way to Implement “Soft Power” in the Context of Modern Geopolitical Changes) In *Yazyk i moda: Sb. statey / Otiv. red. N. N. Troshina* (Language and Fashion: Collection of articles / ed. by Natalia N. Troshina). Moscow: Institut nauch. inf. po obshch. naukam RAN, 28–48. (In Russian)].
- Кравченко А. В. Открывая язык заново: от нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. М.: ЛЕНАРД, 2021. [Kravchenko, Aleksandr V. (2021) *Otkryvaya yazyk zanovo: ot nerealistichnoi lingvistiki k real'noi nauke o yazyke* (Rediscovering Language: from Unrealistic Linguistics to the Real Science of Language) Moscow: LENARD, 2021. (In Russian)].
- Кронгауз М. А. Язык, когда мы не регламентируем его, не вмешиваемся, — мудрее нас // Культура. 25 февраля 2021 г. С. 13. [Krongauz, Maksim. (2021) Yazyk, kogda my ne reglamentiruem ego, ne vmeshivaemsya, — mudree nas (Language, When we do not regulate it, do not interfere, is wiser than we). *Kul'tura*. February 25, 2021, 13. (In Russian)].
- Куликова Э. Г., Акай О. М., Тедеева З. К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. № 3 (59). С. 21–32. [Kulikova, Ella G., Akay, Oksana M., & Tedeeva, Zaira K. (2022) Sintaktika feminitivov i ehkologicheskoe myshlenie (Syntactics of Femininitives and Ecological Thinking). *LUNN Bulletin*, 3 (59), 21–32. (In Russian)].
- Куликова Э. К., Тедеева З. К. Аббревиация в контексте нюансирования новых смыслов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. № 4 (60). С. 51–62. [Kulikova, Ella G., & Tedeeva, Zaira K. (2022) Abbreviatsiya v kontekste nyuansirovaniya novykh smyslov (Abbreviation in the Context of New Meaning Nuance). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 51–62. (In Russian)].

- Куликова Э. Г., Тедеева З. К. Эйджизм как новый стандарт политической полемики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 4 (60). С. 82–92. [Kulikova, Ella G., & Tedeeva, Zaira K. (2023) Ehidzhizm kak novyi standart politicheskoi polemiki (Ageism As a New Standard of Political Polemics). *LUNN Bulletin*, 3, 82–92. (In Russian)].
- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000. [Mechkovskaya, Nina B. (2000) *Sotsial'naya lingvistika* (Social Linguistics). Moscow: Aspekt-Press, 1999. (In Russian)].
- Михальченко В. Ю. Языковая ситуация // Социолингвистика. 2021. Вып. 3 (7). С. 116–120. [Mikhal'chenko, Vida. (2021) Yazykovaya situatsiya (The Language Situation). *Sociolinguistics*, 3 (7), 116–120. (In Russian)].
- Ножневникова Е. Г., Формозов С. Б. «Рунглиш» в языковой среде современной России // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы второго международного научно-образовательного форума 25–26 сентября 2018 г. / Отв. за выпуск проф. М. А. Викулина. Н. Новгород: НГЛУ, 2018. С. 133–141. [Nozhevnikova, Elena G., & Formozov, Sergei B. (2018) «RunGLISH» v yazykovoï srede sovremennoi Rossii (“RunGLISH” in the Language Environment of Modern Russia)]. In *Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost': Materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma 25–26 sentyabrya 2018 g.* / Otiv. za vypusk prof. Marya A. Vikulina (Language Policy and Linguistic Security: Materials of the Second International Scientific and Educational Forum on September 25–26, 2018 / Publications Assistant for the Issue by Prof. Maria A. Vikulina). Nizhny Novgorod: NGLU, 133–141. (In Russian)].
- Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 122–134. [Solganik, Grigori Ya. (2010) Sovremennaya yazykovaya situatsiya i tendentsii razvitiya russkogo literaturnogo yazyka (The Current Linguistic Situation and Trends in the Development of the Russian Literary Language). *Lomonosov Journalism Journal*, 5, 122–134. (In Russian)].
- Тарасова М. С. Актуальная лексика периода экономических санкций 2014–2017 гг. «Импортозаместительный»: семантика, употребление, коннотации // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 76–83. [Tarasova, Marianna S. (2018) Aktual'naya leksika perioda ehkonomicheskikh sanktsii 2014–2017 gg. «Importozamestitel'nyĭ»: semantika, upotreblenie, konnotatsii (Current Lexis of the Economic Sanctions 2014–2017 period. “Import substitution”: Semantics, Usage, Connotations). *Political Linguistics*, 3 (69), 76–83. (In Russian)].
- Урсул Н. В. Развитие макаронизмов в британской культуре // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 3–11. [Ursul, Natal'ya V. (2012) Razvitie makaronizmov v britanskoi kul'ture (The Development of Macaronisms in British Culture). In *Lingvostranovedenie: Metody analiza, tekhnologiya obucheniya* (Linguistics: Methods of Analysis, Learning Technology). Moscow: MGIMO-Universitet, 3–11. (In Russian)].
- Фахрутдинова М. Т. Особенности процесса англизации современного русского языка // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 5. С. 247–254. [Fakhrutdinova, Mimoza T. (2019) Osobennosti protsessa anglizatsii sovremennogo russkogo yazyka (Features of the Modern Russian Language Anglicization Process). *Modern Studies of Social Issues*, Vol. 11, 5, 247–254. (In Russian)].

- Чурилова И. Н., Федорова М. А. История и содержание понятия «языковая ситуация» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 2. С. 192–194. [Churilova, Irina N., & Fedorova, Mariya A. (2017) Istoriya i sodержanie ponyatiya «yazykovaya situatsiya» (The History and Content of the Concept “Language Situation”). *Philology. Theory & Practice*, 7 (73), Part 2, 192–194. (In Russian)].
- Шкапенко Т. М. Интеракционально-прагматические функции междометий (на материале заимствованных англо-американских интеръективов в современном русском языке): Дис. ... д-ра филол. наук. Калининград, 2018. [Shkapenko, Tat'yana M. (2018) *Interaktsional'no-pragmaticheskie funktsii mezhdometii (na materiale zaimstvovannykh anglo-amerikanskikh inter'ektivov v sovremennom russkom yazyke)*: Dis. ... d-ra filol. nauk. Kaliningrad. (Interactive and Pragmatic Functions of Interjections (Based on Borrowed Anglo-American Interjections in Modern Russian). PhD Thesis in Philology. Kaliningrad. (In Russian)].
- Щеглова И. В. Языковая ситуация: определение понятия, пути изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (74). С. 172–175. [Shcheglova, Inna V. (2017) Yazykovaya situatsiya: opredelenie ponyatiya, puti izucheniya (Language Situation: definition of the concept, ways of learning). *Philology. Theory & Practice*, 8 (74), 172–175. (In Russian)].
- Donahue, Thomas S. (1995) American Language Policy and Compensatory Opinion. In Tollefson, James W. (ed.) *Power and Inequality in Language Education*. Cambridge: Cambridge University Press, 112–141.
- Kravchenko, Alexander V., & Boiko, Svetlana A. (2013) Anglicisms in Russian in the Context of the orientational function of language. *Book of Proceedings: International Symposium on Language and Communication*. 17–19 June, Izmir, Turkey: Ataturk University Publications, 233–246.

Источники языкового материала / Language material resources

- Аграновский Д. Возвращение русского // Московский комсомолец, 6 июня 2023, С. 3 [Agranovskii, Dmitrii. (2023) Vozvrashchenie russkogo (The Return of the Russian). *Moskovskii komsomolets*, June 6, 3. (In Russian)].
- Гужева Н. Опасный Coffee Shop // Собеседник. 2023. № 42. С. 3. [Guzheva, Nadezhda. (2023) Opasnyi Coffee Shop (Dangerous Coffee Shop). *Sobesednik*, 42, 3. (In Russian)].
- Дед с идиотской улыбкой... // Вечер с Владимиром Соловьевым, 21 июня 2023 [Ded s idiotskoi ulybkoi... (2023) (Grandfather With an idiotic smile...). *Vecher s Vladimirom Solov'evym*. June, 21. (In Russian)].
- Долгарева А. Рейтинг на неврозе // Литературная газета. 2023. № 44. С. 4. [Dolgareva, Anna (2023) Reiting na nevroze (Rating on Neurosis). *Literaturnaya gazeta*, 44, 4. (In Russian)].
- Дробницкий Д. ...администрация Джо Байдена похожа на сумасшедших из триллера «Обитель проклятых» // Вечер с Владимиром Соловьевым, 16 ноября 2023. [Drobnitskii, Dmitrii. (2023) ... administratsiya Dzho Baidena pokhozha na sumasshedshikh iz trillera «Obitel' proklyatykh» (... Joe Biden's Administration is like the madmen from the thriller “The Abode of the Damned”). *Vecher s Vladimirom Solov'evym*. November, 16. (In Russian)].
- Евсеев Б. Несуверенная речь // Литературная газета. 2023. № 32. С. 6. [Evseev, Boris. (2023) Nesuverennaya rech' (Unsovereign Speech). *Literaturnaya gazeta*, 32, 6. (In Russian)].

- Зайцев К.* Гараж-гейт // Завтра. 2023. № 2. С. 2. [Zaitsev, Kirill. (2023) Garazh-geit (Garage Gate). *Zavtra*, 2, 2. (In Russian)].
- Москвина Т.* Привет privet, народ narod! СПб.: Издательство К. Тублина, 2021. [Moskvina, Tat'yana. (2021) Privet privet, narod narod! (Hello Privet, Narod People!. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo K. Tublina. (In Russian)].
- Панюков М.* Полоумный президент сравнил ХАМАС с Россией // Союзное вече. Газета парламентского собрания союза Беларуси и России. 27 октября — 2 ноября 2023 г. С. 8. [Panyukov, Mikhail. (2023) Poloumnyi prezident sravnil KHAMAS s Rossiei (The Half-witted President Compared Hamas to Russia). *Soyuznoe veche. Gazeta parlamentskogo sobraniya soyuza Belarusi i Rossii*, October 27 — November 2, 8. (In Russian)].
- Перекрест В.* Выйду на улицу, гляну на SALE // Комсомольская правда, 14 ноября 2023. С. 16. [Perekrest, Vladimir. (2023) Vyidu na ulitsu, glyanu na SALE (I'll Go Outside, Look at the SALE). *Komsomol'skaya pravda*, November 14, 16. (In Russian)].
- Сердечнова Е.* Если нам не нужна собственная культура, то тогда можно не бороться // Культура. 2023. № 23. С. 25. [Serdechnova, Elena. (2023) Esli nam ne nuzhna sobstvennaya kul'tura, to togda mozhno ne borot'sya (If We don't need our own culture, then we don't have to fight). *Kul'tura*, 23, 25. (In Russian)].
- Тоска почета // Собеседник. 2023. № 35. С. 2. [Toska pocheta (2023) (Sadness of Honor). *Sobesednik*, 35, 2. (In Russian)].
- Тоска почета // Собеседник. 2023. № 41. С. 2. [Toska pocheta (2023) (Sadness of Honor). *Sobesednik*, 41, 2. (In Russian)].
- Шаповалов О.* Сложности перевода // Собеседник. 2023. № 5. С. 3. [Shapovalov, Oleg. (2023) Slozhnosti perevoda (Difficulties of translation). *Sobesednik*, 5, 3. (In Russian)].

УДК 811.111:81'373.72

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-146-160

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВНЕШНЕГО ПРИЗНАКА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Г. Цаллаева, Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

В предлагаемой статье излагаются результаты исследования широко используемых в современном дискурсе фразеологических единиц со значением внешнего признака, проведенного в русле сравнительно-сопоставительного подхода. Данный подход к изучению фразеологии был инициирован в 70-е годы XX века Московской лингвистической школой во главе с выдающимся лингвистом-полиглотом, владеющим в совершенстве более чем двумя десятками языков, проф. В. Д. Аракиным и его учениками и последователями. В связи с развитием международных контактов и интенсификацией изучения фразеологии в отдельных языках особое распространение в последние десятилетия получает сопоставление в области фразеологии. Данная статья рассматривает фразеологические единицы, характеризующие внешние признаки человека. Сравнительный анализ проводится на материале английского и русского языков. Актуальность сопоставительных исследований в области фразеологии, с одной стороны, заключается в необходимости восполнения недостатка данных для построения типологических паспортов отдельных языков и, с другой стороны, обусловлена возможностью применения их результатов в создании типологического паспорта конкретного языка. Объектом исследования являются четыре сотни английских и русских фразеологических единиц, характеризующих внешние признаки человека. Предметом исследования является изучение доли признаковых фразеологических единиц в каждом из избранных языков и их количественный анализ. В работе применялись общепарадигмальные методы исследования и метод фразеологической идентификации, предложенный основателем фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины А. В. Куниным. Результаты исследования представлены в таблице сравнительного употребления анализируемых ФЕ в английском и русском языке, которая показывает, что большая часть фразеологизмов как английского, так и русского языка, указывающих на внешние признаки человека, характеризуют внешнюю привлекательность и комплекцию человека, наименьшее количество фразеологизмов принадлежит к тематическим подгруппам, обозначающим возраст и рост человека. Перспектива работы видится в расширении поля исследования за счет фразеологизмов, характеризующих внутренний мир человека.

Ключевые слова: признаковые фразеологические единицы; внешний признак; английский язык; русский язык; сопоставительное исследование; количественное соотношение.

Цитирование: Цаллаева Л. Г., Федуленкова Т. Н. Фразеологизмы со значением внешнего признака в английском и русском языке // Вестник Нижегородского государственного

лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 146–160. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-146-160.

Phraseological Units Denoting External Characteristics of a Person in English and Russian

Lidiya G. Tsallaeva, Tatiana N. Fedulenkova

Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University, Vladimir, Russia

The article presents the results of a study of modern phraseological units that denote some external characteristic of a person. The study is based on the comparative approach to phraseology, developed in the 1970s by the Moscow Linguistic School, which at the time was headed by Professor V. D. Arakin, an outstanding polyglot linguist who had a good command of more than two dozen languages and trained a large number of followers and disciples. Due to the development of international contacts and the intensification of the study of phraseology in individual languages, comparative studies in phraseology have become particularly widespread in the recent decades. This article focuses on English and Russian phraseological units which denote some external characteristic of a person. The relevance of comparative research in the field of phraseology lies, on the one hand, in the need to fill the lack of data for constructing typological passports of languages and, on the other hand, in applying its results to creating a typological passport of a particular language. The study examined 400 English and Russian phraseological units (PUs) denoting external characteristics of a person with the goal to determine the proportion of such phraseological units in each of the languages and to provide their quantitative analysis. The research was based on general research methods and the method of phraseological identification proposed by A. V. Kunin, the founder of phraseology as an independent linguistic discipline. The results of the study are presented in the table of comparative usage of the analyzed PUs in English and Russian, which shows that, in both English and Russian, the largest number of PUs denoting external characteristics of a person describe a person's external attractiveness and their general build, while the smallest in proportion are those PUs that denote the person's age and height. The results of the study may serve as a starting point for expanding the research to phraseological units that characterize the inner world of a person.

Key words: characteristic phraseological units; external feature; English; Russian; comparative study; quantitative ratio.

Citation: Tsallaeva, Lidiya G., Fedulenkova, Tatiana N. (2024) Phraseological Units Denoting External Characteristics of a Person in English and Russian. LUNN Bulletin, 1 (65), 146–160. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-146-160.

1. Введение

Сравнительно-сопоставительные и типологические исследования фразеологии разных языков, инициированные профессором В. Д. Аракиным около пятидесяти лет назад (Аракин 1983), активизировались в последние

два десятилетия. Современные исследования фразеологии в сопоставительном русле сосредоточены на ряде проблем, как то:

- проблемы выбора типологически релевантных параметров описания фразеологических единиц (далее ФЕ) (Федуленкова 2014: 13);
- проблемы вариантности ФЕ родственных и неродственных языков (Федуленкова 2012: 50; Бакина 2022: 3928);
- проблемы поиска универсальных и уникальных характеристик ФЕ (Абакумова 2021: 176; Поцелуева 2017: 122);
- проблемы изоморфизма и алломорфизма ФЕ в родственных языках (Fedulenkova 2016: 6, 2019: 126);
- проблемы прагматики трансформаций библейских ФЕ (Бакина, Тимофеев 2022: 14);
- проблемы репрезентации конкретного концепта в коммуникативной фразеологии сопоставляемых языков (Басова 2022: 21);
- проблемы структурирования подсистемы ФЕ с определенным компонентом: зоонимом, соматизмом, фитонимом и др. (Potseluyeva 2009, 2017; Basova 2021; Чжао 2022; Ван 2023).

Исследовательский интерес к названной теме был вызван тем обстоятельством, что подавляющее количество фразеологических единиц, или фразеологизмов, в составе современного английского и русского языков служат для номинации характеристик и признаков человека (Федуленкова, Грехова 2016). Это явление можно объяснить тем, что большинство фразеологизмов относятся скорее к описанию живого существа, субъекта, нежели указывают на признак предмета.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили четыреста фразеологизмов, извлеченных методом случайной выборки из современных фразеологических словарей: по две сотни ФЕ из каждого изучаемого языка. При отборе языкового материала был использован метод фразеологической идентификации (Кунин 1996: 38). Под фразеологической единицей понимаем устойчивое и воспроизводимое сочетание слов с полностью или частично пересмысленным значением (Архангельский 1964; Кунин 1970).

В начальный период работы все отобранные для исследования фразеологизмы были разделены на три группы: а) ФЕ, характеризующие внешние признаки человека, его рост, возраст, выражение лица и пр.; б) ФЕ, характеризующие внутренние признаки человека, его душевные, нравственные и эмоциональные качества; в) ФЕ, характеризующие социальные

признаки человека, т. е. его социальный статус, его отношения с другими людьми, умение устанавливать и регулировать эти отношения и др.

На первом этапе исследования проводим количественный анализ, нацеленный на определение количественных соотношений ФЕ, сгруппированных по трем тематическим группам. Между группами изучаемых ФЕ английского языка выявляем следующее количественное соотношение: а) ФЕ, характеризующие внешние признаки человека, — 14,3 %; б) ФЕ, характеризующие внутренние признаки человека, — 71 %; в) ФЕ, характеризующие социальные признаки человека, — 12,7 % ФЕ. Между группами изучаемых ФЕ русского языка выявлено следующее количественное соотношение: а) ФЕ, характеризующие внешние признаки человека, — 11,1 %; б) ФЕ, характеризующие внутренние признаки человека, — 64,2 %; в) ФЕ, характеризующие социальные признаки человека, — 23,7 % ФЕ.

Ввиду ограниченности объема данной статьи представляем результат исследования на материале фразеологизмов лишь первой из установленных групп, а именно — ФЕ, характеризующие внешние признаки человека. В данной группе ФЕ выявляем пять тематических подгрупп, объединяющих фразеологизмы по признаку роста, возраста, физического недостатка, комплекции и внешней привлекательности. В нашей формулировке наименований подгрупп по внешним признакам ориентация осуществлялась на тематические классификации фразеологизмов, предложенные В. И. Зиминым и Т. Е. Помыкаловой (Зимин 2010: 348; Помыкалова 2006).

В качестве иллюстративного материала использовались контексты современного дискурса из национальных корпусов изучаемых языков: COCA, NOW и НКРЯ.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим далее наполнение выявленных подгрупп, поскольку один и тот же признак может получать разное наполнение во фразеологии сопоставляемых языков.

Рост. Данная подгруппа, обозначающая рост человека, включает 1,4 % ФЕ в английском языке и 1,8 % ФЕ в русском языке. К описанию высокого человека относятся 1,2 % ФЕ английского по сравнению с 0,6 % русского языка, например: *tall as a maypole / a tower* — ‘высокий как каланча, очень длинный’; *с коломенскую версту* — ‘об очень высоком человеке’, напр.:

(1) *Before I left, Signorina Creatura insisted that I have a little wild berry pudding. I was so full, I took only a taste. She said, ‘You’re **tall like a tower** but thin, nothing but chicken skin. Maybe if you put on a little weight, Bianca would*

*like you better. ' Bianca was out of earshot, thank God, in the kitchen starting on the dishes. What else could I do? To shut her up, I tried to eat more # (COCA) / Перед тем как я ушел, синьорина Креатура настояла, чтобы я съел не много пудинга из лесных ягод. Я был так сыт, что попробовал только на вкус. Она сказала: «Ты **длинный, как каланча**, но худой, ничего, кроме куриной кожи. Может быть, если ты немного прибавишь в весе, ты понравилась Бьянке больше». Слава богу, Бьянка была вне пределов слышимости — на кухне мыла посуду. Что еще я мог сделать? Чтобы заткнуть ее, я попытался съесть побольше # (здесь и далее перевод наш. — Л. Ц.);*

(2) Прямой и длинный — настоящая **коломенская верста**, в своем неизменном форменном блейзере члена руководства ФИНА, уверенный в себе и потому чуть-чуть напыщенный, он бросил фразу, заставившую кандидатов в сборную, в том числе и меня, буквально задрожать: «А затем, ребятки, коли золотыми медалями не поступитесь, обещаю вам Везувий и Помпеи. Помните» (НКРЯ: И. Заседа. Бой за рингом).

Фразеологизмов, описывающих невысокий рост, в английском языке обнаружено не было, к описанию человека низкого роста в русском языке относится 1,1 % ФЕ, например: *мальчик с пальчик; от горшка два вершка* — ‘о человеке маленького роста или о молодом, неопытном человеке’, напр.:

(3) На семейном совете, в состав которого входили мы с мужем, поскольку дети <...> выросли *от горшка два вершка*, было единогласно решено, что глава семьи отработал свою карму в злосчастной системе, ему не стоит далее унижать себя мизерной зарплатой, тем более, что у него на шее трое, и на стезю борьбы с системой выходит хранительница очага... (НКРЯ: Г. Манаб. Всего лишь женщина).

Примечательно, что в английском языке преобладают ФЕ, описывающие высокого человека, а в русском доминируют ФЕ, описывающие человека низкого роста.

Возраст. В анализируемом языковом материале указание на возраст — характеристику различных стадий роста, разных этапов жизни человека, часто выраженную какими-либо признаками, — встречается в 1,9 % ФЕ английского и в 1,8 % ФЕ русского языка; указания на пожилой (старый) возраст доминируют в русском языке — 1,1 %, и составляют 0,8 % ФЕ в английском языке.

В ходе исследования выявляем, что в англоязычном материале количество фразеологизмов, указывающих на молодой и более старший возраст, одинаково (по 0,8 %), например: *in the prime of life* — ‘в период наибольшей жизненной активности (обычно в молодости)’; *not in one's first*

youth — ‘немолодой; как правило, средних лет, вступающий в пожилой возраст’, ср.:

(4) # *Hypertrophic cardiomyopathy is an inherited condition in which part of the heart muscle becomes much thicker. 1 in 500 people across the world have this condition, some with complications such as heart failure and stroke, while others have no symptoms and normal life expectancy. But even patients with no symptoms are still at risk of dying suddenly. # “We often hear the sad news of a young person, such as David Frost’s son Miles, dying suddenly **in the prime of life**, with a post-mortem finding of hypertrophic cardiomyopathy,” said Dr. Rina Ariga, an <...> researcher and lead author on the paper. “Hypertrophic cardiomyopathy is the number one cause of sudden cardiac death in the young” # (COCA) / Гипертрофическая кардиомиопатия — это наследственное заболевание, при котором часть сердечной мышцы становится намного толще. 1 из 500 человек во всем мире страдает этим заболеванием, у некоторых возникают такие осложнения, как сердечная недостаточность и инсульт, в то время как у других нет симптомов и нормальная продолжительность жизни. Но даже пациенты без каких-либо симптомов все еще подвержены риску внезапной смерти. # «Мы часто слышим печальные новости о том, что молодой человек, такой как сын Дэвида Фроста Майлз, внезапно умирает **в расцвете сил**, и посмертно у него обнаруживается гипертрофическая кардиомиопатия, — сказала доктор Рина Арига, исследователь <...> и ведущий автор статьи. — Гипертрофическая кардиомиопатия является причиной номер один внезапной сердечной смерти у молодых людей» #;*

(5) *She was not a woman novels were written for or about. # Livia, adjusting one of Masha’s unfamiliar barettes, found table Three, and joined a pair of cousins she hadn’t seen in twenty years. The other guests were neighbors, and the local pharmacist, and a Sunday School teacher. # Robert noticed Livia once again, later, from the dance floor, where he was more or less executing a tango. She was plowing toward table One after her father’s toast, delivered in French. Then he lost sight of her. His table, Twenty-two, might have been labeled Singles **Not in the First Youth**. One of the women — the one he was dancing with — was a divorced lawyer, nervous and amusing. # It had not occurred to Livia’s sister to put Livia at Twenty-two # (COCA) / Она не была женщиной, для которой писались романы. Ливия, поправляя одну из незнакомых Маше заколок, нашла третий столик и присоединилась к паре двоюродных сестер, которых не видела двадцать лет. Другими гостями были соседи, местный фармацевт и учитель воскресной школы. # Роберт заметил Ливию еще раз, позже, с танцпола, где он более или менее исполнял танго. Она*

направлялась к первому столику после тоста своего отца, произнесенного по-французски. Потом он потерял ее из виду. Его столик, с 22-летними, можно было бы отнести к категории одиночек **не первой молодости**. Одна из женщин — та, с которой он танцевал, — была разведенным адвокатом, нервной и забавной. # Сестре Ливии и в голову не пришло дать Ливии двадцать два года.

В русскоязычном материале преобладают фразеологизмы, описывающие немолодой возраст; выстраиваются тематические цепочки со значениями ‘молодой’ (в расцвете сил, в расцвете лет), ‘немолодой’ (не первой молодости), ‘пожилой’ (в годах, в летах). Ср.:

(6) Лицо без морщин, ясные голубые глаза, крепкое тело, великолепная осанка — больше пятидесяти не дашь, мужчина **в расцвете сил**. — Почему вы первым делом назвали свой возраст? — поинтересовался Штирлиц, представившись (НКРЯ: Ю. Семёнов. Экспансия-II);

(7) Те, кто знал и Милеву, и Эльзу, считали последнюю более привлекательной: светловолосая, голубоглазая, пышная (возможно, из-за любви к шоколаду), она, когда была **в расцвете лет**, могла бы сойти за валькирию в любительской постановке Вагнера (НКРЯ: Огонек, 1998);

(8) Немолодой, в возрасте тридцати с лишним, сорока лет. Это была дама уже **не первой молодости**, лет около сорока, художница-дилетантка, работой которой руководил Левитан (НКРЯ: Лазарев-Грузинский. А. П. Чехов);

(9) В приемной Хохлакова собралось человек десять руководителей колхозов и станичных советов. Это были люди **в летах** и при здоровье (НКРЯ: С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).

Физические недостатки. Рассматриваемая подгруппа объединяет фразеологизмы, описывающие физические недостатки человека, к ней относятся 3,1 % ФЕ в английском и 1,9 % ФЕ в русском языке. Указания на физические недостатки встречаются в пятой части ФЕ английского и почти в половине ФЕ русского языка, например: (as) *dumb as a statue* — ‘абсолютно немой’; (as) *deaf as a post* — ‘глухой как пень’; *blind as a bat* — ‘подслеповатый, слепая курица’; *нем как рыба* — ‘молчаливый’; *туг / туговат на ухо, глухая тетеря* — ‘глуховат, немного глухой’, ср.:

(10) *Still burning a spliff we jumped in my 1997 bright green Plymouth neon that coincidently enough I had purchased from Kiel a few years back when he worked for a dealership that car was a steal, and has seen more action than the dukes of hazards general Lee. The 911 was an inside job and <...> Bumper Stickers the neon proudly displayed were in my opinion far more bad ass than the general lee's trade mark confederate flag paint job. Everyone knows I am*

blind as a bat and really a pretty terrible driver, this being the case Kiel was in the driver seat I was ridding shotgun we were burning spliff after spliff we were Canada bound (COCA) / Все еще стреляя в косяк, мы запрыгнули в мой ярко-зеленый «Плимут неон» 1997 года выпуска, который, по странному совпадению, я купил у Кили несколько лет назад, когда он работал в дилерском центре, эта машина была краденой и повидала виды больше, чем «Герцоги опасности» генерала Ли. Звонок в 911 был делом рук своих, и <...> наклейки на бампер, которые с гордостью демонстрировал неон, были, на мой взгляд, гораздо более отвратительными, чем раскраска флага конфедерации торговой марки «Джгенерал Ли». Все знают, что я слеп, как летучая мышь, и на самом деле довольно ужасный водитель, в данном случае Киль был на водительском сиденье, я стрелял из дробовика, мы жгли косяк за косяком, мы направлялись в Канаду;

(11) Видя, что я опасливо обернулся назад, она прибавила: — Ничего, ничего, она немного **на ухо туга**, не услышит (НКРЯ: А. И. Куприн. Олеся);

(12) Чертыхнувшись с досады на **глухую тетерю**, Константин кликнул его [лакея] к себе в номер и приказал подать умыться. **Глухая тетеря** нехотя процедила сквозь зубы: «зараз» и, как ни в чем не бывало, продолжала свое дело (НКРЯ: В. Крестовский. Две силы).

Комплекция. К подгруппе, обозначающей комплекцию человека, относятся 3,9 % ФЕ в английском и 2,5 % ФЕ в русском языке. При этом во фразеологизмах английского языка доминируют характеристики полного человека, составляющие 2 % ФЕ по сравнению с 0,6 % ФЕ в русском языке. Внутри же системы английского языка количество фразеологизмов, характеризующих полного и худого человека, примерно одинаково (2 % / 1,9 %): *(as) round as a barrel* — ‘о толстом, упитанном человеке’; *look like a ghost* — ‘быть худым и бледным, одна тень осталась’, ср.:

(13) # *Lugging back an old looking glass, Lent bends the morning rays arching over the elms and shoots a shaft of light across the ocher tombstone of Catriena Ecker van Tessel. She died and was buried here when Irving was a boy, vaulting gravestones and fishing in the nearby Pocantico stream. She's believed to be the namesake of Ichabod Crane's lost love, Katrina Van Tassel, the "blooming lass of fresh eighteen; plump as a partridge, ripe and melting and rosy-cheeked as one of her father's peaches"* # (COCA) / # Доставая старое зеркало, Лент изгибает утренние лучи, падающие на вязы, и бросает луч света на надгробие Катриены Эккер ван Тессел цвета охры. Она умерла и была похоронена здесь, когда Ирвинг был мальчиком, перепрыгивая через надгробия и ловя рыбу в близлежащем ручье Покантико. Считается, что она тезка потерянной любви Икабода Крейна, Катрины

Ван Тассел, «цветущей восемнадцатилетней девушки; **пухленькой, как куропатка**, спелой и тающей, и розовощекой, как персик ее отца»;

(14) <...> *do we take a picture of?* <...> — *Look, it's the first device of its kind, ever.* <...> — *You should have listened to me.* <...> — *What did you say?* — *I said I need to retake that one unless you want to look **like a ghost** in it.* — *You said the thing works like a camera.* — *What do you do with a camera?* — *You focus it.* — *We can send the signal out but if it doesn't know how far to send it, it won't know unless it's focused.* — *How do you focus it?* — *We make a model of the distance we're aiming at, then we figure out how much power it would take and at what frequency to reach the given distance.* — *There should be a standard* <...> (COCA) / <...> *будем ли мы фотографировать?* <...> — *Послушайте, это первое устройство такого рода в истории.* <...> — *Тебе следовало послушать меня.* <...> — *Что ты сказал?* — *Я сказал, что мне нужно переснять это, если ты не хочешь **выглядеть в нем как привидение.*** — *Вы сказали, что эта штука работает как фотоаппарат.* — *Что вы делаете с фотоаппаратом?* — *Ты сосредоточься на этом.* — *Мы можем послать сигнал, но, если он не знает, как далеко его посылать, он не узнает, пока не сфокусируется.* — *Как вы это фокусируете?* — *Мы создаем модель расстояния, на которое нацеливаемся, затем мы вычисляем, сколько энергии потребуется и на какой частоте, чтобы достичь заданного расстояния.* — *Должен быть стандарт* <...>.

В русском языке наблюдается двойной количественный перевес фразеологизмов, описывающих худого человека: *кожа да кости*, *худой как щепка* — ‘о худом изможденном человеке’. Большинство фразеологических единиц данной подгруппы содержит отрицательную оценочную коннотацию. Однако фразеологизмы, характеризующие худого человека, как правило, имеют дополнительный оттенок сочувствия, который несет в себе семантика слова «изможденный», напр.:

(15) *...мужчина лет тридцати пяти с короткими каштановыми волосами и в темном жилете, как раз хотел открыть замок на высоких воротах, как дверь имения распахнулась и наружу в туманную вечернюю прохладу выскочила **худая как щепка** дама преклонных лет* (НКРЯ: К. Хумберг. Механический секрет);

(16) «Внучок, иди кушать! Совсем исхудал, **кожи да кости**», — настойчиво звала меня бабушка Клава. «Бабушка, я уже кушал полчаса назад! Я не хочу борщ, покушай сама», — я пошел в кровать, притворяясь, что ложусь спать, чтобы избежать принятие пищи (НКРЯ).

Внешность. Рассматриваемая подгруппа фразеологизмов характеризует внешность человека в целом, под которой понимается фигура человека,

его лицо, одежда, совокупность особенностей его облика, т. е. «совокупность <...> разнообразных черт наружности, доступных зрительному восприятию» (Помыкалова 2006: 3). К данной группе относятся 4,0 % ФЕ английского и 3,1 % ФЕ русского языка. Пятая часть анализируемых ФЕ в английском языке и третья часть соответствующей группы ФЕ в русском языке описывают человека приятной, симпатичной наружности: *fair as a rose (as a lily)* — ‘прекрасный как лилия’; *кровь с молоком* — ‘это комплимент, подчеркивающий красоту и здоровье человека’, напр.:

(17) *Choruses were all spot-on. Taking many of the solos, baritone Samuel Dundas brought wonderful operatic force to his performances. <...>. Tenor Andrew Goodwin, as the handsome swan who laments his fortunes on the roasting spit, sang with wincing pain in “Olim lacus colueram”. Meanwhile, soprano Jessica Dean was transfixing in her solos as the fair, young maiden standing all alone and “fair as a rose”. Playing to archetypes that hark way back to the 13th century, these were all superb solos worthy of the opera house no less (NOW) / Все припевы были точными. Исполняя многие соло, баритон Сэмюэл Дандас привнес в свои выступления замечательную оперную силу. <...> Тенор Эндрю Гудвин в роли красивого лебедя, который оплакивает свою судьбу на вертеле для жарки, пел, морщась от боли, в «Однажды в озерах я обрел свой дом». Тем временем сопрано Джессика Дин была потрясающая в своих соло в роли прекрасной юной девушки, стоящей в полном одиночестве, и «прекрасной, как роза». Играя по архетипам, восходящим к XIII веку, все это были великолепные соло, достойные оперного театра не меньше;*

(18) Он, вольноотпущенный, обучался садоводству в казенном саду, неглуп, пишет с небольшими ошибками, знает кое-что из ботаники, красив — настоящая русская **кровь с молоком**, 21 год, ловкий, глаза синие, сердце хорошее (НКРЯ: К. Н. Леонтьев. Исповедь мужа).

Интересно, что ФЕ английского языка помимо описания внешности дают характеристику оттенка кожи (*red as a tomato* — ‘красный как помидор’; *(as) brown as a berry* — ‘очень темный, загорелый, шоколадного цвета’), тогда как ФЕ русского языка характеризуют внешность человека в целом (как картинка — ‘о прекрасной, живописной, изысканной внешности’). Таким образом, примерно одинаковый процент ФЕ в обоих языках характеризует внешность человека, но в английском языке доминируют фразеологизмы, описывающие нейтральные признаки внешности. Ср.:

(19) *I’d usually find her outside, wearing a halter and cut-off jeans, working in the garden with her braided hair wound up on top of her head. She was brown as a berry, strong as a man. <...> I could have stepped right up and*

*spoken to her, and often I thought I would, but I never did. One time she had put a plateful of vegetables from the garden on a table, and set up an easel outdoors to paint them. I couldn't see the painting, but I could see her face: <...> beautiful (СОСА) / Обычно я заставлял ее на улице, одетую в майку и обрезанные джинсы, работающую в саду с заплетенными в косу волосами, собранными на макушке. Она была **смуглой, как ягода**, и сильной, как мужчина. <...> Я мог бы прямо подойти и заговорить с ней, и часто я думал, что сделаю это, но так и не сделал. Однажды она поставила на стол тарелку с овощами из огорода и установила мольберт на открытом воздухе, чтобы раскрасить их. Я не мог видеть картину, но я мог видеть ее лицо: <...> прекрасное;*

(20) *У Мавры помутилось в глазах, когда она увидела Анну, наряженную, **как картинку**, веселую и счастливую (НКРЯ: М. Горький. Заело).*

Если в английском языке доминируют фразеологизмы, описывающие здорового, крепкого человека, то в русском языке больший процент фразеологизмов о внешности указывает на физические недостатки.

В английском языке находим, например: *hearty as a buck* — ‘здоровый, крепкий’; *as bristle as a bee* — ‘проворный’; *flesh and blood* — ‘полнокровный, полный жизни, облеченный в плоть и кровь’; *kale and hearty* — ‘бодрый, здоровый и крепкий’ (обычно о старых людях); *boon companion* — ‘веселый и добрый’, ср.:

(21) *# Anonymous Democrats have every right to respond to Eastwood, and even be upset that he mocked their candidate. # But responding with their own mockery — in article after article, joke after joke, TV segment after TV segment — undercuts the Left's own position. Eastman stumbled, no doubt. But the smug ridicule of people like Stewart and Maddow actually comes across as just as bad as Clint's performance. # **Boon Companion** # He didn't stumble even for a nanosecond (СОСА) / Анонимные демократы имеют полное право ответить Иствуду и даже расстроиться из-за того, что он высмеял их кандидата. # Но ответ их собственными насмешками — в статье за статьей, шутке за шуткой, телевизионном сегменте за телевизионным сегментом — подрывает собственную позицию левых. Истман, без сомнения, споткнулся. Но самодовольные насмешки таких людей, как Стюарт и Мэддоу, на самом деле воспринимаются так же плохо, как и выступление Клинта. # **Добрый товарищ** # Он не споткнулся ни на наносекунду.*

В русском языке находим такие ФЕ, как *лыка не вяжет* — ‘так пьян, что не в состоянии связно говорить’; *как слепая курица* — ‘близорукий, плохо видящий человек’; *на одну колодку* — *прост.* ‘одинаковы, похож’;

не ахти какой / не очень-то — ‘не особенно хороший’; *нет стыда в глазах* — ‘кто-либо бессовестен, бесчестен, непорядочен’; *ни жив ни мертв* — ‘сильно испуган, замер от страха, ужаса’; *ни рыба ни мясо* — ‘ничем не выделяющийся, посредственный’; *под мухой* — ‘в состоянии легкого опьянения, навеселе’; *чучело гороховое / дурен (страшен) как смертный грех* — ‘о безобразной, непривлекательной внешности’, напр.:

(22) *Я уже не говорю о том, что я никогда не попадал в бобовые короли, что я ни разу не угадал верно в чёт и нечет, что мои бутерброды всегда падают на землю намащенной стороной, — обо всех этих злополучиях я не стану и говорить; но не ужасная ли это судьба, что я, сделавшись, наконец, студентом назло всем чертям, должен все-таки быть и оставаться чучелом гороховым?* (НКРЯ: Э. Гофман. Рождественские сказки);

(23) *Страшен, как смертный грех, воняет как скунс и туп настолько, что гвоздя в снег забить не сможет, но с ним как-то легко, знаешь ли* (НКРЯ).

4. Заключение

В результате проведенного анализа фразеологических единиц, характеризующих внешние признаки человека, выявлено пять тематических подгрупп, объединяющих ФЕ по признаку роста, возраста, физического недостатка, комплекции и внешней (не)привлекательности. Квантитативный анализ изучаемых фразеологизмов позволил также установить их соотношение по выявленным тематическим подгруппам в каждом из изучаемых языков. Процентное соотношение языкового материала по данным подгруппам представлено в следующей таблице:

Таблица. Процентное соотношение фразеологизмов по тематическим подгруппам

Наименование внешнего признака	Фразеологизмы английского языка	Фразеологизмы русского языка
Рост	1,4 %	1,8 %
Возраст	1,9 %	1,8 %
Физические недостатки	3,1 %	1,9 %
Комплекция	3,9 %	2,5 %
Внешность	4,0 %	3,1 %
Итого	14,3 %	11,1 %

Представленная таблица делает вполне очевидным факт, что большая часть фразеологизмов как английского, так и русского языка, указывающих на внешние признаки человека, характеризуют внешнюю привлекательность

и комплекцию человека, наименьшее количество фразеологизмов принадлежит к тематическим подгруппам, обозначающим возраст и рост человека.

Перспективу работы видим в расширении поля исследования за счет фразеологизмов, характеризующих внутренний мир человека.

Список литературы / References

- Абакумова О. Б. Анализ русских и английских пословиц о счастье: универсальное и специфическое // Фразеология в фокусе когнитивистики: Монография / Гл. ред. Вольфганг Мидер. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2021. С. 176–193. [Abakumova, Olga B. (2021) Analiz russkih i anglijskih poslovic o schast'e: universal'noe i specificheskoe (Analysis of Russian and English Proverbs about Happiness: Universal and Specific) In W. Mider (ed.) *Frazeologiya v fokuse kognitivistiki: Monografiya* (Phraseology in the Focus of Cognitive Science: Monograph). Moscow: Izd. dom Akademii Estestvoznaniya, 176–193. (In Russian)].
- Аракин В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М.: МГПИ, 1983. [Arakin, Vladimir D. (1983) *Strukturnaya tipologiya russkogo i nekotoryh germanskih yazykov (edinicy sopostavitel'no-tipologicheskogo analiza yazykov): Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* (Structural Typology of the Russian and Some Germanic Languages (Units of Comparative Typological Analysis of Languages): Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow: MCU. (In Russian)].
- Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1964. [Arhangel'skij, Vladimir L. (1964) *Ustojchivye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustojchivykh fraz i problemy obshchej frazeologii* (Stable Phrases in Modern Russian. Fundamentals of the Theory of Stable Phrases and Problems of General Phraseology). Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU. (In Russian)].
- Бакина А. Д. Исследование вариативности фразеологизмов библейского происхождения (на материале англо- и немецкоязычных корпусных данных) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12 (138). С. 3928–3937. [Bakina, Anna D. (2022) Issledovanie variativnosti frazeologizmov biblejskogo proiskhozhdeniya (na materiale anglo- i nemeckoyazychnyh korpusnyh dannyh) (Investigation of the Variability of Phraseological Units of Biblical Origin (Based on the Material of English- and German-language Corpus Data)). *Philology. Theory & Practice*, V. 15, 12 (138), 3928–3937. (In Russian)].
- Бакина А. Д., Тимофеев А. А. Прагматика трансформаций английских и русских библейских фразеологизмов // Фразеологические единицы: Семантика. Прагматика. Лингвокультурология / Гл. ред. Т. А. Ширяева. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2022. С. 14–20. [Bakina, Anna D., & Timofeev, Andrey A. (2022) Pragmatika transformacij anglijskih i russkih biblejskih frazeologizmov (Pragmatics of Transformations of English and Russian Biblical Phraseological Units). In Shiryayeva, Tatiana A. (ed.) *Frazeologicheskie edinicy: Semantika. Pragmatika.*

- Lingvokul'turologiya* (Phraseological Units: Semantics. Pragmatics. Linguoculturology). Moscow: Izd. dom Akademii Estestvoznaniya, 14–20. (In Russian)].
- Басова Т. А. Концепт 'смелость' в пословицах английского и японского языков // Фразеологические единицы: Семантика. Прагматика. Лингвокультурология / Гл. ред. Т. Н. Ширяева. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2022. С. 21–32. [Basova, Tatiana A. (2022) Koncept 'smelost' v poslovicah anglijskogo i yaponskogo yazykov (The Concept of 'Courage' in Proverbs of the English and Japanese Languages). In Shiryayeva, Tatiana A. (ed.) *Frazeologicheskie edinicy: Semantika. Pragmatika. Lingvokul'turologiya* (Phraseological Units: Semantics. Pragmatics. Linguoculturology). Moscow: Izd. dom Akademii Estestvoznaniya, 21–32. (In Russian)].
- Ван Ци. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в китайском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород: БелГУ, 2023. [Wang, Qi. (2023) *Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologicheskikh edinic s komponentom-fitonimom v kitajskom i anglijskom yazykah: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (Structural and Semantic Features of Phraseological Units with a Phytonym Component in Chinese and English: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Belgorod: BSU.
- Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АКТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. [Zimin, Vladimir I. (2010) *Slovar'-tezaurus russkikh poslovic, pogovorok i metkih vyrazhenij* (Dictionary-Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and apt Expressions). Moscow: АКТ-PRESS KNIGA. (In Russian)].
- Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. М.: Высшая школа, 1970. [Kunin, Aleksandr V. (1970) *Anglijskaya frazeologiya. Teoreticheskij kurs* (English Phraseology. Theoretical Course). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, Дубна: Феникс, 1996. [Kunin, Aleksandr V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka* (Course of Phraseology of Modern English). Moscow: Vysshaya shkola, Dubna: Feniks. (In Russian)].
- Помыкалова Т. Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск: [б. и.], 2006. [Pomykalova, Tatiana E. (2006) *Semantiko-tipologicheskij aspekt frazeologicheskogo priznaka v russkom yazyke: dis. d-ra filol. nauk* (Semantic and Typological Aspect of a Phraseological Feature in the Russian Language: PhD (Advanced) Thesis in Philology). Chelyabinsk. (In Russian)].
- Поцелуева Н. В., Федуленкова Т. Н. Универсальное и особенное в морфологической вариантности зооморфных фразеологизмов в неродственных языках // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 5. С. 122–129. [Pocelueva, Natalia V., & Fedulenkova, Tatiana N. (2017) Universal'noe i osobennoe v morfologicheskoy variantnosti zoomorfnyh frazeologizmov v nerodstvennyh yazykah (Universal and Special in Morphological Variation of Zoomorphic Phraseological Units in Unrelated Languages). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University, Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 5, 122–129. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2012. [Fedulenkova, Tatiana N. (2012) *Sopostavitel'naya frazeologiya anglijskogo, nemeckogo i shvedskogo yazykov*

- (Comparative Phraseology of English, German and Swedish Languages). Moscow: Izd. dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Типологически релевантные параметры описания фразеологических единиц (на материале английского, немецкого и шведского языков) // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте: Монография. Т. 2 / Под ред. Т. Н. Федуленковой. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2014. С. 11–17. [Fedulenkova, Tatiana N. (2014) Tipologicheski relevantnye parametry opisaniya frazeologicheskikh edinic (na materiale anglijskogo, nemeckogo i shvedskogo yazykov) (Typologically Relevant Parameters of the Description of Phraseological Units (Based on the Material of English, German and Swedish Languages)). In Fedulenkova, Tatiana N. (ed.) *Frazeologicheskoe prostranstvo nacional'nogo slovary v sopostavitel'nom aspekte: Monografiya* (Phraseological Space of the National Dictionary in a Comparative Aspect: Monograph), Moscow: Izd. dom Akademii Estestvoznaniya, V. 2, 11–17. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н., Грехова М. Ю. Гендерная фразеология в формировании профессиональных компетенций студента-социолога // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 11 (1). С. 196–200. [Fedulenkova, Tatiana N., & Grekhova, Maria Yu. (2016) Gendernaya frazeologiya v formirovanii professional'nyh kompetencij studenta-sociologa (Gender Phraseology in the Formation of Professional Competencies of a Sociologist Student). *Modern High Technologies*, 11 (1), 196–200. (In Russian)].
- Чжао Пэнбо. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «стихия» в китайском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород: БелГУ, 2022. [Zhao, Penbo (2022) *Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologicheskikh edinic s komponentom «stihiya» v kitajskom i anglijskom yazykah: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (Structural and Semantic Features of Phraseological Units with the Component 'Element' in Chinese and English: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Belgorod: BSU. (In Russian)].
- Basova, Tatiana A. (2021) Variation in Japanese and English Units with a Somatic Component. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, Vol. 17, 1 (51), 68–77.
- Fedulenkova, Tatiana N. (2016) Isomorphic Models in Somatic Phraseology Based on Synecdoche in English, German and Swedish. *Language and culture*, 2 (34), 6–14.
- Fedulenkova, Tatiana N. (2019) Isomorphism and Allomorphy of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, Vol. 15, 3 (45), 126–134.
- Potselueva, Natalia V. (2009) 'War' and 'Peace' in Animalistic Idioms of the English, Russian and Kazakh Languages. In Fedulenkova, Tatiana (ed.) *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology*. Arkhangelsk; Aarhus, 127–139.

Источники языкового материала / Language material resources

- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2003–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 19.07.2023). [*Nacional'nyj korpus russkogo yazyka (NKRYa)*. (2003–2023) (National Corpus of the Russian Language. 2003–2023). Retrieved from <https://ruscorpora.ru> (2023, 19 July). (In Russian)].
- Corpus of Contemporary American English (COCA). (2023, July 19) Retrieved from URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>.
- News on the Web (NOW). (2023, July 19) Retrieved from URL: <https://books.google.com/>.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811: 371.3

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-161-170

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЦЕНАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

М. А. Ариян

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассмотрен вопрос использования сценарной технологии для полноценного достижения результатов иноязычного образования в школе. В ходе исследования применялись следующие методы: теоретический анализ научной литературы по проблеме, научное наблюдение, проектирование, классификация и обобщение. Отмечается, что сценарная технология позволяет одновременно с совершенствованием речевых умений создавать условия для развития личности школьника. Учащиеся приобретают опыт сотрудничества, учатся принимать важнейшие жизненные решения и нести ответственность за них. Являясь по сути иммерсивной, сценарная технология погружает школьников в интерактивную образовательную среду, в которой учебное общение максимально приближено к естественному.

В процессе исследования разбираются функции, структура и этапы работы в рамках сценарной технологии, описано возможное содержание сценария, определены критерии выбора контекста для него. Делается вывод о перспективности данной технологии для методики обучения иностранным языкам в школе. Сценарная технология позволяет задействовать различные стратегии в процессе обучения, что делает его более гибким и адаптивным к различным уровням языковой подготовки учащихся. Создание сценариев, которые отражают различные ситуации из жизни, дает возможность школьникам участвовать в этих ситуациях, проигрывая различные роли и используя речевые и неречевые средства для решения коммуникативной задачи. Приводятся примеры различных видов интерактивных, вовлекающих сценариев.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется тем, что в терминологическое поле методической науки введено понятие «сценарная технология обучения иностранным языкам». Практическая значимость работы заключается в том, что предложены способы создания интерактивной стимулирующей образовательной среды

для совершенствования коммуникативных и социальных навыков школьников. Возможность продолжения исследования данной проблемы автор связывает с изучением потенциала дополненной и расширенной реальности в целях создания интерактивной и вовлекающей виртуальной среды, погружение в которую создаст наилучшие условия для еще большего сближения учебного общения с условно реальным.

Ключевые слова: сценарная технология; вовлекающий сценарий; интерактивная образовательная среда; функции и структура сценария; аутентичные мультимедийные материалы.

Цитирование: Ариян М. А. Использование сценарной технологии при обучении иностранным языкам в средней школе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 161–170. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-161-170.

Using Scenario Technology in Teaching Foreign Languages in Secondary School

Margarita A. Ariyan

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article discusses the issue of using scenario technology in order to more fully achieve the goals of foreign language education in secondary schools. Employing such methods as theoretical analysis of research literature on the problem, scientific observation, design, classification, and generalization, the study has determined that the use of scenario technology allows, simultaneously with the improvement of speech skills, to create conditions for the development of the student's personality. Students gain experience in cooperation and learn to make the most important life decisions and take responsibility for them. Being essentially immersive, scenario technology immerses secondary school students in an interactive educational environment, in which educational communication is as close to natural as possible. The article discusses the functions, structure, and stages of operating within the framework of scenario technology, describes the possible content of a scenario, and defines the criteria for choosing its context. A conclusion is made about the prospects of using this technology in teaching foreign languages in secondary school. The author provides examples of different types of interactive engaging scenarios and concludes that creating scenarios that reflect different situations in life allows students to participate in these situations, playing different roles and using speech and non-speech means to solve communicative tasks. The theoretical significance of the research lies in the fact that the study effectively introduces the concept of "scenario technology for teaching foreign languages" into the terminological field of methodological science. The author sees the practical significance of the research in the proposed methods of creating an interactive, stimulating educational environment to improve the communication and social skills of secondary school students. Further research prospects may involve studying the potential of augmented and extended reality in order to create an interactive and engaging virtual environment, immersion in which will create the best conditions for an even greater rapprochement of educational communication with the conventionally real.

Key words: scenario technology; engaging scenario; interactive educational environment; script functions and structure; authentic multimedia materials.

Citation: Ariyan, Margarita A. (2024) Using Scenario Technology in Teaching Foreign Languages in Secondary School. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 161–170. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-161-170.

1. Введение

Система языкового образования, последовательно реализуемая в школах Российской Федерации, базируется на принципах гуманизма, полилингвальности и целостности. В качестве важнейших результатов языкового образования рассматривается развитие когнитивной, эмоциональной и мотивационной сфер школьника как условие формирования полноценной, самостоятельной, ответственной поликультурной языковой личности (Ильин 2002; Изотова 2004; Гончаров 2005; Борисова 2005; Ren, Ma 2016; Ариян 2017). Обучение, как известно, является важнейшим фактором развития личности, поскольку обеспечивает школьникам опыт познавательной и исследовательской деятельности, общения и сотрудничества, уверенного преодоления неудач и радостного переживания успехов. В связи с этим в последнее время в центре внимания исследователей и учителей-практиков оказались иммерсивные технологии обучения иноязычному говорению, позволяющие создавать эффективную интерактивную образовательную среду, максимально приближенную к реальности и создающую условия для активного взаимодействия с ней (Errington 2003; Сергеев 2015; Вебер 2019). Одной из них является сценарная технология.

Выбор жизненных сценариев, который мы непрерывно совершаем, предполагает способность гибко и быстро реагировать на изменения в окружающей жизни, например менять профессию и социальное окружение, получать новое образование и принимать обоснованные решения (Абульханова-Славская 1991; Гришина 2011; Allan 2018). Сценарные технологии позволяют предсказывать возможные последствия различных решений и разрабатывать стратегии, которые могут быть наиболее эффективны в той или иной ситуации (Wilms 2006; Muller-Trapet 2010; Sass, Eilert 2014). В связи с этим важным аспектом образования старшеклассников, в том числе иноязычного, является развитие способности выстраивать свою жизненную траекторию, «сценировать» ее, постоянно обогащая новыми смыслами, событиями, ценностями и целями (Слей 2018; Алексеева 2020; Молчанюк 2022а, 2022b). В статье будут рассмотрены сценарий как продукт деятельности ученика и возможность использования сценарной технологии для повышения эффективности обучения иностранным языкам в средней школе.

2. Характеристика материала и методов исследования

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы показал, что целый ряд важных аспектов проблемы обучения иноязычной устной речи нашел отражение в психолого-педагогических и методических работах. Подробно рассматриваются психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке (И. А. Зимняя), вопросы условий общения при обучении устной речи (Н. И. Гез), значение и место ролевых упражнений (Е. С. Аргустянянц, М. А. Ариян), ситуативность в обучении устной речи (И. М. Берман, В. А. Бухбиндер, М. Л. Вайсбурд, А. А. Леонтьев, В. Н. Оскасова, В. Л. Скалкин), моделирование устной речи (А. Р. Балаян, И. Л. Бим), использование сценария как средства обучения иностранному языку (А. Сасс, Н. Слэй, А. Н. Щукин). Одновременно в научной литературе фиксируется недостаточная методическая проработка вопросов, связанных с использованием сценарных технологий в обучении иностранным языкам.

В данной работе проведен анализ дидактических возможностей сценарной технологии в контексте обучения иноязычной устной речи в средней школе. Основным методологическим принципом нашего исследования является принцип коммуникативной направленности обучения, в соответствии с которым создаются условия, обеспечивающие учащимся свободу проявления мыслительных операций и использования речевых средств для реализации своих коммуникативных намерений.

Первым шагом нашего исследования было определение понятия «сценарий» и анализ функций сценарной технологии в обучении иностранным языкам.

В научной методической литературе под сценарием принято понимать речевое взаимодействие учащихся, выполняющих разные роли с целью реализации собственных программ поведения в рамках заданной ситуации общения (Maley, Duff 1993; Колесникова, Долгина 2001). Сценарная технология в преподавании иностранных языков предполагает использование предварительно разработанных сценариев для развития последовательной серии реальных ситуаций в речевом общении на иностранном языке. Разрабатывается ряд логически связанных коммуникативных поступков в устной или письменной форме, направленных на решение поставленных задач, которые задаются в виде речевых проблемных ситуаций, максимально приближенных к реальности.

Данная технология позволяет развивать способность предсказывать и анализировать различные возможные сценарии развития событий и раз-

рабатывать стратегии и планы действий на основе этих сценариев. Она также создает условия, в которых учащиеся могут практиковаться в использовании иностранного языка в контексте, имитирующем реальные ситуации (Alberts 2001; Retzman 2001).

Применение сценарной технологии на уроках иностранного языка позволяет:

1) совершенствовать коммуникативные навыки и умения, организуя участие школьников в ролевых играх и драматизациях в ходе решения ситуационных задач в рамках разрабатываемого сценария;

2) организовывать и структурировать использование онлайн-ресурсов в учебном процессе. На интерактивных уроках с использованием компьютерных программ учащиеся активно взаимодействуют с материалом, овладевают им в игровой форме;

3) создавать индивидуальные сценарии для каждого школьника с учетом потребностей, интересов, уровня обученности, темпа овладения материалом, что усиливает индивидуализацию обучения;

4) мотивировать школьника к изучению иностранного языка. Игры и упражнения, встроенные в сценарии, делают процесс обучения более динамичным и захватывающим;

5) проводить систематическую оценку учебной деятельности обучающихся и обеспечивать обратную связь. Это осуществляется в форме автоматической проверки заданий с использованием онлайн-ресурса, анализа результатов и предоставления рекомендаций для дальнейшего изучения иностранного языка.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Структурно сценарии могут включать в себя разнообразные элементы: указание на место действия, описание действия, имена персонажей и их характеристику, проблемные задания, диалоги и пр. Проблемные задания могут выполняться в устной или письменной форме. Диалоги могут быть использованы для имитации реального общения, реализации различных коммуникативных функций на иностранном языке и включать вопросы, ответы, формулы и штампы, характерные для устного диалогического общения. Контекст, в котором используется язык, также является важным элементом сценариев и включает ситуации, различающиеся местом действия, действующими лицами, решаемыми коммуникативными задачами. Формулировки и фразы, характерные для диалогического общения, также являются важными элементами сценариев.

Сценарии зачастую содержат определение социальных, психологических, а также коммуникативных ролей, которые учащиеся должны проигрывать. Как правило, учащимся предлагаются парные, взаимодополняющие роли, например учитель и учащийся, отец и сын, врач и пациент (социальные роли), капризный покупатель и услужливый продавец, грозный полицейский и виноватый пешеход (психологические), говорящий и слушающий (коммуникативные роли). Психологические роли добавляют проблему, конфликт, которые участникам сценария необходимо разрешить речевыми средствами. Ролевое поведение учащихся не предписано заранее. Они самостоятельно интерпретируют проигрываемые роли, ищут пути и способы разрешения конфликта. Сценарий может сопровождаться мультимедийными материалами, такими как аудио- и видеозаписи, изображения и пр.

На первом этапе учитель предлагает учащимся готовые сценарии, в дальнейшем они разрабатываются школьниками самостоятельно. Самостоятельная разработка и общение в соответствии со сценарием позволяют лучше понимать, как иностранный язык функционирует в реальных ситуациях общения, и обеспечивают активное участие каждого учащегося в процессе обучения. Сценарии адаптируются под различные уровни владения иностранным языком, что делает их применимыми на любом образовательном уровне в школе.

Завершающий этап работы предполагает обсуждение впечатлений от проигранного сценария, разбор того, что школьники узнали, чему научились, какие испытывали трудности, и наоборот — в какой момент чувствовали себя уверенно.

Выбор контекста для сценария в рамках сценарной технологии обучения иностранному языку определяют следующие факторы:

- цели урока (практические и личностно формирующие);
- уровень владения школьниками иностранным языком;
- доступный учащимся уровень проблемности заданий;
- возрастные, психологические и культурные особенности школьников;
- социальные нормы и традиции, принятые в обществе;
- социально-политическая ситуация в стране и мире.

При выборе контекста для сценариев целесообразно использовать характерные и типичные для данного общества произведения искусства (книги, фильмы, музыка, фольклор), которые позволят учащимся лучше понять культурные особенности страны изучаемого языка. Привлекают также примеры из реальной жизни — диалоги, записанные в реальных

ситуациях, аутентичные новостные статьи, диалоги в социальных сетях (обсуждение спортивных, культурных событий), блоги.

Как было отмечено выше, сценарная технология имеет целью вовлечь учащихся в процесс изучения иностранного языка, предоставляя им возможность совершенствовать речевые навыки в ситуациях, близких к реальным. В таком сценарии школьники играют активную роль, взаимодействуют друг с другом и с учителем с целью решения задач.

Примерами интерактивных вовлекающих сценариев в процессе обучения иностранным языкам могут быть следующие:

1. Ролевые игры. В отличие от привычной ролевой игры учащиеся используют предварительно подготовленные сценарии, которые могут включать диалоги, тексты, видео и др. Учащиеся могут проигрывать роли различных персонажей и по мере развития сценария решать задачи, связанные с реальными жизненными ситуациями.

2. Виртуальные экскурсии и путешествия. С помощью технологий виртуальной реальности или онлайн-платформ учащиеся могут путешествовать в виртуальные страны и города, взаимодействуя с местными (виртуальными) жителями на иностранном языке.

3. Сценарии на основе аутентичных материалов. Для их развертывания могут быть использованы, например, статьи из газет, реклама, песни или фильмы. Это помогает лучше понимать аутентичную речь и самостоятельно применять иностранный язык в реальных контекстах.

4. Групповые проекты. Работая в группах, школьники создают на иностранном языке сценарии в рамках проектной деятельности. Это позволяет сотрудничать с другими учащимися и применять имеющиеся коммуникативные умения для решения практических задач.

5. Развертывание сценариев на основе интерактивных видео- и аудиоматериалов, что делает возможным погружение в языковую среду, близкую к реальной.

6. Дискуссии и дебаты на основе разработанных сценариев, где учащиеся выражают свое мнение и аргументируют свою точку зрения.

4. Заключение

Таким образом, исследование показало, что сценарная технология обеспечивает структурированный и систематический подход к изучению иностранного языка, создавая условия для повышения результативности этого процесса. К преимуществам технологии мы относим следующие:

– Максимальное приближение учебного общения к реальным жизненным ситуациям, что позволяет обеспечивать мотивированность и целенаправленность речевой деятельности школьников.

– Активизация творческого мышления и вовлечение школьников в активное общение друг с другом и учителем с целью решения коммуникативных задач речевыми средствами.

– Побуждение учащихся к мыслительной деятельности через диалогический обмен мнениями, а также через развертывание монологических высказываний в соответствии с короткими, длинными и сложными, профессионально ориентированными и др. сценариями.

– Вариативность сложности задания и степени самостоятельности учащихся в зависимости от уровня владения иностранным языком.

– Создание интерактивной стимулирующей образовательной среды для совершенствования коммуникативных и социальных умений.

– Развитие у учащихся способности ответственно принимать жизненные решения и предвидеть результаты своих действий и поступков.

Сценарии имеют увлекающий характер, то есть направлены на вовлечение учащихся в развертывание последовательности коммуникативных действий. Они являются важным инструментом для создания убедительных и реалистичных виртуальных или иных сред, которые могут быть использованы для активизации речемышлительной деятельности учащихся, обеспечивают обостренное внимание и восприятие и, следовательно, благоприятные условия для овладения говорением на иностранном языке.

Продолжение исследования данной проблемы может быть направлено на рассмотрение потенциала дополненной и расширенной реальности для создания интерактивной и увлекающей виртуальной среды, погружение в которую обеспечит оптимальные условия для еще большего сближения учебного общения с условно реальным.

Список литературы / References

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. [Abulhanova-Slavskaya, Ksenia A. (1991) *Strategiya zhisny* (Life Strategy). Moscow: Mysl. (In Russian)].
- Алексеева И. С. Сценарный подход в подготовке устных переводчиков: учебные конференции // Вопросы методики преподавания в вузе. 2020. Т. 9. № 33. С. 12–26. [Alekseeva, Irina S. (2020) *Stsenarniy podhod v podgotovke ustnykh perevodchikov: uchebnye konferentsii* (Scenario Approach to Training Translators). *Teaching Methodology in Higher Education*, Vol. 9, 33, 12–26 (In Russian)].

- Ариян М. А. Социально-эмоциональное развитие обучающихся средствами иностранного языка // Язык и культура. Научный журнал. 2017. № 40. С. 151–170. [Ariyan, Margarita A. (2017) Sotsial'no-emotsional'noe razvitie obuchayushihhsya sredstvamy inostrannogo yazyka (Social and Emotional Development of Students Using a Foreign Language). *Language and Culture*, 40, 151–170 (In Russian)].
- Борисова З. С., Смолина Л. П. Некоторые пути повышения мотивации изучения иностранных языков // Иностранные языки в школе. 2005. № 3. С. 34–39. [Borisova, Zoya S., & Smolina, Lyubov P. (2005) Nekotorye puti povysheniya motivatsii izucheniya inostrannyh yazykov (Some Ways to Increase Motivation for Learning Foreign Languages). *Inostrannye yazyki v shkole*, 3, 34–39 (In Russian)].
- Вебер И. С. Метод языкового погружения на уроках английского языка в современной школе // Молодой ученый. 2019. № 6 (224). С. 207–209. [Weber, Inga S. (2019) Metod yazykovogo pogruzheniya na urokah angliyskogo yazyka v sovremennoy shkole (Language Immersion Method in English Lessons in a Modern School). *Young Scientist*, 6 (224), 207–209 (In Russian)].
- Гончаров В. С. Психология проектирования когнитивного развития: Монография. Курган: Издательство КГУ, 2005. [Goncharov, Vladimir S. (2005) *Psihologiya proektirovaniya kognitivnogo razvitiya*: Monografiya (Psychology of Cognitive Development Design: Monograph). Kurgan: Izdatel'stvo KGU. (In Russian)].
- Гришина Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3 (17). С. 45–52. [Grishina, Natalia V. (2011) Zhiznennyye tsenarii: normativnost' i individualizatsiya (Life Scenarios: Normativity and Individualization). *Psychological Studies*, 3 (17), 45–52 (In Russian)].
- Изотова Е. И. Эмоциональная сфера ребенка: Теория и практика. М.: Академия, 2004. [Izotova, Elena I. (2004) *Emotsional'naya sfera rebyonka: Teoriya i praktika* (*The Emotional Sphere of the Child: Theory and Practice*). Moscow: Akademia. (In Russian)].
- Ильин Е. П. Мотивы и мотивация. СПб.: Питер, 2002. [Ilyin, Eugene P. (2002) *Motivy i motivatsiya* (Motives and Motivation). Saint-Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2001. [Kolesnikova, Irina L., & Dolgina, Olga A. (2001) *Anglo-russkiy terminologicheskiy spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannyh yazykov*. Saint-Petersburg: Russko-baltiyskiy informatsionniy tsentr BLITTS. (in Russian)].
- Молчанюк К. Н. Перспективно-сценарный метод подготовки студентов к жизненному выбору: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2022а. [Molchanyuk, Christina N. (2022a) *Perspektivno-stsenarniy metod podgotovki studentov k zhiznennomu vyboru: Avtoref dis. ... kand. ped. nauk* (Perspective-scenario Method of Preparing Students for Life Choices: Extended Abstract of PhD Thesis in Pedagogy). Moscow. (In Russian)].
- Молчанюк К. Н., Мазниченко М. А. Перспективно-сценарный метод — средство усиления личностной значимости школьного обучения для одаренных старшеклассников // Школьные технологии. 2022b. № 3. С. 89–97. [Molchanyuk, Christina N., & Maznichenko, Marina A. (2022b) Perspektivno-stsenarniy metod — sredstvo usileniya lichnostnoy znachimosti shkol'nogo obucheniya dlya odaryonnyh starsheklassnikov (Perspective-Scenariomethod is a Means of Enhancing Personal Significance of School Education for Gifted High School Students). *Journal of School Technology*, 3, 89–97. (In Russian)].

- Сергеев С. Ф. Проблемы и перспективы использования электронного обучения // Школьные технологии. 2015. № 3. С. 28–38. [Sergeev, Sergey F. (2015) Problemy i perspektivy ispol'zovaniya elektronnoy obucheniya (Problems and Prospects for Using E-learning). *Journal of School Technology*, 3, 28–38. (In Russian)].
- Слей Н. Сценарий как средство обучения иностранному языку // Cross-culture Studies: Education and Science. 2018. № 3. С. 177–182. [Slay, Natalia. (2018) Scenariy kak sredstvo obucheniya inostrannomuy azyku (Scenario as a Means of Teaching a Foreign Language). *Cross-culture Studies: Education and Science*, 3, 177–182. (In Russian)].
- Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. Москва: Астрель, 2008. [Shchukin, Anatoly N. (2008) *Lingvodidakticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Lingvodidactic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Astrel. (In Russian)].

References

- Alberts, Olaf. (2001) *Skillfully Moderating: Future Workshop and Scenario Technology*. Regensburg.
- Allan, Chad E. (2018) *Decision-making: A reflective journey of the lived experiences of experienced teachers* (Doctoral dissertation). Kent: Kent State University.
- Di Pietro, Robert J. (1987) *Strategic Interaction: Learning language through scenarios*. Cambridge: CUP.
- Errington, Edward P. (2003) *Developing Scenario-based Learning: Practical Insights for Tertiary Educators*. Palmerston North, N.Z.: Dunmore Press.
- Maley, Alan, & Duff, Alan. (1993) *Drama techniques in Language Teaching* Cambridge: CUP.
- Ren, Huan-huan H., & Ma, Chi. (2016) *The Operating Patterns of Learner Emotions in Second Language Learning*. International Conference on Applied Social Science Research (ICASSR 2015), vol. 23, 601–603
- Retzmann, Thomas. (2001) The Scenario Technology — a Complex Teaching / Learning Arrangement for Interdisciplinary Political Education in the Social Sciences. *Gegenwartskunde*, 3, 363–374.
- Sass, Anne, & Eilert-Ebke, Gabriele. (2014) *Scenarien im berufsbezogenen. Unterricht Deutsch als Zweisprache*. Hamburg: passage gGmbH. (In German).
- Wilms, Falko. (2006) *Scenario Technology. On Dealing with the Future*. Bern: Haupt Verlag.
- Muller-Trapet, Jutta. (2010) *Szenario-Technik im berufsorientierten Fremdsprachenunterricht*. KWW-Infobrief, Ausgabe 3. (In German).

УДК 378.016 :81'253:61

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-171-186

ОБУЧЕНИЕ УСТНОМУ МЕДИЦИНСКОМУ ПЕРЕВОДУ: ПРОБЛЕМЫ, ДИДАКТИКА

Е. Ю. Мощанская

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

Статья посвящена проблемам медицинского перевода и вопросам обучения устному медицинскому переводу. Актуальность статьи обусловлена увеличением числа иностранных студентов и мигрантов в России, отсутствием описания данной специальности в профессиональном стандарте «Специалист в области перевода» от 2021 года. Цель исследования — выявление проблем медицинского перевода, в том числе и при оказании помощи иноязычным пациентам работниками скорой медицинской помощи, а также анализ опыта организации обучения устному медицинскому переводу в зарубежных вузах. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы исследования: теоретический анализ работ, посвященных медицинскому переводу и дискурсу, рассмотрение требований к медицинским переводчикам, изложенных в документах Международной ассоциации устных медицинских переводчиков, анализ программ европейских университетов в сфере обучения медицинскому переводу, анкетирование сотрудников скорой медицинской помощи. Научная новизна состоит в том, что автором разработана анкета для выявления проблем при оказании медицинской помощи иностранным гражданам, предложено авторское определение устного последовательного перевода в медицинской сфере, описаны результаты анализа программ подготовки переводчиков в зарубежных вузах. Представлен перечень проблем в сфере медицинского перевода, обобщены требования к медицинским переводчикам, описан опыт обучения медицинскому переводу в зарубежных вузах. Результаты анкетирования работников скорой медицинской помощи доказывают необходимость подготовки профессиональных и повышения квалификации непрофессиональных переводчиков, работающих в медицинской сфере. Результаты исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость и могут быть использованы при подготовке медицинских переводчиков.

Ключевые слова: медицинский перевод; медицинский дискурс; лингвистические; психологические и культурологические проблемы перевода; анкетирование; психодрама.

Цитирование: Мощанская Е. Ю. Обучение устному медицинскому переводу: проблемы, дидактика // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 171–186. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-171-186.

Training Medical Interpreters: Problems and Didactics

Elena Yu. Moschanskaya

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

The article examines challenges of medical translation and interpretation as well as issues related to teaching oral medical translation. The relevance of the article is dictated by the increase in the number of foreign students and migrants in Russia as well as the absence of the description of this profession in the 2021 Professional Standard “Specialist in Translation”. The purpose of the study is to identify existing challenges in the field of medical translation, including those in providing care to foreign-speaking patients by emergency medical workers, as well as to analyze the experience of organizing medical interpreting training programs in foreign colleges and universities. The study employs the following research methods: theoretical analysis of current research on medical translation and discourse, analysis of standards and requirements for medical translators and interpreters set out in the documents of the International Association of Medical Translators, analysis of programs of European and Russian universities in the field of medical translation training, and surveys conducted among emergency medical workers. The author has made a new contribution to the field by 1) developing a questionnaire, aimed at identifying problems in providing medical care to foreign citizens; 2) developing a definition of consecutive interpreting in the medical field; and 3) describing the results of the analysis of translator training programs in foreign and Russian universities. The practical and theoretical significance of the study lies in that it presents a classification of problems in the field of medical translation, summarizes the requirements for medical translators, and describes the experience of teaching medical translation in foreign universities. The results of the survey among emergency medical personnel prove the need for special training of professional and non-professional translators working in the medical field. The results of the study have both theoretical and practical significance and can be used in the training of medical translators and interpreters.

Key words: medical translation; medical discourse; linguistic; psychological and cultural problems of medical interpreting; questionnaire survey; psychodrama; dramatization.

Citation: Moschanskaya, Elena Yu. (2024) Training Medical Interpreters: Problems and Didactics. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 171–186. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-171-186.

1. Введение

На современном этапе развития общества перевод в административно-социальной сфере приобретает особую значимость. Это связано с интернационализацией сферы образования, возросшим потоком мигрантов, в том числе из стран СНГ. Мало исследованы в настоящее время проблемы административно-социального перевода в ситуациях общения представителей социальных органов и носителей иностранного языка и культуры в случае оказания неотложной медицинской помощи.

Важный аспект данного вида перевода — политика государственных и социальных учреждений, касающаяся организации переводческого сопровождения иностранных граждан / мигрантов. Актуальность обращения к данной тематике обусловлена также недостаточным количеством работ, посвященных исследованию проблем и трудностей устного медицинского перевода в России, ролей, функций и этики переводчика, организации обучения устных переводчиков в сфере медицины.

В Европейском союзе тема медицинского перевода стала актуальной в конце XX — начале XXI века. Данный тип перевода был предметом исследования зарубежных ученых F. Röchhaker, S. Pöllabauer, V. Ahamer (Австрия); S. Bahadir, D. Dizdar (Германия); D. Krystallidou, P. Ruyе (Бельгия) и др. На сегодняшний день созданы руководства по подготовке / повышению квалификации медицинских переводчиков, разработаны модули и программы обучения / повышения квалификации в сфере специального перевода (Инсбрук, Гермерсхайм и т. д.). Вместе с тем авторы отмечают, что существует ряд проблем, осложняющих опосредованную коммуникацию между врачом и пациентом, говорящим на иностранном языке: асимметричность взаимодействия, использование родственников и коллег в роли переводчиков, сложности в выстраивании эмоциональной коммуникации.

В России медицинский дискурс и его составляющие изучали такие ученые, как В. В. Жура, С. Л. Мишланова, Л. М. Алексеева, В. В. Болучевская и др., проблемы медицинского перевода рассматривались в исследованиях Б. А. Кобринского, Н. В. Матвеева, С. Л. Мишлановой, М. С. Фроловой, М. В. Ширинян, С. В. Шустовой, медицинская терминология была предметом исследования С. Л. Мишлановой, М. Ю. Сурмач, Е. М. Тищенко, А. А. Филипповой и др. Проблемы обучения иностранному языку в сфере медицинского дискурса освещались в работах Л. А. Гаспарян, К. А. Митрофановой, Н. А. Стадульской и др.

Обратимся к понятию «устный медицинский дискурс». В. В. Жура включает в это понятие «речевые произведения, создаваемые в ходе коммуникации различными представителями социального института медицины и их клиентами (пациентами) в соотнесенности с различными экстралингвистическими факторами, определяющими их порождение» (Жура 2013: 73). Автор относит к устному медицинскому дискурсу такие жанры, как консультация пациента врачом, консилиум, разговор с родственниками больного и другие (Жура 2007: 59). Принято выделять следующие характерные признаки названного дискурса: ритуализированность, асимметричность, научность, точность, лаконичность, наличие этических норм

поведения, личностность и конфликтогенность (Жура 2013; Майборода 2016, 2017; Косицкая, Матюхина 2017).

Устный медицинский дискурс становится объектом медицинского перевода. С точки зрения социокультурного подхода мы трактуем медицинский перевод как межъязыковое и межкультурное посредничество как в медицинских учреждениях, так и вне их с целью оказания помощи клиентам — представителям отечественной и иной культуры (гражданам иностранных государств, студентам, для которых русский язык не является родным, мигрантам, беженцам), не владеющим или недостаточно владеющим официальным языком / знаниями о культуре и нормах поведения в медицинской сфере принимающей страны. Медицинский перевод, таким образом, есть сложная билингвальная и бикультурная коммуникативная деятельность, направленная на решение задач оказания медицинской помощи пациенту. Основной формой устного медицинского перевода является устный последовательный двусторонний перевод, который может сочетаться с шушотажем и переводом с листа.

Анализ литературы показал, что можно выделить четыре типа проблем медицинского перевода: лингвистические, психологические, культурологические и прагматические.

Большинство исследователей называют в качестве основных лингвистических проблем медицинского перевода незнание лексики, в том числе терминологии (Н. Lee-Jahnke, И. В. Тележко, М. В. Ширинян, С. В. Шустова). По мнению Х. Ли-Янке, к лингвистическим проблемам относятся терминологические проблемы, трудности перевода сокращений, эпонимов, допустимость применения англицизмов; особенности сочетаемости языковых единиц и структуры текста (Lee-Jahnke 2001). М. В. Ширинян, С. В. Шустова дополняют данный перечень, включая в него термины-синонимы, термины-диалектизмы, заимствованные термины из других наук, например, биологии, химии, физики и т. д., аббревиатуры (Ширинян, Шустова 2018: 301–302).

Второй вид проблем можно отнести к психологическим. Одна из важнейших особенностей медицинского перевода — ярко выраженная эмоциональная составляющая коммуникации. Переводчик является непосредственным участником общения, вынужден воспринимать и транслировать отрицательные эмоции пациента, переводить конфиденциальную информацию, диагноз врача. Исследователи из Бельгии провели анализ девяти видеозаписей консультаций врача, опосредованных переводчиком. В 44 из 70 случаев ученые зафиксировали адекватную передачу эмоционально-эмпатийного взаимодействия, в остальных случаях наблюдалось

редуцирование или опущение эмоциональной составляющей, трансформация эмоции (Krystallidou et al. 2018). Вместе с тем в ряде исследований было доказано, что способность врача точно определять эмоции пациента и адекватно на них реагировать положительно влияет на уровень удовлетворенности пациента лечением (Hsieh et al. 2015; Lorié et al. 2017), а результативность эмоционального взаимодействия и лечения зависит от таких качеств переводчика, как эмоциональная устойчивость и эмпатия (Hubscher-Davidson 2016). Переводчики должны следить за полнотой передачи эмпатических высказываний врача с точки зрения смысла и интенсивности (Krystallidou et al. 2020: 528).

Третий вид проблем обусловлен культурологическими барьерами. К ним мы относим несовпадение законодательных актов разных стран, регулирующих работу медицинского персонала, специфические особенности коммуникативного поведения врача при общении с пациентом, различия в алгоритмах оказания неотложной помощи и т. д.

К прагматическим проблемам мы относим отсутствие или недостаточную подготовленность переводчиков. Исследование, проведенное в Швейцарии среди медицинских работников, оказывающих первичную медицинскую помощь, показало, что более 90 % из 599 участников этого общенационального исследования сталкиваются с языковыми проблемами не реже одного раза в год, 30 % — даже раз в неделю. Использование членов семьи и друзей в качестве посредников является наиболее частым способом преодоления языкового барьера — 60,1 %. Две трети врачей, работая с иностранцами, не имеют возможности обратиться к профессиональному переводчику (Jaeger et al. 2019). В то же время интервью с 21 пациентом-мигрантом первого поколения из Турции в Голландии показало, что они больше доверяют неформальным переводчикам, поскольку последние воспринимаются как защитники и адвокаты, так как общаются с пациентами на равных (Zendedel et al. 2018).

Таким образом, к основным проблемам в сфере медицинского перевода можно отнести недостаточное знание терминологии и культурной специфики, эмоциональную неустойчивость и, в случае привлечения непрофессиональных переводчиков, недостаточную подготовленность переводчиков. Многие из этих проблем и трудностей можно снять, обеспечив адекватное профессиональным условиям работы обучение переводчиков.

Анализ публикаций отечественных ученых о медицинском переводе показал, что практически не проводились исследования специфики работы скорой медицинской помощи с пациентами, не владеющими или плохо

владеющими русским языком. В профессиональном стандарте «Специалист в области перевода» (Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода» 2021) отсутствует описание трудовых функций, знаний и умений, необходимых медицинскому переводчику.

Это позволило определить цель исследования, а именно — проведение анкетирования сотрудников скорой медицинской помощи Пермского края (далее СМП), направленного на выявление проблем перевода в процессе оказания неотложной помощи представителям иностранных государств; анализ руководства по медицинскому переводу Международной ассоциации устных медицинских переводчиков на предмет определения требований к переводчикам, а также выявление опыта и эффективных методов обучения медицинскому переводу в европейских вузах.

2. Характеристика материала и методов исследования

Для достижения названной цели нами были использованы следующие методы: теоретический анализ работ, посвященных медицинскому переводу и дискурсу, рассмотрение требований к медицинским переводчикам, изложенных в документах Международной ассоциации медицинских переводчиков, анализ программ европейских университетов в сфере подготовки к медицинскому переводу, анкетирование сотрудников скорой медицинской помощи.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Результаты анкетирования сотрудников скорой медицинской помощи

Обратимся к результатам анкетирования сотрудников скорой медицинской помощи города Перми. Всего в 2019–2020 гг. было опрошено 65 респондентов, из которых 17 являлись сотрудниками СМП, Территориального центра медицины катастроф г. Перми, а 48 — Пермского края.

Основу эмпирического исследования составили следующие вопросы:

1. На каких языках чаще всего говорили иноязычные пациенты скорой помощи?
2. Какие проблемы выявляются при общении с иноязычными пациентами через посредника?
3. Считают ли сотрудники скорой медицинской помощи необходимым создание службы переводчиков?

Анализ результатов исследования показал, что 98 % сотрудников СМП г. Перми и Пермского края имели дело с пациентами, недостаточно

хорошо говорившими по-русски. При этом 90,7 % общались с пациентом через посредника, чаще всего в качестве посредников выступали родственники пациента (81,4 %), в том числе дети (3,4 %), друзья (37,3 %), коллеги по работе (23,7 %) переводчики (3 %).

На вопрос, какие языки являются родными для пациентов, респонденты ответили, что наиболее часто встречались пациенты с узбекским языком (41 анкета), на втором месте — пациенты с туркменским и казахским языками (11), на третьем месте — пациенты, родным или используемым языком которых был английский язык (10), четвертое место поделили арабский и немецкий (по 9 соответственно). Кроме этого были названы китайский (6), азербайджанский, французский и коми-пермяцкий языки (по 2), турецкий, украинский, корейский, вьетнамский (по одной анкете).

К основным проблемам перевода при общении через коллегу / родственника работники СМП относят незнание медицинских терминов (86,7 %), неясно переданное содержание ответов (46,2 %), сокращение высказывания пациента (53,3 %), плохое знание русского языка (53,3 %), ответ на вопрос за пациента (53,3 %).

Большинство респондентов (57,7 %), оценивают уровень общения через посредника как достаточный и 46,2 % — как низкий (1 человек отметил и то и другое). 46,2 % полагают, что работа с посредником не влияет на оказание медицинской помощи.

Вместе с тем респонденты отмечают, что наличие языкового барьера влияет на диагностику заболевания пациента (7,7 %), затрудняет проведение необходимых медицинских процедур (11,5 %), требует больше времени на заполнение медицинской документации (26,9 %). В целом 65,4 % респондентов полагают, что работа с посредником отнимает больше времени, чем обслуживание русскоязычных пациентов.

Более половины респондентов — сотрудников СМП города Перми (64,7 %) считают необходимым создание переводческой службы при медицинских организациях, в то время как большинство сотрудников СМП Пермского края (58,3 %) полагают, что в этом нет необходимости.

Анализ результатов исследования позволил сформулировать проблемы и пути решения: создание мобильной переводческой бригады при Министерстве здравоохранения РФ либо при службе скорой помощи, организация обучения переводу носителей языка национальных меньшинств — непрофессионалов, повышение квалификации профессиональных переводчиков.

3.2. Анализ зарубежного опыта организации обучения медицинских переводчиков

Вторая цель нашего исследования заключалась в анализе требований к медицинским переводчикам, а также программ подготовки переводчиков к медицинскому переводу в зарубежных университетах. Для этого мы изучили требования к медицинским переводчикам, представленные в руководстве по медицинскому переводу Международной ассоциации устных медицинских переводчиков (англ. *International Medical Interpreters Association, IMIA*), а также познакомились с программами обучения медицинских переводчиков, представленными на сайтах ведущих университетов Австрии и Германии.

Авторы руководства по медицинскому переводу *IMIA* относят к необходимым знаниям в медицинской сфере достаточные знания родного / иностранного языков, культурных особенностей родного / изучаемого языка, аналитические способности. Профессиональный характер медицинского дискурса обуславливает высокую терминологическую плотность высказывания. В связи с этим переводчик должен владеть медицинской терминологией, уметь пользоваться специальными словарями (Тхабарриага 2009). Наряду с руководством в международной ассоциации разработан кодекс поведения медицинского переводчика. К этическим принципам авторы относят соблюдение конфиденциальности, беспристрастность, нейтральность. Вместе с тем переводчик призван выполнять роль защитника интересов пациента и быть кросс-культурным посредником, а именно — при необходимости разъяснять поставщикам медицинских услуг и пациентам межкультурные различия (*IMIA Code of Ethics*).

В ходе эмпирических исследований зарубежные специалисты пришли к выводу о том, что на практике переводчик, физически присутствуя во время беседы с врачом, выступает как третья сторона, призванная удовлетворять потребности субъектов общения. «Переводчик находится в центре парадоксальной ситуации: пациент хочет поделиться своей болью, своим миром с помощью точного перевода, сделанного лояльным, не нейтрально относящимся к нему переводчиком» (Bahadir 2010: 154). В то же время врач нуждается в точной передаче медицинского термина пациенту. В итоге Ш. Бахадир формулирует следующее требование к переводчику в сфере медицинского перевода: переводчик должен уметь варьировать свой перевод, адаптировать его под конкретного клиента. Для этого необходимо найти соответствующие методы и формы обучения (*Ibid.*).

Целью перевода в устном медицинском дискурсивном пространстве, таким образом, является, с одной стороны, обеспечение точной и качественной передачи информации для оказания медицинской помощи пациенту, знание реалий принимающей и исходной культуры, с другой стороны, эмоциональная интеллигентность и умение проявлять эмпатию.

Каким же образом организовано обучение медицинских переводчиков за рубежом?

Мы провели анализ веб-страниц трех университетов Германии и Австрии, а также статей наиболее известных ученых в сфере обучения медицинскому переводу. Анализ показал, что модуль «медицинский перевод» включен в программу магистратуры либо обучение данному виду перевода предлагается на семинарах повышения квалификации переводчиков. В качестве основной формы обучения выступают лекции и практические занятия, включающие в некоторых случаях элементы психодрамы (Bahadir 2008).

Так, на факультете перевода, языкознания и культурологии университета имени Й. Гуттенберга г. Майнца (Германия) с 2013 г. в рамках магистратуры предлагаются модули по выбору «Специальный устный и письменный перевод» в медицинской, социальной и юридической сферах (Modulhandbuch 2021). Модуль специального устного перевода рассчитан на 360 часов теории и 360 часов практики. После окончания модуля студенты получают знания основ медицинских наук и умения использовать эти знания как методические предпосылки для самостоятельного изучения других тем, могут разрабатывать терминологические глоссарии и оценивать профессиональные компетенции переводчика. Студентам для изучения предлагаются следующие темы: стратегии профессиональной деятельности / поведения; этика переводчика в медицинской сфере, психосоциальные аспекты перевода, стратегии и техники перевода и т. д. (Ibid.). В этом же университете был инициирован учебный проект «Триада», в котором приняли участие студенты медицинского, фармацевтического факультетов и факультета перевода, языкознания и культурологии. В рамках двухдневного проекта было организовано обучение и проведены ролевые игры — разговор врачей и фармацевтов с иноязычными пациентами. Студенты факультета перевода выполняли роли переводчиков и пациентов. Одна из целей курса — формирование межкультурной и межпрофессиональной компетенций будущих профессионалов. Обучение показало, что сотрудничество медицинских работников и переводчиков повышает эффективность лечения пациентов (Strelow et al. 2021: 15).

В университете Инсбрука (Австрия) студентам, обучающимся в магистратуре, предлагается модуль по выбору «Социально-административный устный перевод». Основная цель модуля — получение знаний в сфере социально-административного перевода, а также понимание ролей устного переводчика в этой сфере (Curriculum... 2020). В институте теоретического и прикладного переводоведения университета г. Грац (Австрия) создана рабочая группа «Социально-административный устный перевод» (*Arbeitsgruppe Kommunaldolmetschen*), разработана программа курса повышения квалификации для базового уровня, студентам предлагается серия лекций на тему: «Строить мосты вместо того, чтобы ставить барьеры. Языковое и культурное посредничество в социальной, медицинской и административной сферах» (*Arbeitsgruppe Kommunaldolmetschen* 2023).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Германии и Австрии перевод в административно-социальной сфере преподается на факультетах переводоведения в рамках магистратуры или на семинарах повышения квалификации для непрофессиональных переводчиков.

Какие же знания, навыки и умения необходимы в сфере медицинского перевода? Какие субкомпетенции необходимо формировать у переводчиков этой сферы общения?

Перечень знаний, навыков, умений и личностных качеств в сфере социального перевода предлагает Э. Ю. Новикова. Автор находит необходимым получение знаний в области теории и практики коммуникации и межкультурной коммуникации; в сфере теории и практики перевода; в области медиации (посредничества в конфликтных ситуациях); профессиональной этики, норм и правил поведения в конкретной профессиональной отрасли; специальной терминологии, способах ее пополнения и использования; а также знакомство с коммуникативно-значимыми профессиональными ситуациями. При этом важно формировать умение перевода в сложных в эмоциональном плане ситуациях, ситуациях противостояния психологическому давлению и конфликтов, а также владение технологиями двустороннего перевода и стилевыми регистрами (Новикова 2016: 98).

Л. И. Корнеева, М. К. Куклина, опираясь на исследования зарубежных и отечественных ученых, называют следующие составляющие переводческой компетентности: предметная, лингвистическая, собственно переводческая. Кроме названных субкомпетенций, по мнению авторов, необходимо формирование таких умений, как «умение учитывать специфику культуры, ситуации общения и норм поведения; умение грамотно искать и сохранять нужную информацию; умение определять жанр переводимого текста и сохранять

характерные для него черты в переводном тексте; умение выстраивать перевод в рамках заданной коммуникативной ситуации; умение управлять такими психофизиологическими процессами, необходимыми при выполнении перевода, как память, внимание, любознательность, логическое мышление и др.; умение выстраивать отношения с заказчиком и коллегами и так далее» (Корнеева, Куклина 2022: 143–144).

Профессиональная компетенция и компетентность в сфере социального, в том числе и медицинского, перевода включает, таким образом, лингвистическую субкомпетенцию (знания и умения восприятия и понимания диалектов исходного языка, регистров и функциональных стилей, в особенности разговорного стиля; умение понимать содержание высказывания и передавать его в удобной для понимания форме); предметную субкомпетенцию (знание специальной терминологии и медицинских процессов), социо- и межкультурную субкомпетенцию (знание законов, национальных особенностей коммуникативного поведения носителей исходного и переводящего языков, умение предоставлять соответствующие комментарии по поводу вербального и невербального поведения субъектов общения); дискурсивную субкомпетенцию (знание специфики дискурса и коммуникативных ситуаций, а также типичных жанров медицинского дискурса, умение применять эти знания в ситуации устного перевода); личностную субкомпетенцию (эмоциональную интеллигентность, стрессоустойчивость, эмпатию, гибкость), собственно переводческую субкомпетенцию (владение техникой переводческой записи, навыками и умениями двустороннего перевода в технике последовательного перевода или шушутажа, этикой профессионального поведения переводчиков в различных коммуникативных ситуациях).

3.3. Практика обучения медицинскому переводу в европейских университетах

При обучении студентов-переводчиков устному медицинскому переводу зарубежные ученые берут за основу интерактивные технологии: метод кейс-стади (Trainingshandbuch... 2021), социально-коммуникативный тренинг, психодрама Дж. Морено, «театр угнетенных» (*Theater der Unterdrückten*) А. Боалс.

Метод кейс-стади позволяет развивать аналитические способности будущих переводчиков, находить и аргументировать решения возникающих проблем.

В психодраме и в «театре угнетенных» центральным элементом является инсценировка ситуации. Отличие инсценировки в духе «театра угнетенных» от психодрамы заключается в том, что проигрываются ситуации,

в которых сознательно или неосознанно оказывается давление на человека или имеются причины, влияющие на неудовлетворительное выполнение работы. Такая техника называется «Форум-театр»: одна и та же ситуация проигрывается столько раз, пока не находится оптимальное решение проблемы.

Инсценировка включает три этапа:

1) развитие способности к ситуативно и контекстуально адекватному поведению / деятельности; при этом происходит одновременное осознание обусловленности / относительности решений, восприятие и признание в процессе принятия решений других стратегий устного перевода;

2) «нахождение в ситуации» и наблюдение, а именно — наблюдение за развитием ситуации с дистанции;

3) на третьей ступени обучения происходит формирование умений участников играть интерактивную и активную роль, а именно оценивать и модифицировать все роли и влиять на контекст (Bahadır 2010: 177–178).

Специфика инсценировки заключается в том, что обучаемым заранее предлагается только описание ситуации без готового сценария; при разыгрывании ситуации обучаемые, как правило, действуют исходя из своего жизненного опыта, в связи с этим преобладают спонтанные реакции; одна и та же ситуация проигрывается разными группами несколько раз, так что можно увидеть и оценить разные модели поведения. В конце занятия проходит обсуждение выбранных стратегий перевода и поведения. Наибольший эффект можно получить, привлекая к инсценировкам экспертов из медицинской сферы (медсестер, врачей). Последних также важно обучать работе с переводчиками (Latimer, Gina Robertiello, Squires 2019).

В целом можно отметить, что кейс-стади, ролевые игры, инсценировки как формы обучения отвечают специфике медицинского перевода, способствуют развитию вариативного коммуникативного поведения, освоению типичных ролей и развитию умения принимать взвешенное, отвечающее специфике коммуникативной ситуации переводческое решение.

Мы полагаем, что такие интерактивные формы обучения соответствуют поставленным целям обучения — формированию профессиональной компетенции и субкомпетенций устного переводчика в медицинском дискурсе.

4. Заключение

Результаты анкетирования сотрудников скорой медицинской помощи Перми и Пермского края показали, что проблема нехватки квалифицированных переводчиков в сфере медицины актуальна и для России. К основным

проблемам перевода респонденты относят как незнание предмета перевода (медицинских терминов, например), так и недостаточное владение переводческими навыками и умениями (неясно переданное содержание ответов, сокращение высказывания пациента, ответ на вопрос за пациента). В итоге большинство респондентов считают, что необходимо создавать группу переводчиков при службе скорой медицинской помощи либо Министерстве здравоохранения Пермского края.

В процессе изучения веб-страниц университетов Германии и Австрии, а также статей, посвященных обучению медицинскому переводу, был сделан вывод о том, что модуль «Медицинский перевод» включен в программу курса специального перевода в административно-социальной сфере и изучается на факультетах переводоведения в рамках магистратуры или на семинарах повышения квалификации для непрофессиональных переводчиков. Оптимальными формами обучения медицинских переводчиков выступают кейс-стади, ролевые игры, инсценировки, позволяющие обучаемым попробовать себя в разных ролях, выработать наиболее эффективную и адекватную ситуации медицинского перевода стратегию перевода и коммуникативного поведения.

Список литературы / References

- Жура В. В. Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3: в 3 ч. Ч. II. С. 59–61. [Zhura, Victoria V. (2007) Rechevye strategii vracha v ustnom medicinskom diskurse (Speech Strategies of a Doctor in Oral Medical Discourse). *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 3, 59–61. (In Russian)].
- Жура В. В. Нарратологические исследования устного медицинского дискурса // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 72–78. [Zhura, Victoria V. (2013) Narratologicheskie issledovaniya ustnogo medicinskogo diskursa (Narratological Studies of Oral Medical Discourse). *International Journal of Cultural Research*, 1, 72–78. (In Russian)].
- Корнеева Л. И., Куклина М. К. Специфичность процесса обучения медицинскому переводу // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 4. С. 140–149. [Korneeva, Larissa I., & Kuklina, Maria K. (2022) Specifichnost' processa obucheniya medicinskomu perevodu (Specifity of Teaching Translation of Medical Texts). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 4, 140–149]. (In Russian)]. DOI: 10.15593/2224-9389/2022.4.12.
- Косицкая Ф. Л., Матюхина М. В. Французский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 3 (180). С. 14–17. [Kosickaya, Faina L., & Matyuhina, Maria V. (2017) Francuzskij medicinskij diskurs v sfere professional'noj

- kommunikacii (French Medical Discourse in the Sphere of Professional Communication). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3 (180), 14–17. (In Russian)]. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-14-17.
- Майборода С. В. Проблема конфликтогенности речевого поведения участников устного медицинского дискурса при реализации этикетной речевой стратегии [Электронный ресурс] // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. Вып. 5. С. 350–355. [Majboroda, Svetlana V. (2016) Problema konfliktogennosti rechevogo povedeniya uchastnikov ustnogo medicinskogo diskursa pri realizacii etiketnoj rechevoj strategii (On the Problem of Conflict-bearing Verbal Behavior of Oral Medical Discourse Participants in the Implementation of the Speech Etiquette Strategy). In *Dinamika yazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii: Materialy V Kongressa ROPRYAL* (Dynamics of Language and Cultural Processes in Modern Russia: Materials of the V Congress of ROPRYAL). Saint-Petersburg: ROPRYAL, 350–355. (In Russian)]
- Майборода С. В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1. С. 63–74. [Majboroda, Svetlana V. (2017) Medicinskij diskurs: sovremennye teoretiko-metodologicheskie podhody i perspektivy issledovaniya (Medical Discourse: Modern Theoretical and Methodological Approaches and Research Prospects). *Communicative Studies*, 1, 63–74. (In Russian)]. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.1.75-90.
- Новикова Э. Ю. Медицинский перевод — дискурсивное пространство переводчика // Переводчик XXI века — агент дискурса: Коллективная монография. / Под науч. ред. В. А. Митягиной, А. А. Гуреевой. М.: Флинта; Наука, 2016. С. 77–120. [Novikova, Elina Yu. (2016) Medicinskij perevod — diskursivnoe prostranstvo perevodchika (Medical Translation — the Discursive Space of the Translator). In Mityagina, Vera A., & Gureeva, Anna A. (eds.) *Perevodchik XXI veka — agent diskursa: Koll. Monografiya* (Translator of the 21st Century — Agent of Discourse: Collective Monograph). Moscow: Flinta; Nauka, 77–120. (In Russian)]. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.1.75-90.
- Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода». Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.03.2021 № 134н [Электронный ресурс]. URL: <https://profstandard-translator.ru/wp-content/uploads/2021/10/profstandard-translator.pdf> (дата обращения: 23.06.2023). [Professional'nyj standart «Specialist v oblasti perevoda» Utverzhden prikazom Ministerstva truda i sozialnoi zachity Rossiyskoy Federatsii ot 18.03.2021 № 134n. (2023, June 23) (Professional standard “Specialist in the field of translation”). Retrieved from <https://profstandard-translator.ru/wp-content/uploads/2021/10/profstandard-translator.pdf>. (In Russian)].
- Ширинян М. В., Шустова С. В. Трудности медицинского перевода и способы их преодоления при обучении студентов неязыковых вузов // Язык и культура. 2018. № 43. С. 295–316. [Shirinyan, Marina V., & Shustova, Svetlana V. (2018) Trudnosti medicinskogo perevoda i sposoby ih preodoleniya pri obuchenii studentov neyazykovyh vuzov (The Problems of Medical Translation and the Ways of Overcoming Difficulties in Non-linguistic Universities). *Language and Culture*, 43, 295–316. (In Russian)]. DOI: 10.17223/19996195/43/18.

- Arbeitsgruppe Kommundolmetschen. (2023, January 29) Institut für Theoretische und Angewandte Translationswissenschaft. Universität Graz. Veranstaltungen. Retrieved from <https://translationswissenschaft.uni-graz.at/de/itat/veranstaltungen>. (In German).
- Bahadir, Sebnem. (2008) Das Theater des Dolmetschen: beobachten, teilnehmen, proben, darstellen, verändern. *Zeitschrift für Medizinethnologie*, Vol. 31, 2–3. Spezialheft: die fremden Sprachen, die fremden Kranken: Dolmetschen im medizinischen Kontext, 176–186. (In German).
- Bahadir, Sebnem. (2010) *Dolmetschinszenierungen. Kulturen, Identitäten, Akteure*. Berlin: Saxa Verlag. (In German).
- Curriculum für das Masterstudium Translationswissenschaft an der Philologisch-Kulturwissenschaftlichen Fakultät der Universität Innsbruck. (2023, May 29) Retrieved from www.uibk.ac.at/fakultaeten-servicestelle/pruefungsreferate/gesamtfassung/ma-translationswissenschaft-20w_stand_01.10.2020.pdf. (In German).
- Hsieh, Elaine, & Nicodemus, Brenda. (2015) Conceptualizing Emotion in Healthcare Interpreting: a Normative Approach to Interpreters' Emotion Work. *Patient Education and Counseling*, Vol. 98, Iss. 12, 1474–1481.
- Hubscher-Davidson, Séverine. (2016) Trait Emotional intelligence and translation. A study of professional translators. *Target International Journal of Translation Studies*, 28 (1), 132–157. Retrieved from <https://doi.org/10.1075/target.28.1.06hub>.
- Txabarriaga, Rocío. (2009) (2023, January 30) *IMIA Guide on Medical Translation*. Retrieved from <https://www.imiaweb.org/uploads/pages/438.pdf>.
- IMIA Code of Ethics. (2023, January 30) Retrieved from <https://www.imiaweb.org/code/default.asp>.
- Jaeger, Fabienne, Pellaud, Nicole, Laville, Bénédicte, & Klauser, Pierre. (2019) (2023, January 30) The Migration-related Language Barrier and Professional Interpreter Use in Primary Health Care in Switzerland. *BMC Health Services Research*, 19, 429. Retrieved from <https://doi.org/10.1186/s12913-019-4164-4>.
- Krystallidou, Demi, Remaelb, Aline, de Boe, Esther, Hendrickx, Kristin, Tsakitzidis, Giannoula, Geuchteb, Sofie van de, & Pyped, Peter. (2018) Investigating Empathy in Interpreter-mediated Simulated Consultations: An Explorative Study. *Patient Education and Counseling*, 101, Iss. 1, 33–42. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2017.07.022>.
- Krystallidou, Demi, Bylund, Carma L., & Pypec, Peter. (2020) The Professional Interpreter's Effect on Empathic Communication in Medical Consultations: A Qualitative Analysis of Interaction. *Patient Education and Counseling*, Vol. 103, Iss. 3, 521–529.
- Latimer, B., Gina Robertiello, G., & Squires, A. (2019) Integrating Health Care Interpreters into Simulation Education. *Clinical Simulation in Nursing*, 32, 20–26. <https://doi.org/10.1016/j.ecns.2019.04.001>.
- Lee-Jahnke, Hannelore. (2001) L'enseignement de la traduction médicale: un double défi? *Meta: Journal des traducteurs*, Vol. 46, 1, 145–153. (In French).
- Lorie, Aine, Reinero, Diego, Phillips, Margot, Zhang, Linda, & Riess, Helen. (2017) Culture and Nonverbal Expressions of Empathy in Clinical Settings: A Systematic Review. *Patient Education and Counseling*, 2017, Vol. 100, Iss. 3, 411–424.
- Modulhandbuch. (2021) (2023, May 29) Fachbereich 06: Translations-, Sprach- und Kulturwissenschaft der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. Retrieved from <https://studium.fb06.uni-mainz.de/files/2018/09/Modulbeschreibungen-MAT.pdf>. (In German).

- Strelow, Kai-Uwe R., Bahadır, Şebnem, Stollhof, Bettina, Heeb, Rita M., & Buggenhagen, Holger. (2021) (2023, May 29) Patient Interviews in Interprofessional and Intercultural Contexts (PinKo) — Project Report on Interdisciplinary Competence Development in Students of Medicine, Pharmacy, and Community Interpreting. *GMS Journal for Medical Education*, 38 (3), 1–19. Retrieved from [https:// www.egms.de/static/en/journals/zma/2021-38/zma001463.shtml](https://www.egms.de/static/en/journals/zma/2021-38/zma001463.shtml). DOI: 10.3205/zma001463
- Trainingshandbuch für DolmetscherInnen im Asylverfahren. (2021) (2023, May 29) Retrieved from https://www.unhcr.org/dach/wp-content/uploads/sites/27/2021/11/AT_UNHCR_Handbuch_Dolmetscherinnen_2021.pdf. (In German).
- Zendedel, Rena, Schouten, Barbara C., van Weert, Julia C. M., J., & van den Putte, Bas. (2018) Informal Interpreting in General Practice: The Migrant Patient's Voice. *Ethnicity & Health*, Vol. 23, 2, 158–173. DOI: 10.1080/13557858.2016.1246939.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-187-191

ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ О ЯЗЫКЕ — ОСНОВА УСПЕХА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на книгу: *Корнилов О. А. Контексты межкультурной коммуникации*. М.: ИД «Книжный Дом Университет», 2019. 184 с.

Последние десятилетия отличаются изобилием опубликованной научной литературы, посвященной вопросам теории и практики межкультурной коммуникации (МКК). Это и учебные пособия, и монографии, и результаты фундаментальных исследований.

Тем более интересной в этой связи оказывается книга О. А. Корнилова «Контексты межкультурной коммуникации», которая написана автором на основе значительного опыта преподавательской и исследовательской работы в крупнейших университетах мира в Аргентине, Боливии, на Кубе, в США, Перу, на Тайване, а также в Южной Корее.

Книга О. А. Корнилова привлекает неординарным подходом к постановке проблем, к выбору способов их разрешения и, как естественное следствие, к изложению материала.

Прежде всего внимание читателя обращается на фоновые знания участника коммуникации, от объема и качества которых непосредственно зависит успешность его деятельности в сфере МКК.

О. А. Корнилов выделяет три области фоновых знаний, или, как автор их называет, три контекста, сопряженные с МКК:

- (а) лингвистический контекст,
- (б) психологический контекст и
- (в) культурологический контекст.

Аргументируя тесную взаимосвязь выявленных контекстов, автор подчеркивает, что как раз совокупность знаний базовых категорий трех соответствующих дисциплин создает условия для перемещения процесса обучения тонкостям межкультурной коммуникации в необъятный информационный контекст, чтобы «сделать его максимально осмысленным и нацеленным на дости-

жение макроцели: умению максимально эффективно достигать поставленных коммуникативных целей в процессе межкультурного общения» (с. 4).

Совершая экскурс в историю становления МКК в качестве автономной парадигмы знания, равно как и в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины, автор видит ее истоки в непосредственно прагматическом русле, поскольку ее изначальная ориентация была сфокусирована, во-первых, на формировании практических компетенций в условиях межкультурного общения и, во-вторых, на разработке практических рекомендаций для общения с представителями иных культур в стандартных ситуациях разного уровня и целеполагания.

В начале книги дифференцируются причины и время возникновения интереса к проблемам межкультурной коммуникации в США и в Европе: в первом случае — поиски эффективных средств манипулирования вассалами штатов, во втором случае — поиски принципов сосуществования с массой мигрантов, наводнивших европейские страны.

Среди отличительных черт МКК автор указывает следующие:

- а) междисциплинарный характер,
- б) практическая направленность,
- в) деловая фокусировка.

Особое внимание автор обращает на важность с практической точки зрения такого вида МКК, как межкультурные контакты в сфере бизнеса, формальное и неформальное деловое общение, которое в условиях глобализации все чаще становится кросс-культурным, приобретает интернациональный характер.

Фоновые знания МКК организуются автором вокруг четырех видов контекста, а именно:

- 1) лингвистический контекст межкультурной коммуникации,
- 2) психологический контекст межкультурной коммуникации,
- 3) культурологический контекст межкультурной коммуникации,
- 4) геополитический контекст межкультурной коммуникации.

Первая глава книги посвящена изучению проблем лингвистического контекста межкультурной коммуникации. Здесь подчеркивается ипостасная сущность языка, представление о которой сформировалось в лингвистике совсем недавно, только к концу XX в.

Каждую ипостась языка автор связывает с выделением одного из аспектов языка в ее несомненной связи с другими его аспектами, а именно:

- язык — это *семиотический код*,
- язык — это *инструмент коммуникации*,
- язык — это *инструмент мышления и познания*.

Релевантность выбора методики обучения зависит от правильного представления о том, какая ипостась языка является целью овладения.

Размышляя о соотношении языка и мышления, автор ярко и убедительно аргументирует относительную автономность сознания по отношению к мышлению, без которого оно лишается динамики и становится пустым (с. 41).

Автор широко обосновывает такие характеристики мышления, как его многоуровневая сущность, высокие уровни абстракции его языковой формы, отсутствие оценочного компонента в дифференциации мышления, нетождественность мышления языку. О. А. Корнилов наглядно представляет язык как «средство оформления полученного знания, категоризатор невербального знания».

Во второй главе, размышляя о значении понятия *менталитет*, до сих пор не имеющего удовлетворительного определения, автор приводит около десятка его дефиниций, на основе анализа которых выдвигает инновационный вариант определения этого понятия, где акцентирует ряд его важнейших черт, как то: непрорефлексированность, эмоциональная окрашенность мировидения, с детализацией последнего на мировосприятие, мироосмысление и мирооценивание. В качестве единиц ментальности О. А. Корнилов называет ряд идиологем (с. 52), от выстраивания которых по степени важности и в соответствии с характером смыслового наполнения которых зависит тип культуры.

Книга интересна тем, что автор предлагает вниманию читателя ряд примеров описания специфичности психологии разных народов (от северных европейцев до японцев и индейцев кечуа), которые он называет зарисовками, или эскизами, подчеркивая при этом невозможность создания всеохватывающего и всестороннего описания ментальности даже одного народа, поскольку в природе не существует монолитного народа.

В разделе о соотношении языка и мышления автор убедительно показывает, какое воздействие оказывает оригинальность национального менталитета на разные уровни языка, что наиболее наглядно представлено в пословицах народа (с. 72).

В третьей главе автор рассматривает культурологический контекст межкультурной коммуникации. Наличие около двух с половиной сотен определений понятия *культура* свидетельствует о его несомненной сложности.

В зависимости от типа общности людей выделяются культуры этнические, национальные и локальные. Впервые употребленное в качестве теоретического термина слово *культура* в работе Цицерона (45 г. до н. э.) означало «возделывание ума и души человека». До конца XVII века оно употреблялось именно в этом смысле — «как результат деятельности людей, направленной на преобразование того, что создано непосредственно природой с целью создания альтернативной природе рукотворной и более комфортной среды обитания человека». Автор, прослеживая развитие этого понятия, отмечает приобретение им *оценочного значения*, появление которого связывается с фактом оформления новой, оценочной интерпретации культуры к концу эпохи Просвещения. Автохтонные определения понятия *культура* противопоставляются пониманию культуры в Китае, Корее и Японии.

Детально рассматриваются семь отраслей духовной культуры (мистика, искусство, мифология, философия, религия, наука, идеология), которая как таковая началась с захоронения предков и осознания людьми своей смертности.

Автор советует при этом внимательно прочитать мифы народа, чтобы понять его душу (с. 95).

Понимание бытовой культуры как способа формирования материально-культурного окружения человека подвергается критике автором, который считает его в некоторой степени суженным (с. 96), так как оно не содержит идею функционирования социума. На многочисленных конкретных примерах автор показывает чрезвычайную важность знания именно бытовой культуры при любых видах коммуникации.

О. А. Корнилов, как нам представляется, проводит интересную параллель соотношения бытовой культуры с материальной и духовной культурами с соотношением речи и языка, рассматривая их как динамическую и статическую ипостаси одного целого: «Как речь — это форма реализации и способ функционирования языковой системы, так и бытовая культура — это способ функционирования народа в своей материальной среде в соответствии с нормами и ценностями своей духовной культуры» (с. 97).

Авторское структурирование культурного пространства открывает перспективу новой интерпретации сути соотношения традиционной национальной культуры и массовой культуры и способствует осознанию смысла процесса культурной универсализации в мировом масштабе (с. 102). Понятия *массовая культура* и *культурная универсализация* объединяются автором в одном разделе не случайно. Это помогает читателю найти ответы на актуальные вопросы: почему массовая культура ориентирована на агрессивно-потребительский тип личности? что такое культура «потребления образов»? почему она выгодна идеологам процесса глобализации? в чем причины вытеснения истинной культуры масскультурой? происходит ли универсализация культуры и почему бытовая культура становится все более унифицированной и универсальной?

В книге анализируются наиболее важные типы культур и на основе ряда критериев и параметров, включая и культурные доминанты, дается их характеристика:

- а) культуры автохтонные и гетерохтонные (исконные и привнесенные),
- б) культуры аполлонические (срединного пути) и дионисические (пути крайностей),
- в) культуры вины (мотив / регулятор поведения — общественное мнение) и культуры стыда (мотив / регулятор поведения — совесть),
- г) культуры постфигуративные (ориентированы на ценности прошлого) и конфигуративные (ориентированы на успешное настоящее),
- д) культуры маскулинные (ориентация на карьеру, конкуренция предпочтительнее кооперации) и феминные (ориентация на семью, кооперация предпочтительнее конкуренции),
- е) культуры высококонтекстные (Конфуций: совершенная речь устраняет слова) и низкоконтекстные (ориентация на официальную информацию и договоренности в письменной форме),

ж) культуры большой дистанции власти (авторитарный, жесткий стиль управления) и малой дистанции власти (установка на минимизацию неравенства в обществе),

з) культуры индивидуалистские (преобладание личных интересов над интересами группы) и коллективистские (оценка коллегиальных решений как оптимальных),

и) культуры долгосрочной ориентации общества (способность к долгосрочному планированию) и краткосрочной ориентации общества (пребывание в хронологической сингулярности, стремление урвать здесь и сейчас) (с. 116–143).

В четвертой главе анализируется влияние на деловую коммуникацию основных векторов современных геополитических процессов. О. А. Корнилов делает акцент на минимальной компетенции в области геополитики, которая, по мнению автора, предполагает знание ответов на ряд вопросов: что такое геополитика? кто является субъектами геополитики? что такое цивилизации? каковы основные векторы современных геополитических процессов? что такое глобализация и каковы ее последствия? На все эти вопросы автор предлагает лаконичные исчерпывающие ответы (с. 145).

Завершается книга представлением пяти потоков, или пространств, в виде которых мыслится феномен современной глобализации, а именно: медиaproстранство, этнопространство, технопространство, финансовое пространство, идеологическое пространство. Суть глобализации автор видит в перераспределении привилегий и дискриминации; это процесс рестратификации мира, процесс создания иерархии нового мирового масштаба.

Считаю необходимым привлечь внимание читателя к характерным чертам стиля О. А. Корнилова, который в научном повествовании удачно и ненавязчиво использует весьма оживляющие авторский лингвопрагматический дискурс: (а) метафорические образы (напр., фоновая информация сравнивается с подводной частью айсберга) (с. 4), (б) притчи (китайская притча о постройке нового дома и мн. др.) (с. 5), (в) полемические приемы на протяжении всего текста.

Несомненная актуальность книги в ее злободневности, в готовности обсуждать наиболее острые вопросы современного развития межкультурной коммуникации в совокупности с вопросами сохранения национального суверенитета. Данная книга будет, вне всякого сомнения, полезна как искушенным специалистам в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, так и начинающим исследователям.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анашкина Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Саранск, Республика Мордовия, Россия, iraida952@gmail.com

Ариян Маргарита Анастасовна, доктор педагогических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, fenkot603@yandex.ru

Бугрова Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, sebugrova@lunn.ru

Конькова Инна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Саранск, Республика Мордовия, Россия, mirna_13@mail.ru

Лисенкова Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, nnlisenkova@lunn.ru

Марфина Жанна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, ректор Луганского государственного педагогического университета, Луганск, Россия, info_lu@lgru.org

Миндияхметова Римма Махияновна, кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа, Россия, r.m.khasanova@yandex.com

Мощанская Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия, Mosch@yandex.ru

Никонова Жанна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, ректор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, nikonova@lunn.ru

Новикова Наталия Дмитриевна, аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, novikova_nata_nnd@mail.ru

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, tatyana_27@mail.ru

Сергань Дарья Олеговна, аспирант, Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия, Sergan.Dasha@yandex.ru

Стародубов Станислав Витальевич, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия, starodubov_stas96@mail.ru

Усенко Наталия Михайловна, кандидат искусствоведения, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, saleks1966@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАН, Владимир, Россия, fedulenkova@list.ru

Цаллаева Лидия Георгиевна, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им.
Н. А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 1 (65)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Подписано в печать 25.03.2024. Дата выхода в свет 29.03.2024.
Формат 60×90 1/16. Печ. л. 12,18. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ № 11030.

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269